This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD
UNIVERSITY
LIBRARIES

ط ذ ك
6

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ

І. ЯСИНСКАГО

ВТОРАЯ КНИЖКА

IAsinskiĭ, I. I

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ПОВѢСТЕЙ И РАЗСКАЗОВЪ

І. ЯСИНСКАГО

1882—1883

ВСХОДЫ — РОДИНА — СТАРЫЙ САДЪ — БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія Эдуарда Гоппе, Вознесенскій просп., № 58
1888

ТК

F02661

PG3467
I3
1888
v.2

ВСХОДЫ

А. К. Шеллеру (А. Михайлову)

I

Занималась заря. Сонная рѣка зыблилась.

Молодой человѣкъ въ соломенной шляпѣ велъ подъ руку по отлогому берегу двухъ дѣвушекъ. Одна была одѣта въ кисейное платье съ широкими немодными рукавами. Коса змѣилась по ея спинѣ. Другая, выше первой и стройнѣе, была въ кофточкѣ, расшитой серебряными шнурками. Черты лица у ней казались неопредѣленными, дѣтскими, алый ротъ добродушно улыбался.

Впереди, по дорогѣ, которая тянулась отъ пристани къ городу, шли попарно еще молодые люди. Одни напѣвали, другіе громко спорили.

Направо отъ нихъ неподвижно лежалъ, дремля въ сумракѣ разсвѣта, огромный садъ. Налѣво, по ту сторону грязнаго канала, бѣлѣли дома. Въ прозрачной тишинѣ блѣднаго утра странно звучали веселые голоса молодежи.

Начался городъ. Изъ окна двухэтажнаго дома высунулась старуха и опять спряталась. Улицы были пустынны.

Молодые люди мало-по-малу разошлись въ разные концы. Они кричали другъ другу: »До завтра!«, »до свиданія!« и когда скрывались изъ виду, то нѣкоторое время еще долетали до ихъ слуха обрывки фразъ, произносимыхъ ихъ удаляющимися товарищами.

Между тѣмъ группа изъ двухъ дѣвушекъ и молодаго человѣка въ соломенной шляпѣ продолжала свой путь черезъ весь городъ.

Они болтали неумолчно и фамильярно называли другъ друга: »Пьеръ«, »Мэри«, »Фаничка«. Чувствовалась ихъ взаимная близость. Молодой человѣкъ поворачивалъ свое красивое лицо то къ одной спутницѣ,

то къ другой, и тогда онѣ украдкой смотрѣли на него съ загадочной тоской.

Небо алѣло.

На выѣздѣ, за городомъ, стоялъ каменный домъ. Кругомъ высились старые тополи. Верхушки ихъ золотило солнце, когда здѣсь остановились молодые люди.

Мэри и Фаничка крѣпко пожали руку Пьеру, и онъ приподнялъ шляпу. Онъ стоялъ все время возлѣ нихъ, пока, въ отвѣтъ на звонокъ, не раздались на дворѣ тяжелые шаги. Дѣвушки торопливо оглянулись на него и исчезли въ раскрывшейся калиткѣ, вдругъ бросившей на него ослѣпительный лучъ. Когда калитка захлопнулась и тѣнь снова окутала Пьера, онъ побрелъ назадъ.

Городъ между тѣмъ просыпался, и дома, улицы, сады, церкви утопали въ блескѣ золотаго утра; дулъ свѣжій вѣтерокъ, пастухъ рѣзалъ воздухъ звуками своего рожка.

II

Пьеръ шелъ. У крылечка маленькаго домика, выкрашеннаго свѣтлой краской, онъ остановился и постучалъ въ дверь, сначала робко, потомъ смѣлѣе. Наконецъ сталъ барабанить и кричать: »эй, вы, проснитесь!« и постепенно терялъ терпѣніе.

Минутъ черезъ пять, занавѣска у окна заколыхалась, и изъ форточки выглянула его сестра, молодая женщина, въ ночномъ чепчикѣ, изъ подъ котораго на блѣдныя щеки ползли темнорусые локончики.

— Ты, Пьеръ? — спросила она тихимъ голосомъ. — Что ты такъ стучишь! Мы всю ночь промучились съ Шурочкой. Сейчасъ отворю.

Она скрылась и, громыхнувъ осторожно желѣзнымъ болтомъ, впустила брата въ узенькую галерейку.

Онъ улыбнулся привѣтливо, чтобъ загладить свою вину, и участливымъ шопотомъ спросилъ:

— Шурочкѣ хуже?

— Да, отвѣчала молодая женщина, вздохнувъ. — Мы боимся, Пьеръ. Конечно, бѣдная дѣвочка больна, но теперь что-то ужь очень... Сеня вчера даже гимнастикой съ ней не занимался. Пьеръ, если она умретъ, я съ ума сойду!

Губы у ней задрожали.

— Полно, Маша, произнесъ Пьеръ.

Онъ пошелъ на цыпочкахъ, точно хотѣлъ этимъ показать, что не всегда бываетъ грубъ и стучалъ по необходимости.

Въ концѣ галерейки была дверь, обитая клеенкой. Молодая женщина остановилась тутъ и, готовясь проститься съ братомъ, начала вдругъ разспрашивать его, было-ли ему весело... Она всегда разспрашивала его; ей хотѣлось знать, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ. Пьеръ отвѣчалъ, держась за ручку двери, что да, было весело.

— Кто былъ да кто? — спросила она.

Онъ назвалъ имена.

— А Мэри и Фаничка были? — продолжала она допрашивать брата и, сквозь

слезы — слѣдъ недавняго горестнаго волненія — бросила на него лукавый взглядъ, который раздражилъ его.

— Были.

Сестра печально вздохнула и прекратила допросъ.

— Ну, спи, не сердись.

Онъ торопливо пожалъ ея горячіе худые пальцы и вошелъ къ себѣ, жмурясь отъ солнечныхъ лучей, заливавшихъ комнату, и чувствуя головокруженіе, боль въ ногахъ и неодолимое желаніе лечь.

Онъ едва могъ опустить штору и откинуть одѣяло. Еще труднѣе было раздѣться. Когда же онъ легъ, то ему показалось, что его несетъ волна. Ему чудился лѣсъ, озаренный огнемъ костра, блескъ рѣки; сквозь синій дымъ мелькали смѣющіяся лица дѣвушекъ, друзей, все куда-то плыло, быстрѣе и быстрѣе, и наконецъ Пьеръ заснулъ.

III

Къ двѣнадцати часамъ дня почти всѣ обитатели каменнаго дома, что на выѣздѣ, собрались на террасѣ съ трельяжемъ изъ дикаго винограда. Солнце лишь тамъ и сямъ пронизывало этотъ зеленый сводъ. Прямо виднѣлись клумбы съ настурціями и георгинами, группы деревьевъ. Позади, въ глубинѣ — черезъ отворенныя настежъ стекляныя двери — въ полусумракѣ обрисовывалась массивная мебель гостиной и тускло сіяла бронзовая люстра.

Полная дама лѣтъ пятидесяти, съ мясистой шеей, съ глубокими бороздами по обѣимъ сторонамъ небольшаго носа, румяными щеками и рѣзко обозначенными мѣшками подъ глазами на выкатѣ, осанисто сидѣла въ креслахъ стариннаго фасона и курила изъ чубука. Свинцовый взглядъ ея былъ устремленъ въ садъ.

Старушонка, почти карлица, съ желтымъ лицомъ, суетилась возлѣ этой дамы.

Когда трубка гасла, она торопливо наклонялась и подносила къ ней зажженую спичку.

Кошки, сѣрыя, бѣлыя, чорныя, пестрыя, разныхъ возрастовъ, наполняли террасу. Иныя грѣлись на солнцѣ, полузажмурившись, иныя играли, опрокидываясь граціозно на спину, или ласково слѣдили за сѣренькими птичками, порхавшими въ саду. Большой жирный котъ терся у ногъ полной дамы.

Эта дама была Нина Сергѣевна Лоскотина, мать Мэри и Фанички, которыя еще не выходили. Она поджидала ихъ къ чаю и завтраку.

— Антипьевна, ступай, узнай о здоровьѣ барышенъ! сказала она, нетерпѣливо поворачиваясь въ креслахъ.

Антипьевна ушла. Нина Сергѣевна, оставшись одна, скорбно потрясла головой. Будущее дочерей, непокорныхъ и своенравныхъ, представилось ей въ печальномъ свѣтѣ. Она искренно жалѣла ихъ, потому что любила. Одну, старшую дочь, она ужь потеряла. Она хотѣла, чтобы,

по крайней мѣрѣ, эти не погибли. Но она была убѣждена, что онѣ погибнутъ — и именно отъ того, что пренебрегаютъ заведеннымъ въ домѣ порядкомъ. Развѣ Лиза не отъ этого погибла?

Размышляя, Нина Сергѣевна все продолжала курить. Синій дымъ прозрачными клубами улеталъ въ садъ.

Антипьевна вернулась, и вслѣдъ за нею на террасу вбѣжали обѣ дѣвушки. На нихъ были свѣжія шумящія платья изъ розовой батистовки и гладкіе воротнички. Дѣвушки обратились къ матери съ громкимъ восклицаніемъ. Никогда онѣ этого не дѣлали, а теперь почему-то обрадовались, увидѣвъ ее. Имъ захотѣлось также поцѣловать у ней руку. Но Нина Сергѣевна уклонилась отъ поцѣлуевъ и холодно посмотрѣла на нихъ. Дѣвушки смутились и заговорили о томъ, »какой, maman, этотъ лѣсъ за Десной — прелесть!« Нина Сергѣевна опять холодно посмотрѣла на нихъ, и онѣ замолчали. Мэри, отойдя къ чайному столу, гдѣ блестѣли стаканы и серебря-

ныя ложечки, бросила сестрѣ серьезный взглядъ. Она боялась матери. Фаничка въ отвѣтъ безпечно улыбнулась, поднявъ черную бровь и опустивъ сіяющіе лукавые глаза.

IV

Пьеръ — фамилія его была Рубанскій — проснулся въ часъ. Въ комнатѣ царилъ полусумракъ жаркій и душный. Молодой человѣкъ пытливо посмотрѣлъ на кругленькій столикъ у изголовья. Тамъ стоялъ стаканъ молока, стаканъ холоднаго чая и лежала на тарелочкѣ куча сдобныхъ крендельковъ. Онъ откинулъ назадъ свои длинные каштановые волосы и, принявъ позу поудобнѣе, протянулъ къ столику руку.

»Маша-таки не забываетъ меня!« — подумалъ онъ о сестрѣ и выпилъ молоко, чай и съѣлъ почти всѣ кренделькн.

Полежавъ нѣсколько минутъ, онъ пробовалъ еще заснуть, но безуспѣшно; нѣкоторое время онъ мечталъ о Мэри, о Фа-

ничкѣ, о красивой дѣвушкѣ вообще, наконецъ, рѣшилъ встать.

Сунувъ ноги въ старыя лѣтнія ботинки, которыя служили ему вмѣсто туфель, онъ подошелъ къ столу, взялъ стклянку съ одеколономъ и влилъ часть его въ механическій умывальникъ. Пьеру казалось, что безъ этой эссенціи вода дѣйствуетъ слишкомъ грубо на кожу.

Умывшись, онъ поднялъ штору, расчесалъ волосы, сильно смачивая ихъ аѳинской водой, набросилъ на плечи шелковый бухарскій халатъ съ изорванными на локтяхъ рукавами и сталъ чистить ногти маленькимъ стальнымъ инструментикомъ. Въ заключеніе, весело насвистывая, отшлифовалъ онъ ихъ замшевымъ полиссуаромъ и пудрой. Руки у него были бѣлыя и узкія, и длинные ногти на пальцахъ имѣли блескъ розоваго жемчуга, какъ онъ самъ это замѣтилъ, самодовольно улыбнувшись.

На туалетъ онъ употребилъ почти часъ.

V

Одѣвшись онъ явился на половину сестры. Мужа Маши, Семена Семеныча Линина, еще не было. Но онъ сейчасъ долженъ прійти со службы, и въ маленькой ситцевой гостиной, служившей разомъ и столовой, были уже сдѣланы приготовленія къ обѣду.

Маша сидѣла на диванѣ, поставленномъ въ углу комнаты, и вязала носки мужу. Возлѣ нея неподвижно полулежалъ ребенокъ, упершись затылкомъ въ подушку, закутанный въ розовое пикейное одѣяльце. Его ручки, безпомощно повисшія по сторонамъ, казались восковыми. Не было ни кровинки въ крошечномъ желтоватомъ личикѣ, съ мелкими красивыми чертами. На лобъ спускалась жиденькая прядь темныхъ волосъ. И черные глаза ребенка, широко раскрытые, смотрѣли съ странной серьезностью.

— Агу, Шурочка, агу!—сказалъ Пьеръ, глядя ласково на дѣвочку и дотрогиваясь

до ея подбородка своими душистыми и блестящими пальцами, между тѣмъ, какъ другую руку онъ протянулъ сестрѣ, любезно бросивъ ей: »Bonjour, Маша!«

Дѣвочка не обратила на него вниманія. Маша поздоровалась съ братомъ и сказала:

— Ей сегодня лучше. Животикъ, кажется, не болитъ. Тебѣ лучше, Шурочка?—спросила она, наклоняясь къ дѣвочкѣ; но та и на нее не обратила вниманія. — Совсѣмъ какъ старушка! — произнесла она, улыбнувшись брату.

Стальныя спицы снова заходили въ ея худыхъ рукахъ.

Пьеръ пристально посмотрѣлъ на диванъ, подозрѣвая тамъ грязь, но сѣлъ, скрѣпя сердце. Взглядъ его затѣмъ устремился на столъ. »Скатерть вся въ пятнахъ«, подумалъ онъ брезгливо. Чрезъ минуту онъ сообразилъ, что хорошо было бы пообѣдать въ трактирѣ. Поговоривъ съ сестрой даже о погодѣ, онъ вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, спросилъ небрежно, не можетъ ли она дать ему взаймы два рубля. Маша покраснѣла, засуети-

лась и достала изъ кармана своего платья смятую трехрублевку.

— Вотъ весь мой капиталъ! — сказала она робко.

Пьеръ взялъ деньги и сунулъ ихъ къ себѣ въ жилетъ.

Посидѣвъ еще нѣсколько минутъ, пощелкавъ пальцами передъ носомъ Шурочки, взглянувъ изъ окна на небо, сдѣлавъ предположеніе, что вечеромъ будетъ дождь, онъ рѣшительно всталъ и ушелъ, какъ его ни упрашивала сестра остаться.

VI

Между тѣмъ Мэри и Фаничка, съ которыми Нина Сергѣевна упорно молчала весь день, гуляли по саду. Жара спадала. Но косые лучи солнца еще ярко горѣли на зеленой листвѣ деревъ, на піоніяхъ, гвоздикахъ, на желтыхъ дорожкахъ; небесная лазурь была ослѣпительна.

Мэри, чтобъ не загорѣть, накинула на

голову бѣлый платочекъ. Фаничка шла въ клеенчатой матроскѣ, горячей отъ солнца.

Сестрамъ хотѣлось поговорить о Пьерѣ. Прежде—вчера и даже утромъ—имъ это было бы легко сдѣлать. Теперь ихъ что-то стѣсняло. Онѣ молчали, и каждая ждала удобнаго предлога. Но предлога все не было.

Мэри Пьеръ представлялся молодымъ человѣкомъ съ благородной душой. Можно сказать, онъ единственный въ своемъ родѣ молодой человѣкъ! Онъ такъ уменъ! Онъ сказалъ ей: »за гробомъ насъ ждетъ великое *можетъ быть!*« Она съ сладкой тоской думала о немъ.

Фаничкѣ Пьеръ казался широкой натурой. Съ нимъ не бываетъ скучно. Онъ остритъ, хохочетъ, у него горячая кровь. И когда вчера они пили брудершафтъ, и руки ихъ сплелись у локтей, она почувствовала мускулы его, мощные и твердые. Пьеръ хорошъ, какъ богъ.

Онѣ продолжали идти молча.

Фаничка иногда наклонялась по пути, срывала цвѣтокъ, подносила его къ носу,

бросала. Мэри посматривала на сестру тоскливымъ взглядомъ.

Такъ онѣ прошлись по саду нѣсколько разъ.

Жара все спадала. Чирикали въ чащѣ какія-то птички, перепархивали съ вѣтки на вѣтку воробьи. Домъ вдали бѣлѣлъ изъ-за деревьевъ, съ своей черной крышей и воздушнымъ балкончикомъ, выходившимъ изъ комнаты Мэри.

»Ни за что не начну«, сказала себѣ Фаничка, не переставая думать о Пьерѣ.

Мэри подумала:

»Пусть начнетъ Фаничка«.

И такъ какъ онѣ обѣ молчали и обѣ тосковали, вздыхая, то это вдругъ встревожило ихъ.

Сѣвши на скамейку у садоваго забора, повитаго хмелемъ, онѣ искоса взглянули одна на другую.

Ихъ точно что въ сердце толкнуло. Щеки вспыхнули. Но лица были серьезны.

Онѣ не дали себѣ опредѣленнаго отвѣта на чувство, сжавшее ихъ грудь. Имъ было только больно. Но въ то же время

для каждой изъ нихъ стало ясно, что о Пьерѣ имъ нельзя уже говорить откровенно, даже совсѣмъ нельзя говорить.

Онѣ посидѣли нѣсколько минутъ, обмѣнялись двумя-тремя незначительными фразами и разошлись въ разныя стороны.

VII

Послѣ обѣда Лининъ — небольшаго роста человѣкъ, съ длиннымъ бритымъ лицомъ и золотистыми волосами, расчесанными посрединѣ—походилъ по комнатѣ съ Шурочкой, радуясь, что ей лучше. Онъ занялся съ дѣвочкой даже гимнастикой: положилъ ее навзничъ на диванъ и послѣдовательно согнулъ и разогнулъ ея ручки и ножки разъ десять, приговаривая: »разъ-два, разъ-два!« Маша вязала чулокъ и съ улыбкой смотрѣла на мужа.

Она услышала, что ее кто-то окликнулъ съ улицы въ открытое окно, повернула голову и ахнула: стояла Лиза Лоскотина. Лиза пополнѣла и похорошѣла, и

сѣроголубые глаза ея ласково смѣялись. Она была въ перчаткахъ, въ лѣтнемъ свѣтломъ платьѣ и соломенной шляпкѣ. Маша протянула ей въ окно руку. Отъ радости она не могла говорить. Лининъ тоже увидѣлъ гостью и сталъ торопливо надѣвать сюртукъ, отвернувшись.

Начались разспросы: »какими судьбами?« »на долго ли?«

Лиза отвѣчала, что на нѣсколько дней и что она пріѣхала на педагогическій съѣздъ, какъ сельская учительница.

Когда она вошла въ комнату, то поцѣловала Машу, крѣпко пожала руку Линину, который привѣтливо хихикалъ, и наклонилась къ Шурочкѣ. Видъ ребенка испугалъ Лизу. Она сострадательно нахмурила брови и спросила:

— Нездорова дѣвочка?

Маша сказала, что уже полгода Шурочка такая.

— У ней пепсинъ еще не выдѣляется, — подхватилъ Лининъ: — въ этомъ вся бѣда.

— А нянька потихоньку кормила ее

супомъ! — пояснила съ ужасомъ Маша. — Пришлось прогнать.

— И дѣвочка заболѣла?

— Да... Стала худѣть, худѣть...

Разговоръ перешелъ опять на Лизу, на общихъ знакомыхъ, на внутреннюю политику.

Лиза, впрочемъ, избѣгала говорить о политикѣ; но Лининъ хотѣлъ подѣлиться съ ней своими свѣдѣніями по этой части. Онъ торопливо передалъ ей имена политическихъ арестантовъ въ мѣстномъ замкѣ.

Лиза кивнула головой и немножко скосила глаза. Свѣдѣнія Линина были невѣрны. Но хотя ей хотѣлось сказать, что они невѣрны, она предпочла молчаніе.

Она смотрѣла на свою подругу, которая, бывало, съ такимъ наслажденіемъ вслухъ читаетъ Писарева и вся дрожитъ, на ея мужа, который тогда носилъ малорусскій костюмъ, сурово сплевывалъ и произносилъ полуслова, такъ-что многимъ казался умнымъ и положительнымъ человѣкомъ; и ей не вѣрилось, что въ нихъ произошла какая-то перемѣна. Все это

было такъ еще недавно! Однако, перемѣна произошла — она ее чувствуетъ.

»Въ чемъ эта перемѣна?« — спрашивала она себя, пытливо посматривая кругомъ.

Она задала своимъ друзьямъ рядъ вопросовъ.

Они отвѣчали; но отвѣты были такіе, какіе она услышала бы отъ нихъ и прежде.

Самъ Лининъ, все время, пока у нихъ сидѣла Лоскотина, опасался, чтобъ его не заподозрѣли въ охлажденіи къ чему-то.

— Лизавета Павловна, — говорилъ онъ, значительно хмуря брови: — надѣюсь, что я сохранилъ и сохраню образъ человѣческій, хоть это подвигъ, можно сказать! Въ этакомъ-то омутѣ!?.. Въ болотѣ!?

Онъ сталъ жаловаться на бѣдность, на докторовъ, на прислугу. Маша не утерпѣла: захотѣла непремѣнно сама разсказать Лизѣ про кухарку. Лининъ уступилъ женѣ, но перебивалъ ее, качалъ головой, произносилъ: »чушь, совсѣмъ не такъ было! чушь!« Маша замолчала, и

онъ съ удовольствіемъ докончилъ ея разсказъ.

Въ числѣ прочихъ новостей, онъ сообщилъ Лоскотиной и о Пьерѣ.

— Аристократа Богъ далъ! — сказалъ онъ, шаркнувъ ногой.

— Онъ теперь студентъ третьяго курса, — пояснила Маша, робко обращаясь къ Лизѣ: — а тогда, помнишь, былъ въ пятомъ классѣ...

— Помню, — проговорила Лиза; — какъ же, помню...

— У него были тогда хорошіе уроки, онъ меня поддерживалъ, Лиза, — прибавила Маша еще боязливѣе.

Взглядъ Линина насмѣшливо съузился.

— Онъ и теперь готовъ, — продолжала Маша въ волненіи. — Согласись сама... Пріѣхалъ на лѣто... Правда, урокъ имѣетъ... у губернаторши... пятьдесятъ рублей... Но ему надо же одѣться!?.. Въ такой домъ, Лиза, согласись сама, надо являться не какъ-нибудь!..

Лиза кивнула головой. Она думала совсѣмъ о другомъ.

Она спросила, не видаетъ ли кто ея сестеръ, Мэри и Фаничку?

Голосъ ея былъ спокоенъ, но она опустила глаза.

Маша отвѣчала, что Нина Сергѣевна не велѣла пускать ее къ себѣ, какъ только обнаружилось, что она помогала Лизину бѣгству; и съ тѣхъ поръ ей удавалось видѣть Мэри и Фаничку только случайно — гдѣ-нибудь на улицѣ. — Онѣ теперь большія и ихъ трудно узнать — заключила она.

— Вотъ аристократъ такъ втерся! — насмѣшливо заявилъ Лининъ и, желая сдѣлать лицо, похожее на лицо Пьера, некрасиво прищурился.

— Пьеръ у нихъ бываетъ, — подтвердила Маша. — Онъ вездѣ бываетъ, потому что принятъ у губернаторши.

— Какое счастье! — воскликнулъ Лининъ и посмотрѣлъ на Лизу смѣющимися глазами, подмигнувъ ей.

— Не счастье, — произнесла Маша: — но...

Она смѣшалась и покраснѣла.

— Не ты ли, Сеня, самъ жалѣлъ, что не можешь танцовать и на имѣешь манеръ, чтобъ попасть въ высшее общество?

— Я? — спросилъ Лининъ, и маленькіе глазки его сверкнули свинцовымъ блескомъ. — Я? — повторилъ онъ.

— Конечно ты, — кротко промолвила жена. — Еще говорилъ, что тогда другая карьера была бы... Пьеръ заранѣе пробиваетъ себѣ дорогу... Онъ юристъ... Ему нужна протекція. Ну, и дай ему Богъ! Зачѣмъ завидовать...

Лининъ сталъ смѣяться самымъ натуральнымъ смѣхомъ, какъ ему казалось. Лиза поспѣшила сказать:

— Вотъ еслибы, Маша, Пьеръ устроилъ мнѣ свиданіе съ Мэри и Фаничкой. Я была бы ему очень благодарна!

— Онъ устроитъ!

— Попроси его...

— Лизочка, я тебѣ даю слово...

Друзья поговорили еще. Лиза встала и начала прощаться. Ей клялись, что сейчасъ будетъ чай, хотѣли отнять у ней

шляпку. Но она ушла, давъ слово зайти завтра.

VIII

Пьеръ скверно пообѣдалъ въ трактирѣ. Трактирная скатерть тоже была въ пятнахъ. Онъ побранилъ половаго, сыгралъ партію на бильярдѣ съ сонн ымъ маркеромъ и вышелъ не въ духѣ. Звонили къ вечернѣ. Онъ вспомнилъ, что въ пять часовъ у него урокъ, и испугался, взялъ извощика и велѣлъ ѣхать: »къ губернатору«. Это онъ произнесъ громко и раздѣльно.

Домъ губернатора, низенькій, но обширный, сѣрый, съ бѣлыми колонками, примыкалъ къ городскому саду.

Дрожки Пьера остановились передъ подъѣздомъ, украшеннымъ латунными фонарями, которые имѣли форму тюльпановъ. Взбѣжавъ по широкому крыльцу, молодой человѣкъ спросилъ у ливрейнаго лакея, дома ли Клавдія Аполосовна —

губернаторша — и дома ли маленькій князь, хотя былъ увѣренъ, что послѣдній, во всякомъ случаѣ, дома. Этотъ маленькій князь былъ племянникъ Клавдіи Аполосовны и его ученикъ. На утвердительный отвѣтъ лакея, Пьеръ высморкался въ душистый платокъ, посмотрѣлся въ зеркало, смахнулъ съ лица пыль и отправился въ темноватую пріемную.

Какъ и всегда, Клавдія Аполосовна не заставила себя ждать и минуты. Она вышла къ нему съ самымъ любезнымъ лицомъ. Это было лицо тридцати-лѣтней красавицы, нѣжное и бѣлое, безъ пушинки, съ умными, неглубокими глазами и усталымъ блѣднымъ ротикомъ. Она чуть-чуть гнулась впередъ, и на ней было простое сѣрое платье съ кружевами, а на прозрачной съ синими жилками рукѣ, которую она протянула Пьеру, блестѣлъ тоненькій золотой обручикъ.

Пьеръ ей казался застѣнчивымъ молодымъ человѣкомъ, и поэтому она всякій разъ старалась быть съ нимъ возможно ласковѣе; но сквозь ласковый тонъ ея

проглядывало снисходительное чувство. Лицо ея улыбалась, глаза были холодны.

Слѣдующая комната была свѣтлая, хорошо знакомая Пьеру. Она всегда навѣвала на него холодъ.

Маленькій князь поклонился учителю. Онъ уже разложилъ на классномъ столѣ тетради и книги. Это былъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, съ огромной бѣлокурой головой, выстриженной такъ, что издали онъ казался плѣшивымъ, и съ узенькими глазками.

Клавдія Аполосовна считала своей обязанностью присутствовать при урокахъ. Она и теперь взяла работу и сѣла недалеко отъ Пьера.

Пьерь зналъ, что смущаться ему этимъ нечего; что если бы онъ даже и заврался, Клавдія Аполосовна ничего не замѣтитъ; однакожъ, онъ былъ смущенъ.

Впрочемъ, урокъ кончился благополучно. Маленькій князь усердно учился. Онъ отлично рѣшилъ задачи, и Пьеръ похвалилъ его. Исполнивъ свой долгъ, маль-

чикъ собралъ книги и тетради, опять поклонился учителю и молча вышелъ.

— У него теперь гимнастика, любезно сказала Клавдія Аполосовна и встала. Глаза ея смотрѣли на Пьера, и, какъ бы на прощанье, она улыбалась ему.

Пьеру надо было уходить. Клавдія Аполосовна снова протянула ему руку.

— Приходите, — сказала она: — вечеромъ, десятаго...

Онъ улыбнулся и покраснѣлъ.

— »Вотъ дикарь!« подумала Клавдія Аполосовна и взглянула на него сквозь прищуренныя рѣсницы. Потомъ она объяснила ему, что будетъ рада ему во всякомъ случаѣ, но что радость ея будетъ особенно искренна, когда окажется, что онъ танцуетъ.

— Я танцую.

Клавдія Аполосовна любезно кивнула ему головой, что могло означать: »какъ это кстати, что вы танцуете!« а также: »ну, теперь съ Богомъ!«

Пьеръ понялъ это въ послѣднемъ смыслѣ. Черезъ полчаса онъ былъ дома.

IX

Выслушавъ сестру, Пьеръ сказалъ: »хорошо!« Онъ радъ былъ предлогу повидать Мэри и Фаничку. Онъ переодѣлся, напился съ Линиными чаю и отправился къ Лоскотинымъ часовъ въ восемь, когда солнце совсѣмъ закатилось за крыши.

Онъ засталъ на террасѣ одну Нину Сергѣевну. Она сидѣла въ своей неизмѣнной позѣ и курила изъ чубука. Она любила Пьера за почтительность и за то, что онъ, кажется, не былъ зараженъ нигилизмомъ. Она даже видѣла его въ церкви. Старуха привѣтствовала Пьера теперь, однако, съ нѣкоторою суровостью и не отнимала отъ губъ мундштука. Пьеръ не испугался, сѣлъ и, нагнувшись, ласково потрепалъ любимаго кота Нины Сергѣевны.

— Вы меня надули, — произнесла она, пустивъ клубъ дыма.

Онъ посмотрѣлъ на нее, сдѣлавъ самое невинное, недоумѣвающее лицо. Но Нина Сергѣевна не глядѣла на него.

»У ней цѣлый пудъ жира на шеѣ«! невольно подумалъ Пьеръ. И затѣмъ сейчасъ же началъ:

— Я васъ надулъ? Вы меня обижаете, Нина Сергѣевна. Впрочемъ, я знаю, на счетъ чего вы говорите. Барышни поздно вернулись? Но вотъ вамъ объясненіе. Мадамъ Федотова ни за что не согласилась отпустить ихъ со мною пѣшкомъ. А коляска ея — возьми да и сломайся, еще на той сторонѣ. Кучеръ пьянъ. Вѣдь вамъ извѣстно, какая теперь прислуга. Послали за новымъ экипажемъ. Ну, прошелъ часъ, другой. Наконецъ — есть экипажъ. Тогда что же? (»Господи, какая у ней шея!« подумалъ онъ опять) — Марья и Фанни Павловна препровождаются домой самой Федотовой. Правда, уже не рано, свѣтаетъ. Но самой Федотовой! Увѣряю васъ. Спрашивается, неужели я тутъ хоть сколько-нибудь виноватъ?

Нина Сергѣевна повернула къ нему свои желтоватые бѣлки, на этотъ разъ, повидимому, съ благосклоннымъ выраженіемъ.

На порогѣ позади Пьера остановилась Мэри. Она слышала, что онъ лжетъ, и хотя это была невинная ложь, ей она не понравилась. Она хотѣла бы, чтобы Пьеръ никогда не лгалъ, ни по какому поводу. Но Фаничка, выглядывавшая изъ-за плечъ Мэри, изъ глубины гостиной, пришла въ восторгъ. »Онъ ужасно милъ«, говорила она себѣ: »милъ, милъ!«

Пьеръ, услышавъ шорохъ за собой и увидѣвъ Мэри и Фаничку, всталъ и пріятельски имъ улыбнулся. Онѣ вышли на террасу. Пьеръ поздоровался съ ними просто, какъ хорошій знакомый, но безъ малѣйшаго оттѣнка вчерашней фамильярности. Онъ чувствовалъ надъ собой бодрствующее око Нины Сергѣевны, хотя фактически оно было устремлено въ садъ.

Чувствовали это конечно и Мэри, и Фаничка. Нина Сергѣевна нарочно молчала, чтобы дать свободу молодымъ людямъ бесѣдовать, но ея молчаніе особенно стѣсняло ихъ.

Вошли горничная и Антипьевна, съ

бѣлой скатертью въ рукахъ, и накрыли столъ для вечерняго чая.

Небо потухало. Розо-жемчужныя облачка тускнѣли. Вѣяло прохладой, и въ саду вставали тѣни.

»Теперь вотъ по аллеямъ походить бы, а тутъ сиди, точно подъ арестомъ«, думалъ Пьеръ.« Я чаю и не хочу. Когда-жь я барышнямъ секретъ про Лизу передамъ?«

Онъ съ тоской посмотрѣлъ на затылокъ Нины Сергѣевны.

Принесли самоваръ накладнаго серебра, который подавали только при гостяхъ, поставили посуду, закуски.

Нина Сергѣевна любила разливать чай. Она отдала Антипьевнѣ чубукъ и, опершись на ея плечо, встала. Передъ самоваромъ стояло уже другое удобное кресло, и она заняла его. Въ послѣднее время она съ трудомъ передвигалась съ мѣста на мѣсто.

По лѣвую сторону стола сѣла Мэри, по правую — Фаничка. Пьеръ сѣлъ противъ Нины Сергѣевны. Чтобъ избѣжать

ея взгляда, онъ опустилъ глаза и сталъ смотрѣть на самоваръ, въ выпукломъ зеркалѣ котораго блестѣла полоска неба.

— Что-жь новаго въ городѣ? спросила Нина Сергѣевна, заваривъ чай.

Пьеръ отвѣчалъ, что десятаго будетъ вечеръ у губернаторши.

— Вы будете? спросила Фаничка.

— Да, — Клавдія Аполосовна сама пригласила.

»Еще бы, не пригласить его!« прошептала Фаничка и сказала:

— Мнѣ хотѣлось бы тоже быть.

»Рублей сто выйдетъ на туалеты!« подумала Нина Сергѣевна, такъ какъ не сомнѣвалась, что дочери ея будутъ на этомъ вечерѣ.

Она разлила чай и передала всѣмъ стаканы. Сама она пила изъ огромной фарфоровой чашки.

Мало-по-малу стемнѣло. Небо сдѣлалось синимъ. Задрожали надъ вершинами деревъ блѣдныя звѣзды. На террасу подали свѣчи въ высокихъ подсвѣчникахъ, съ стекляными колпаками.

Разговоръ по прежнему тянулся вяло. Пьеръ разсказывалъ о своихъ полукурсовыхъ экзаменахъ. Мэри внимательно слушала его и еще внимательнѣе смотрѣла на его лицо.

Столъ былъ невеликъ. Скатерть спускалась такъ, что лежала у всѣхъ на колѣнахъ. Пьеръ, чтобы какъ-нибудь скрасить скуку бесѣды, протянулъ ногу и пожалъ носокъ ботинки Мэри.

Мэри вспыхнула и отодвинула свой стулъ.

Пьеръ смутился, но черезъ нѣсколько минутъ рискнулъ пожать ногу Фаничкѣ.

Фаничка энергически отвѣчала на его пожатіе.

Пьеръ разсказалъ нѣсколько анекдотовъ о профессорахъ и заставилъ улыбнуться даже Нину Сергѣевну. Одинъ изъ этихъ профессоровъ любилъ кошекъ, и легко было перейти къ анекдотамъ о кошкахъ. Пьеръ выказалъ себя забавнымъ собесѣдникомъ и все время чувствовалъ, какъ нога Фанички, теплая и мягкая, обутая въ прюнель, жала ему ногу.

Когда пробило въ гостиной десять, Нина Сергѣевна пересѣла въ прежнее кресло, покурить. Молодые люди встали. Фаничка крикнула:

— Пойдемте въ садъ!

Она сбѣжала съ террасы, Пьеръ послѣдовалъ за нею, а за нимъ Мэри.

— Не забывайте, что я ложусь въ половинѣ одиннадцатаго! — сурово сказала въ темноту Нина Сергѣевна.

— О, maman! — произнесла Фаничка.

Въ аллеяхъ стоялъ мракъ, но не черный, а голубоватый, и деревья ласково простирали свои вѣтви, и садъ, былъ полонъ таинственной прелести.

Фаничка стала напѣвать.

Пьеръ разнѣжился и чуть не забылъ, зачѣмъ онъ пришелъ къ Лоскотинымъ. Но отойдя отъ дома на порядочное разстояніе, онъ взялъ дѣвушекъ за руки и объявилъ, что въ городѣ Лиза, сестра ихъ, и очень хочетъ видѣть ихъ. Завтра, часовъ въ пять, она будетъ у Лининыхъ.

У каждой радостно забилось сердце, сразу вспомнилось многое такое, о чемъ

онѣ и думать уже забыли. Онѣ съ волненіемъ дали Пьеру слово, что зайдутъ завтра къ Машѣ, въ пять часовъ.

Послѣ чего, они прошлись раза два по саду и, хоть Фаничкѣ хотѣлось посидѣть въ бесѣдкѣ, но вернулись на террасу.

Пьеръ взялся за шляпу.

Нина Сергѣевна благосклонно простилась съ нимъ и наказала ему поблагодарить мадамъ Федотову за экипажъ и за вниманіе къ ея дочерямъ. Федотова не была знакома съ Ниной Сергѣевной, и Нинѣ Сергѣевнѣ доставляла большое удовольствіе мысль, что есть въ городѣ богатыя и почтенныя личности, которыя — *однако* — такъ или иначе заискиваютъ у Лоскотиной.

Пьеръ ушелъ, и на прощанье Фаничка значительно пожала ему руку. Все ея тѣло было проникнуто радостнымъ трепетомъ, ей хотѣлось смѣяться, плакать, кружиться по комнатамъ. Но Мэри была серьезна. Только румянецъ черезчуръ разыгрался на ея лицѣ.

*

X

По уходѣ Пьера, Нина Сергѣевна благословила дочерей и отправилась спать, а барышни пошли на свои антресоли.

Антресоли состояли изъ четырехъ комнатокъ. Двѣ изъ нихъ были завалены разнымъ хламомъ, а въ двухъ обитали Мэри и Фаничка.

Комната Мэри выходила въ садъ и была съ балкончикомъ. У Мэри въ углу стоялъ кіотъ и мерцала лампадка.

Въ комнатѣ Фанички господствовалъ безпорядокъ. Огромная софа занимала много пространства, и шерсть тамъ и сямъ лѣзла изъ этой мебели. Стѣны были исписаны стихами и счетами бѣлья.

Мэри сѣла на порогѣ своего балкончика. Взглядъ ея долго былъ устремленъ въ садъ. Новое чувство, овладѣвшее ею, сдѣлало ее серьезной. Грудь ея ныла отъ тоски, когда она думала о Пьерѣ. Теперь ей не было бы весело съ нимъ.

Она вспомнила, что онъ позволилъ себѣ пожать ей ногу. Ей опять сдѣлалось стыдно, какъ и тогда. »Мнѣ это не нравится«. — »Не нравится!« повторила она почти громко и гнѣвно нахмурилась.

Ночь была удивительно тихая, прозрачная. Луна всходила. Воздухъ былъ пропитанъ ароматами цвѣтовъ. Вокругъ сада дремали тополи. Не хотѣлось спать, хотѣлось мечтать, грезить и видѣть сны наяву.

Мэри все сидѣла на порогѣ.

Въ синемъ небѣ теплились тысячи звѣздъ. Ихъ трепетъ, казалось, отвѣчалъ біенію ея жилъ, странный восторгъ овладѣвалъ ею...

— Боже мой, сдѣлай такъ, чтобы *онъ* меня полюбилъ!—прошептала она вдругъ, чувствуя слезы на глазахъ.

Фаничка, между тѣмъ, оставшись одна въ своей комнатѣ, зажгла лампу и долго ходила изъ угла въ уголъ. Никогда еще не испытывала она такого волненія. Она не сомнѣвалась, что любитъ и любима. Воображеніе ея рисовало ей картины са-

мыя плѣнительныя. Она видѣла себя на колѣнахъ передъ матерью, которая благословляетъ ее на бракъ съ Пьеромъ. Видѣла себя въ церкви, въ бѣломъ газовомъ платьѣ, въ цвѣтахъ. Она много танцовала на своей свадьбѣ, и грудь ея высоко дышала, точно она ужь устала отъ этихъ танцевъ. Она шептала нѣжныя фразы Пьеру на ухо, и онъ жалъ ей руку, а она склонила ему на плечо голову. Въ вискахъ у ней шумѣло, щеки ея пылали. Она на ходу стала раздѣваться, швырнула на софу платье, бросилась на постель, полежала нѣсколько минутъ, сложивъ надъ головой руки, и въ волненіи чуть-чуть била ногой по кровати, пока туфелька не упала на полъ. Тогда она вскочила и, чувствуя ознобъ, отъ котораго кожа на ея рукахъ, выше локтей, стала шероховатой, сѣла къ столу, взяла листъ бумаги и написала на немъ крупнымъ почеркомъ:

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ.

ПОЭМА.

Она до самаго утра сидѣла надъ листомъ,

но ничего не прибавила къ написанному. Когда свѣтъ лампы смѣшался съ робкимъ блескомъ зари, Фаничка съ недоумѣніемъ посмотрѣла кругомъ, провела рукой по горячему лбу, сожгла бумагу и тихо легла.

Она крѣпко спала. Проснулась она рано. Но Мэри уже встала и слышно было, какъ она молится и шепчетъ: »во имя Отца и Сына и Святаго Духа«... Фаничка повернулась на другой бокъ и опять заснула.

XI

Во время завтрака, Фаничка взяла у Нины Сергѣевны шесть рублей на шляпку, такъ-какъ матроска ея потрескалась отъ солнца, и попросила Мэри идти вмѣстѣ въ магазинъ.

— Хорошо, отвѣчала Мэри тихо. — Но ты забыла?.. — Она замолчала и бросила сестрѣ серьезный взглядъ.

Фаничка подняла бровь и пожала плечомъ.

— Что такое?

— Лиза...

— Ахъ, да! — вскрикнула Фаничка. — Нѣтъ, какъ же! Но сначала пойдемъ за шляпкой, а потомъ уже къ Лининой. Мнѣ хочется, чтобъ Лиза видѣла меня въ новой шляпкѣ.

Сейчасъ же послѣ обѣда онѣ вышли изъ дома. Онѣ прошли бульваръ, прошли мимо огромнаго стариннаго собора, мимо ряда бакалейныхъ лавокъ, откуда выглядывали оживленныя лица евреевъ, и, наконецъ, глазамъ ихъ представился магазинъ модъ мадамъ Сесиль, единственный сносный во всемъ городѣ. Тутъ Мэри выбрала сестрѣ шляпку, — и онѣ отправились къ Лининымъ.

Въ передней ихъ встрѣтилъ Пьеръ. На немъ былъ черный сюртукъ. Онъ помогъ запыхавшимся дѣвушкамъ снять накидки и объявилъ шепотомъ, что Лиза уже тутъ и что у Маши случилось несчастье.

— Какое?

Но такъ какъ изъ передней дверь была отворена и легко можно было видѣть, что дѣлается въ сосѣдней комнатѣ, то, инстинктивно посмотрѣвъ туда, дѣвушки замѣтили, что на столѣ, покрытомъ бѣлой скатертью, лежитъ что-то маленькое, въ цвѣтахъ, и поняли сами, что это смерть.

Мэри поблѣднѣла, Фаничка слабо вскрикнула. Пьеръ остановился у порога, молча понуривъ голову. Къ нимъ подошла Лиза и нѣжно пожала имъ руки. Маша тоже подошла къ нимъ.

— Что дѣлать! — сказала она имъ.

Пальцы ея хрустнули.

Лининъ стоялъ у стола и изрѣдка махалъ рукой надъ маленькой покойницей; мухи лѣзли ей въ неподвижно прищуреные глазки.

Увидавъ Мэри и Фаничку, онъ сухо поклонился имъ издали.

— Умерла сегодня ночью, въ одиннадцать часовъ. — Завтра хоронить голубку будемъ. Вотъ тебѣ и доктора!

Онъ больше ничего не сказалъ, запла-

калъ и продолжалъ махать рукой. Постороннимъ было тяжело смотрѣть на него и на Машу. Мэри хотѣла сказать Лининой что-нибудь утѣшительное, но слова не шли съ языка. Ктому-же близость сестры Лизы волновала ее, и она была полна мыслью о ней. Фаничка тоже почти забыла непріятное впечатлѣніе отъ цвѣтовъ на столѣ и робко и вмѣстѣ жадно смотрѣла на старшую сестру, удивляясь, что она такая красавица и не имѣетъ вида несчастной. »Поцѣловать бы ее«, думала она.

Пьеръ подошелъ къ дѣвушкамъ и шепотомъ предложилъ имъ перейти въ его комнату, гдѣ онѣ могутъ поговорить между собой наединѣ. Лиза кивнула ему головой. Сестры посмотрѣли сострадательно на Машу и вышли, вздохнувъ.

XII

Въ комнатѣ Пьера пахло духами, и на окнѣ, въ бѣленькой вазѣ, стоялъ букетъ свѣжихъ розъ. Порядокъ былъ образцовый. Постель застлана красивымъ лѣтнимъ одѣяломъ, и наволочки на подушкахъ, очевидно, только-что надѣты. Стульевъ немного; но все-таки было на чемъ сѣсть.

Лиза поцѣловала сестеръ. Глаза у ней были влажны. Шесть лѣтъ назадъ, и Мэри, и Фаничка были дѣвочками, а теперь—какъ выросли, какъ перемѣнились!

Всѣ молчали. Лиза и Мэри были особенно растроганы. Онѣ смотрѣли одна на другую, съ чувствомъ безпредѣльной вдругъ проснувшейся любви. Ихъ тянуло другъ къ другу. »Я не знала, что я ее такъ люблю«, говорила себѣ Лиза, и то-же самое думала Мэри. И оттого, что онѣ были такъ взволнованы, имъ казалось, что еслибъ онѣ начали говорить, то сказали

бы что-нибудь плоское или холодное, и невольно воздерживались отъ фразъ и словъ. Фаничка улыбалась и окидывала комнату Пьера радостнымъ взглядомъ и такимъ же взглядомъ смотрѣла на Лизу. Лиза, хотя вся вдругъ отдавшаяся Мэри, видѣла этотъ взглядъ, и у ней составилось внезапное представленіе о Фаничкѣ, какъ о миломъ, не несерьезномъ ребенкѣ. Она пожала ей руку и еще разъ поцѣловала ее и затѣмъ обняла Мэри за талію.

Это движеніе какъ-бы вывело сестеръ изъ напряженнаго состоянія. Первый восторгъ прошелъ. А когда чувство любви стало спокойнѣе, явилась потребность говорить. Лиза и Мэри одновременно заговорили и теперь уже не боялись сказать что-нибудь некстати.

Разговоръ состоялъ сначала изъ коротенькихъ вопросовъ и отвѣтовъ. Они слѣдовали одинъ за другимъ очень быстро и касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ.

Главное было то, что сестры чувствовали, разговаривая, какъ онѣ сильно ин-

тересуются другъ дружкой. Глаза ихъ блестѣли, и розовыя губы улыбались, и румянецъ игралъ на щекахъ.

Взглядъ у Мэри былъ глубокій, темный, и Лиза была убѣждена, что такой взглядъ есть признакъ сильной натуры. Когда Мэри была дѣвочкой, Лиза почти не любила ея. Но теперь ей было непонятно, какъ она могла не любить ея.

Мэри, въ свою очередь, любовалась Лизой. Ей нравилось, что Лиза похожа на мать. У Лизы было такое же лицо, какъ и у Нины Сергѣевны, но только совсѣмъ молодое, свѣжее, съ ямками на щекахъ и подбородкѣ, и глаза не тусклые, а яркіе и кроткіе, немного задумчивые. Ростомъ Лиза казалась выше матери, потому что полнота у ней была умѣренная, и она была стройна, какъ Фаничка.

Мэри подумала:

»О, еслибъ она помирилась съ maman!«

И сейчасъ же сказала это, причемъ застѣнчиво посмотрѣла на нее и схватила ея руку.

Фаничка присоединилась къ Мэри.

— Лиза! крикнула она. — Ахъ, Лиза! Мы опять зажили бы вмѣстѣ на антресоляхъ!

Лиза улыбнулась и пожала руку Фаничкѣ. Но обратившись къ Мэри, она сказала серьезнымъ тономъ:

— Этого нельзя, Мэри. Это никогда не будетъ. Это ужасно тяжело, но этого никогда не будетъ.

Мэри замѣтила, что въ ея глазахъ блеснули слезы.

— Лиза! Лиза! крикнула Фаничка.

Лиза не отвѣчала. Она отошла къ окну. Потомъ, возвратившись на прежнее мѣсто и, горячо обнявъ Мэри, она сказала, глядя ей прямо въ глаза влажнымъ ласковымъ взглядомъ:

— Мэри, я крѣпко тебя полюбила. Ты, должно быть, серьезная и работящая головка. У тебя хорошее сердце. Ты поймешь, почему для меня никогда не можетъ быть возврата къ прошлому, когда узнаешь, что заставило меня уйти отъ maman. Мнѣ жаль тебя, Мэри. Но надо тебѣ открыть глаза. И ты, Фаничка,

должна узнать правду. Но я не могу вамъ сказать этого теперь, сейчасъ, потому что мнѣ тяжело вамъ исповѣдываться. Совѣсть у меня чиста, дѣло у меня чистое, а тяжело. Вы — почва нетронутая. Вамъ больно будетъ. Пусть въ другой разъ.

Мэри и Фаничка съ недоумѣніемъ смотрѣли на нее.

— Завтра... или лучше послѣ-завтра... сказала она, поблѣднѣвъ.—Это мой долгъ! сказала она потомъ, какъ-бы про себя, и, вставъ, пожала имъ руки.

Она ушла съ странной торопливостью. И онѣ тоже ушли, не заходя къ Линиямъ. Пьеръ вынесъ имъ въ галлерейку накидки. Одѣвая Фаничку, онъ взялъ ее за талію. Она покраснѣла и бросила ему косой взглядъ, не то сердитый, не то смѣющійся. Пьеръ почувствовалъ, что любитъ ее.

Мэри между тѣмъ была такъ погружена въ мысли о Лизѣ и о томъ, что она назвала своимъ долгомъ, что ушла, забывъ попрощаться съ Пьеромъ и совершенно

не замѣтивъ его поклона. Уже на улицѣ вспомнила она объ этомъ, и ей стало досадно на себя и на свою разсѣянность.

XIII

На другой день Фаничка смотрѣла изъ окна своей комнаты и думала о Пьерѣ. Она видѣла не только дворъ, но и часть улицы. Улица была, по обыкновенію, пустынна. Но Фаничка надѣялась, что, можетъ быть, кто-нибудь пройдетъ по ней, и это будетъ Пьеръ. Почти часъ простояла она: улица все была пустынна. Изрѣдка только поднимался невысокій вихрь и, кружась, убѣгалъ вдаль. Фаничка вздохнула и хотѣла отойти отъ окна.

Но на перекресткѣ показался священникъ въ траурной ризѣ, потомъ розовый гробикъ, пестрая кучка людей. Фаничка узнала среди нихъ Пьера и вздрогнула.

Она набросила накидку, надѣла шляпку, перчатки и въ попыхахъ вбѣжала къ Мэри.

— Хоронятъ дѣвочку Лининыхъ... Вотъ сейчасъ... пронесли... — начала она торопливо. — Пойдемъ, Мэри...

— Ты хочешь идти? — спросила Мэри, у которой голова болѣла отъ безсонной ночи. — Видишь, я совсѣмъ не одѣта... Нѣтъ, я не пойду. Зачѣмъ? Не пойду я, Фаничка! Меня это разстроитъ вконецъ...

Фаничка махнула рукой и кинулась къ дверямъ.

— Смотри, maman разсердится! — сказала Мэри, слегка повысивъ голосъ.

Фаничка опять махнула рукой и бѣгомъ спустилась съ лѣсенки. Она ни съ кѣмъ не встрѣтилась въ коридорѣ, осторожно пробралась черезъ гостиную, въ виду Нины Сергѣевны, сидѣвшей къ ней спиной, неслышно прошла по залѣ и очутилась на улицѣ.

Процессія была еще недалеко. Вѣтеръ сильно рванулъ шляпку съ Фанички, и Фаничка, придержавъ ее обѣими руками и

наклонивъ голову, быстро пошла впередъ, между тѣмъ какъ ея платье, хлопая, било ее по ногамъ. Минуты черезъ двѣ, вѣтеръ утихъ, она почувствовала запахъ ладана, услышала пѣніе священника и дьячка, и когда подняла голову, то увидѣла, что идетъ позади Пьера. Онъ велъ подъ руку Машу. Дальше шли еще какія-то барыни, съ недовольными лицами, старушка съ ястребинымъ носикомъ. Лининъ вдвоемъ съ какимъ-то военнымъ несъ гробикъ Шурочки. Сѣдые волосы священника развѣвались изъ-подъ камилавки по вѣтру, и на порыжѣломъ бархатѣ ризы ярко сіялъ и сверкалъ широкій серебряный позументъ. Кадильница дымилась синимъ дымкомъ. Впереди процессіи шатался большой черный крестъ.

Фаничка почувствовала себя неловко среди чужихъ людей. Вѣдь и Маша была ей чужая — съ ней она почти незнакома. Она пришла сюда ради Пьера, и ей стыдно сдѣлалось, что она какъ-будто обрадовалась этимъ похоронамъ, чтобъ повидаться съ нимъ. Ей захотѣлось вернуться

домой. Но не было силы. Пьеръ такъ близко!

Улица кончилась за садомъ Лоскотиныхъ, и путь расширился. Надо было идти по выгону. Вдали хмурились деревья кладбища и блестѣлъ куполъ новой кладбищенской церкви.

Тутъ вѣтеръ поднялся съ прежней силой. Пыль врѣзалась въ глаза. Ленты у шляпокъ захлопали. Дамы повернулись назадъ, держа руки у колѣнъ, Пьеръ тоже повернулся, жмурясь.

Вдругъ онъ увидѣлъ Фаничку и кивнулъ ей головой.

— Маша, сказалъ онъ: — Фанни Павловна!

Онъ обрадовался Фаничкѣ такъ искренно, что она не могла этого не замѣтить.

Вѣтеръ опять стихнулъ, Маша сказала Фаничкѣ:

— Благодарю васъ за вниманіе.

Она похудѣла. На щекахъ ея видны были слѣды отъ слезъ. Локончики ея растрепались.

— Вы знаете, начала она тихо: —

*

какъ она умерла? Бѣдненькая! Я смотрю, что она такъ спокойно лежитъ въ своей кроваткѣ! Думаю, кажется, не дышетъ. Встаю въ темнотѣ и подхожу къ ней. Но не вѣрю, что она не дышетъ. Подхожу — чувствую, ручки холодныя. Тутъ я испугалась. Взяла, да палецъ ей въ ротикъ положила — неужели, думаю, и въ ротикѣ холодно? Боже мой, вдругъ вскрикнула она надорваннымъ шепотомъ: — а язычекъ у ней, какъ ледъ!

Она крѣпко оперлась на руку Фанички и положила ей на плечо голову. Но сейчасъ же, сдѣлавъ надъ собой усиліе, выпрямилась и опять пошла прежней походкой.

У Фанички скатилась слеза. Ей жаль стало эту бѣдную мать. И на минуту она забыла о Пьерѣ.

Процессія подвигалась. Лининъ крѣпился. Онъ усталъ, но продолжалъ самъ нести свою Шурочку и даже подтягивалъ священнику баритономъ: »Святый Боже, Святый Крѣпкій...«

Вотъ жалобно зазвучали колокола. Фа-

ничка вздрогнула. Процессія остановилась. Священникъ что-то читалъ и пѣлъ. Потомъ всѣ опять пошли торопливой походкой, широко шагая. Кладбище было близко, слышно, какъ шумятъ его березы; и спѣшили скорѣе похоронить маленькій розовый гробикъ, отъ котораго всѣмъ было тяжело...

XIV

Послѣ похоронъ, участвующіе въ процессіи разбрелись въ разныя стороны. Маша не сдѣлала поминальнаго обѣда, потому что покойница — крошка. Священникъ, пряча деньги въ широкій карманъ подрясника, сказалъ Линину, обводя безоблачное небо тусклымъ взглядомъ:

— Скажите, какой вѣтеръ! Отчего бы?

Лининъ произнесъ:

— Движеніе воздуха...

Священникъ сказалъ:

— Да, физика... Теперь все физикой объясняютъ...

Мудро помолчавъ, онъ поклонился, подалъ Линину руку, качнулъ камилавкой Машѣ и пошелъ къ церкви съ своимъ причетникомъ.

Фаничка и Пьеръ стояли вмѣстѣ во все время печальной церемоніи. Когда все кончилось и всѣ стали расходиться, они тоже пошли какъ-будто домой, но имъ хотѣлось побыть наединѣ другъ съ другомъ, и они вскорѣ очутились на другомъ концѣ кладбища.

Здѣсь деревья были старѣе и вѣтвистѣе, образуя надъ головой почти сплошной зеленый сводъ. Могилы осѣли, и дубовые кресты на нихъ почернѣли отъ времени и пошатнулись. Кое-гдѣ виднѣлся бугоръ свѣжей земли. Рѣдко попадались памятники, бѣлые, съ золотыми украшеніями, или мраморные, обнесенные чугунной рѣшеткой. Кладбище это было бѣдное, потому что богачей хоронили не на немъ, а въ монастырѣ.

Фаничка долго молчала. Пьеръ тоже

молчалъ. Онъ велъ ее подъ руку и поддерживалъ, когда она спотыкалась о могилки дѣтей, густо поросшія сорными травами.

Наконецъ, Фаничка тихо спросила:

— Куда мы идемъ?

— Домой.

Она взглянула на Пьера, поднявъ бровь. Онъ улыбнулся.

— Нѣтъ, не домой, сказалъ онъ: — но сейчасъ — вотъ видите, канавка — кончится это кладбище... На меня оно навѣваетъ тоску... Да и на васъ — честное слово! Кладбище кончится, начнется поле...

Онъ указалъ рукой: между стволами березъ, за неглубокой, осыпавшейся канавой, желтѣла густая рожь, еще зеленоватая, и мягко волновалась, то почти приникая къ землѣ, то вдругъ распрямляясь и качая въ разныя стороны своими безчисленными колосьями.

— Ну, поле... что-жь?.. сказала Фаничка, глядя на рожь и думая, что maman дѣйствительно не похвалитъ ее за ея участіе въ похоронахъ. Въ то-же время она подумала о дамахъ, которыя шли въ

процессіи и которыя могли замѣтить, что она исчезла вмѣстѣ съ Пьеромъ. Ей сдѣлалось досадно, она покраснѣла, но невольно прижалась къ Пьеру.

— Какъ что-жь? подхватилъ Пьеръ и ласково посмотрѣлъ ей въ глаза. У него были мягкія, длинныя рѣсницы, какъ и у ней, и взглядъ его, казалось ей, горѣлъ чарующимъ блескомъ, такъ что она потупилась, готовая во всемъ повиноваться ему. — Мы перейдемъ поле, продолжалъ Пьеръ: — и посидимъ полчаса гдѣ-нибудь... въ затишьи... Тамъ есть прелестный оврагъ... весь въ шиповникѣ...

— Я знаю, робко начала Фаничка. — Но я думала, что мы пройдемся только по кладбищу.

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ можно! вскричалъ Пьеръ: — пойдемте туда! — Мнѣ хочется вамъ что-то сказать...

Она спросила:

— Что?

Сердце ея тревожно забилось.

Онъ наклонился къ ней.

— Нельзя сказать сразу.

— Отчего? прошептала она, нѣжно сжимая его руку. — Скажите сразу, прошу васъ.

— Хорошо. — Но только все-таки пойдемте туда... Знаете, я васъ люблю, Фаничка. А вы меня?

Глаза его заблистали. Онъ обнялъ ее и ждалъ отвѣта.

Фаничка взглянула на него влажнымъ, счастливымъ взглядомъ и проговорила:

— Зачѣмъ отвѣтъ?

Она тихо засмѣялась.

— Но вотъ вамъ отвѣтъ! сказала она и протянула губы къ его уху. Я васъ тоже люблю! произнесла она чуть слышнымъ шепотомъ.

Въ горлѣ у нея что-то прохрипѣло, колѣна ея слегка подкосились. Пьеръ подхватилъ ее за талію и покрылъ поцѣлуями ея лицо.

— Пойдемте же!

Но ей опять вспомнились дамы и maman. Она повернула голову въ страхѣ, не подсматриваетъ ли кто за ними. За низкоопустившейся сквозной зеленью плакучей

березы стоялъ приземистый черный крестъ, точно человѣкъ, распростершій руки. Фаничка отшатнулась отъ Пьера. Ужасъ овладѣлъ теперь ею. Она побѣжала.

— Фаничка! крикнулъ Пьеръ. — Что съ вами? Неужели мы не пойдемъ туда?

Онъ догналъ ее и взялъ за локти.

— Фаничка! сказалъ онъ съ упрекомъ. — Фаничка!

— О, Пьеръ! — Я боюсь. Ради Бога, проводите меня домой... Ради Бога!

Пьеръ никогда не видалъ ее такою. Она была блѣдна.

— Чего жь вы боитесь?

— Всего, отвѣчала она.

— И меня?

Она сказала:

— И васъ. Я васъ люблю, Пьеръ, но боюсь, что я съ вами одна.

— Какъ вамъ не стыдно! На васъ просто это противное кладбище дѣйствуетъ. Слышите, Фаничка? Посмотрите-ка на меня и вернемтесь...

— Нѣтъ, промолвила Фаничка упрямо.

Онъ замолчалъ, вздохнувъ. Они вышли

на дорожку. Пока тянулось кладбище, Фаничка все дрожала. Но когда она увидѣла, что выходъ уже близко, то мгновенно успокоилась.

— Знаете что! сказала она. — Пойдемъ туда въ другой разъ. Хорошо?

Пьеръ что-то промычалъ. — Фаничка не разслышала. Онъ былъ сердитъ на нее.

Они вышли изъ воротъ и очутились на просторѣ.

Фаничка произнесла:

— Посмотрите, какое странное небо сдѣлалось... сѣро-желтое... А на солнце можно смотрѣть, и нисколько не больно...

Пьеръ поднялъ голову, глянулъ кругомъ и опять промычалъ что-то.

— И вѣтра нѣтъ, замѣтила Фаничка.

Румянецъ вернулся на ея щеки, глаза горѣли попрежнему, губы были красны и влажны. Она пожала нѣсколько разъ подъ накидкой руку Пьеру, но онъ не отвѣчалъ на ея пожатіе. Тогда ей захотѣлось, во что бы ни стало, расшевелить его.

— Что съ тобой? спросила она его съ тихимъ смѣхомъ.

— Съ тобой? переспросилъ онъ, и лицо его прояснилось. — Ты меня обидѣла, Фаничка. Но дай мнѣ слово, что ужъ больше такой сцены не повторится!

— Прости меня.

Они были въ виду знакомыхъ тополей и вошли въ улицу. Потянулся заборъ сада. Фаничкѣ показалось, что въ одной изъ щелей сверкнулъ чей-то яркій глазъ.

У воротъ Пьеръ сказалъ ей:

— До завтра... Лиза вѣдь васъ будетъ ждать непремѣнно, и мы увидимся. Линины уѣзжаютъ на нѣсколько дней въ деревню къ его роднымъ... Квартира свободна... До завтра, Фаничка!

Онъ торопливо пошелъ домой. Фаничка, съ сильно-бьющимся сердцемъ, пробралась на антресоли. Тамъ никого не было. Она бросилась къ окну, чтобы успѣть увидѣть еще разъ Пьера. Но онъ уже скрылся изъ виду. Только опять пробѣжали одинъ за другимъ невысокіе вихри. Небо вдругъ стало свинцовымъ. Громко хлопнула калитка. Въ воздухѣ завертѣлся клочекъ бѣлой бумаги; и вдругъ на дворѣ, съ

земли, сѣрымъ столбомъ, поднялась пыль, вiясь и крутясь, и стекла въ окнахъ слабо задребезжали.

XV

За часъ до прихода Фанички, Нина Сергѣевна получила пригласительное письмо отъ Черемисовыхъ — отъ Клавдіи Аполосовны и ея мужа — на вечеръ десятаго. Оно обрадовало ее и опечалило. »Дай Богъ, подумала она — чтобъ все обошлось въ сто рублей. Лоскотины не могутъ явиться въ общество какъ-нибудь.« Она положила возлѣ себя письмо и стала курить, производя особенно много дыма и сурово посматривая на Антипьевну.

— Позови-ка барышень, сказала она.

Антипьевна отправилась наверхъ, и Мэри вскорѣ пришла, застегивая на ходу кофточку.

— А Фаничка?

— Фанички нѣтъ...

— Гдѣ-жъ?

— Увидала изъ окна... похороны и пошла... — отвѣтила Мэри, не глядя на мать.

— Отлично! произнесла Нина Сергѣевна.

Черезъ нѣкоторое время она сказала:

— Этого еще недоставало!

Потомъ прибавила:

— Плакальщица!

Въ заключеніе она вскричала:

— Нѣтъ, это невыносимо!

Нина Сергѣевна сильно топнула ногой, руки и плечи ея затряслись, лицо налилось кровью. Она схватила чубукъ и замахнулась на Мэри.

Дѣвушка поблѣднѣла. Она растерялась до того, что не могла тронуться съ мѣста, и только протянула руку въ видѣ щита.

— Прочь!

Блѣдное лицо Мэри раздражало Нину Сергѣевну.

— Прочь, говорю! крикнула Нина Сергѣевна и ударила Мэри по рукѣ.

Мэри слабо застонала и отшатнулась.

Тогда гнѣвъ Нины Сергѣевны такъ же скоро упалъ, какъ и выросъ. Его замѣнилъ стыдъ. Ей захотѣлось броситься къ Мэри и покрыть ее поцѣлуями. Но что-то помѣшало. Что-то прошептало ей: »Не роняй своего достоинства, ты вѣдь мать.« Она сидѣла въ своемъ креслѣ и тяжело дышала, не то удовлетворенная, не то виноватая, страстно желая какъ-нибудь мирно покончить всю эту исторію и не зная какъ. Была минута, когда она ждала, что Мэри подойдетъ къ ней и поцѣлуетъ у ней руку. Но Мэри не подходила. Новая досада начинала закипать въ груди Нины Сергѣевны. Она рѣшилась сама позвать дочь.

— Мэри!

Мэри сидѣла въ гостиной и тихо плакала. Услышавъ зовъ матери, она поспѣшила вытереть слезы и явилась къ ней.

— Я погорячилась, сказала Нина Сергѣевна, глядя въ садъ: — ты непричемъ. Я сердце сорвала... Пойми мое положеніе. Мэри! Я отвѣчаю за васъ передъ Богомъ

и людьми! Что могутъ сказать о Фаничкѣ, когда узнаютъ, что она таскается одна по какимъ-то похоронамъ?

Она замолчала. Мэри тоже молчала. Она подумала: »Фаничка, можетъ быть, не одна, а съ Пьеромъ.« И эта мысль, которая и раньше приходила ей, была для нея больнѣе удара, полученнаго отъ матери.

— Вотъ письмо Черемисовыхъ. — На, прочти!

Мэри прочитала.

— Черезъ недѣлю... надо спѣшить... начала Нина Сергѣевна, все больше и больше успокоиваясь. — Туалеты надо... по сезону. У madame Сесиль, конечно... завтра поѣзжай къ ней...

Она пошевелила губами и, съ облегченіемъ вздохнувъ, закурила трубку.

Мэри постояла на террасѣ и, понуривъ голову, медленно сошла въ садъ.

Она не думала ни о балѣ, ни о платьяхъ. Рука у ней болѣла, но Мэри и о ней не думала. Мэри простила матери, какъ простила ей и многія другія такія же

вины. Она была убѣждена, что мать добрая. Она не думала даже о сестрѣ Лизѣ, хотя всю предыдущую ночь Лиза не выходила у ней изъ головы. Мэри думала теперь только о Пьерѣ и Фаничкѣ.

XVI

Вихрь со двора перенесся въ садъ. Деревья зашумѣли, и листья и свѣжія зеленыя вѣтки стали вертѣться въ воздухѣ, и что-то затрещало и рухнуло на земь. То упалъ самый старый тополь, загромоздивъ собой цвѣтникъ передъ террасой. Весь садъ волновался, все никло, трепещущая зелень казалась блѣдной. Нина Сергѣевна вовремя покинула террасу, но забыла взять табачницу; черезъ секунду, она увидѣла въ стеклянныя двери гостиной облако желтой пыли, которое быстро исчезло въ общемъ вихрѣ. Домъ дрожалъ. Въ ком-

натѣ стало темно, точно внезапно смерклось.

— Ахъ, Фаничка, Фаничка! воскликнула Нина Сергѣевна съ искренней тревогой.

— Фаничка пришла, замѣтила Мэри, собираясь идти на антресоли.

— Пришла? радостно переспросила Нина Сергѣевна. — Ну, слава Богу! — Она перекрестилась. — Ты почемъ знаешь?

— Видѣла, — въ заборѣ щель... Нечаянно увидѣла...

Мэри остановилась передъ окномъ, уныло глядя на упавшій тополь.

— Позови Фаничку... Приходите обѣ ко мнѣ! — Боже, что дѣлается! Непремѣнно обѣ приходите! повторила она.

Мэри ушла.

Вихрь понесся дальше, но вѣтеръ продолжалъ дуть, наклоняя деревья и кусты въ разныя стороны, безпорядочный и зловѣщій. Небо низко нависло надъ землей, темное, съ желтоватымъ отсвѣтомъ. Гдѣто, въ неопредѣленной дали, чуть слышно прохотало. И казалось, что сумракъ,

все собою наполнявшій, слабо мерцаетъ.

Нина Сергѣевна боялась грозы. Когда пришли барышни, причемъ Фаничка, которой Мэри все уже передала, мило улыбалась, потому что она всегда такъ улыбалась, чувствуя себя виноватой, — Нина Сергѣевна велѣла имъ сѣсть на диванѣ, гдѣ и сама сидѣла, и обняла ихъ, вся дрожа.

— Молитесь, дѣти! сказала она, взглянувъ на икону въ углу. А у васъ горитъ лампадка?

— Горитъ, отвѣтила Фаничка, радуясь, что погода мѣшаетъ матери говорить о чемъ-нибудь другомъ — о томъ, напр., что неприлично участвовать въ нѣкоторыхъ похоронныхъ процессіяхъ.

— Антипьевна! крикнула Нина Сергѣевна, внезапно вспомнивъ болѣе или менѣе вѣрное средство отъ грозы: — принеси-ка скорѣе изъ моей спальни страстную свѣчу, да зажги ее у лампадки!

Антипьевна, которая стояла у дверей и глядѣла въ садъ, думая, что »не къ добру

упала самая старая тополя«, засуетилась и принесла свѣчу.

— Обойдемъ-ка вокругъ! приказала Нина Сергѣевна, беря свѣчу и поднимаясь съ мѣста. — Пойдемъ, дѣти!

Всѣ встали. Въ полутемныхъ, большихъ комнатахъ странно замирали шаги этой медленно подвигающейся группы. Тусклое пламя свѣчи бросало блѣдный, краснова-тый свѣтъ на лица. Губы Нины Серѣевны беззвучно шептали молитвы. Фанич-ка, увидѣвъ въ залѣ, въ зеркалѣ, свое отраженіе, прижалась къ Мэри. »Зачѣмъ еще эта процессія?« подумала она съ ис-пугомъ. До этого она не боялась грозы, а теперь стала бояться и при каждомъ порывѣ вѣтра ожидала чего-нибудь страш-наго.

Возвратились въ гостиную и опять сѣ-ли. Громъ грохоталъ уже явственно. Страст-ная свѣча продолжала горѣть и мигала. Ея миганья, казалось, становились ярче и ярче. И вдругъ вся гостиная наполни-лась ослѣпительно бѣлымъ свѣтомъ, и небо точно рухнуло на землю съ трескомъ

и какимъ-то дребезжащимъ острымъ звукомъ, грознымъ и необъятнымъ. Нина Сергѣевна вскрикнула и прижалась къ дочерямъ, которыя сами были смертельно испуганы.

— Не бойтесь, maman, сказала Мэри взволнованнымъ голосомъ.

— Я не боюсь, дѣти, слезливо отвѣчала Нина Сергѣевна. — Вы только молитесь! пожалуйста, молитесь...

— Maman, перейдемъ въ спальню, возбужденно начала Фаничка. — Тутъ бронза. Металлъ притягиваетъ молнію...

Нина Сергѣевна перебралась съ дочерьми въ спальню.

Громъ продолжалъ гремѣть, и молніи вспыхивали. Хлынулъ дождь. Онъ громко барабанилъ по стекламъ, которыя, казалось, таяли, точно пластинки льда. Конюшня, ворота, кухня, колодецъ — всѣ предметы на дворѣ лишились какъ будто очертаній, расплывшись въ мутной дымкѣ ливня.

Но небо уже прояснилось въ одномъ мѣстѣ. Надъ крышей конюшни показалась узкая свѣтлая полоска. Нина Сергѣевна,

увидѣвъ ее, почувствовала себя бодрѣе. Сумракъ въ комнатахъ сталъ рѣдѣть, и хоть отъ времени до времени и слышались пока раскаты грома, но было уже очевидно, что бѣда прошла мимо и бояться чего-нибудь еще — просто смѣшно.

— Пусть накрываютъ столъ! приказала Нина Сергѣевна, пріятно вздохнувъ.

XVII

Вскорѣ дождь почти пересталъ и капалъ только съ крыши большими, свѣтлыми каплями. Небо, свинцовое и хмурое, мѣстами уже синѣло. Тамъ и сямъ плыли облака. Изъ оконъ столовой виднѣлся садъ; зелень его снова стала яркой. Цвѣты на клумбахъ были смяты, и тополь, зеленой громадой, лежалъ поперекъ лужайки передъ террасой. Мокрыя дорожки были усѣяны свѣжими листьями, вѣтка-

ми, завязями плодовъ. Нина Сергѣевна сидѣла за столомъ и, въ ожиданіи перваго блюда, смотрѣла на пострадавшій отъ бури садъ и качала головой.

— Какой убытокъ! говорила она.

Показался садовникъ. Онъ останавливался передъ фруктовыми деревьями и тоже качалъ головой. Нина Сергѣевна слѣдила за нимъ, пока его не скрыла зелень сада.

Фаничка, очень обрадовалась, что гроза прошла; но чѣмъ болѣе прояснялось небо, тѣмъ неизбѣжнѣе казалось ей объясненіе съ maman и тѣмъ милѣе она улыбалась, посматривая на сестру.

Но подали супъ съ вермишелью, утку подъ кисленькимъ соусомъ, подали телятину и салатъ, — Нина Сергѣевна не заговорила о похоронахъ. Она ѣла, какъ всегда, съ большимъ аппетитомъ, дѣлала хозяйственныя замѣчанія и велѣла сказать повару, недавно поступившему на мѣсто, что супомъ она »недовольна — пересоленъ, а прочее хорошо«. »Пусть старается«, прибавила она поощритель-

но, вытирая салфеткой ротъ и подбородокъ. Фаничка постепенно успокоилась. »Ничего, кажется, не будетъ«, рѣшила она.

Между тѣмъ, на сумрачной части неба заиграла радуга. Блеснуло солнце. Капли дождя заискрились на зелени сада, облака вспыхнули. Нина Сергѣевна улыбнулась и, откинувшись на спинку кресла, стала бесѣдовать съ дочерьми по поводу предстоящаго вечера у Клавдіи Аполлосовны.

»Совсѣмъ ничего не будетъ«, сказала себѣ Фаничка и, когда рѣчь зашла о туалетахъ, сдѣлала нѣсколько замѣчаній насчетъ бюста Мэри, увѣряя, что ей нельзя быть декольтэ. Мэри покраснѣла, Нина Сергѣевна стала спорить съ Фаничкой. Но та перебила ее и, поднеся руки къ ушамъ, упрямо закричала:

— Нельзя, нельзя!

Нина Сергѣевна пошевелила губами и сурово повернула къ ней свои желтоватые бѣлки. Фаничка потупилась. Губы ея сложились въ улыбку.

»Надѣлала бѣды!« подумала она, толкнувъ Мэри ногой.

Но Нина Сергѣевна ничего не сказала. Она все только смотрѣла на Фаничку.

Въ это время принесли мороженое въ тонкихъ стаканчикахъ на подносѣ, покрытомъ бѣлой салфеткой.

Фаничка вскрикнула:

— Ахъ, прелесть! Это хорошо, maman, что вы догадались, наконецъ, велѣть... Я давно хочу!

Она протянула руку къ стаканчику, улыбаясь и чувствуя, что поведеніе ея безтактно, потому что, напримѣръ, слѣдуетъ предоставить maman первой взять съ подноса и вообще не говорить съ ней такимъ языкомъ.

Но Нина Сергѣевна опять ничего не сказала и даже перестала смотрѣть на Фаничку.

Послѣ обѣда Мэри и Фаничка подошли къ ней, поцѣловать у ней руку. Она протянула руку Мэри, но Фаничкѣ погрозила пальцемъ.

— Фаничка! Я все вижу! Я все знаю! Берегись!

Фаничка вздрогнула. »Все? Что все?« Она хотѣла, повернувшись къ сестрѣ, улыбнуться, но улыбки не вышло. »Что все?« спросила она сама себя еще разъ и медленно, не глядя на мать, ушла.

XVIII

На подносѣ оставались еще стаканчики съ мороженымъ. Нина Сергѣевна, перешедши въ гостиную, велѣла подать ихъ себѣ и, позвавъ Мэри, предложила ей стаканчикъ и сама стала опять ѣсть.

— Мэри, сказала она нѣжно, чувствуя позывъ ко сну. Обыкновенно, она засыпала въ креслахъ стариннаго фасона, нарочно устроенныхъ для послѣобѣденной дремы. — Мэри!

Мэри, по тону этого обращенія, заклю-

чила, что maman помнитъ еще свою неправоту и желаетъ загладить вину ласковой бесѣдой.

»Maman добрая, у ней мягкое сердце«, подумала дѣвушка и, подойдя къ Нинѣ Сергѣевнѣ, поцѣловала ее.

У Нины Сергѣевны навернулись слезы. Она была тронута. Она подумала: »Нѣтъ, *эта* никогда не погибнетъ«. Потомъ у ней мелькнула мысль: »А Фаничка развѣ погибнетъ? Она точь-въ-точь я, когда мнѣ было семнадцать лѣтъ. Она ртуть. Пусть себѣ! Надо только присматривать«.

— Мэри! — Возьми тамъ — она показала глазами на этажерку — свѣжую пачку табаку и набей мнѣ трубку.

Мэри вскрыла пачку и набила трубку. Нина Сергѣевна позволяла дочерямъ набивать ей трубку лишь въ рѣдкихъ случаяхъ. Это было знакомъ большаго благоволенія.

Пустивъ клубъ дыма и почувствовавъ пріятное опьянѣніе, Нина Сергѣевна произнесла:

— Такъ ты меня любишь, Мэри?

— Maman!

— Не считаешь злою?

— Maman! повторила Мэри.

— Другъ мой! сказала Нина Сергѣевна, которой вдругъ захотѣлось видѣть вокругъ себя вмѣсто страха — умиленіе. вмѣсто будней — праздникъ; она была готова чѣмъ-нибудь даже пожертвовать, чтобы этотъ праздникъ длился вѣчно. — Другъ мой, дитя мое! продолжала она съ мечтательнымъ вздохомъ: — люби меня!

Нина Сергѣевна остановилась. Вѣки ея отяжелѣли.

— Меня трудно любить, начала она, подымивъ трубкой: — потому что я раздражительная — я много страдала, — но кто меня знаетъ, тотъ всегда скажетъ, что у меня золотое сердце, Мэри! Ты большая, тебѣ двадцать лѣтъ... Знай — никто меня не могъ оцѣнить... Твой покойный папа не могъ меня оцѣнить... Лиза — Богъ съ ней! Но все-таки...

Она махнула рукой. Вѣки ея стали слипаться.

»Лиза?«, чуть не крикнула Мэри. Она опустилась на колѣни и схватила руку Нины Сергѣевны.

— Maman! — Что у васъ произошло съ Лизой? Вѣдь она тоже добрая, удивительная, — какъ же это случилось?

Никогда Мэри не заговоривала о старшей сестрѣ. Слово »Лиза« нельзя было произносить въ домѣ Лоскотиныхъ. Но теперь Мэри была проникнута радостью, что maman съ нею откровенна и даже первая вспомнила о Лизѣ. Она была убѣждена, что maman не разсердится. И ей такъ страстно хотѣлось склонить ее въ пользу Лизы!

Нина Сергѣевна, дѣйствительно, не разсердилась. Въ этотъ день она не могла ужь сердиться. Она могла вспыхнуть на секунду, но ее одолѣвала усталость, и ея гнѣвъ пропадалъ самъ собой.

Теперь и секундной вспышки не было. Только сонъ ея на-время улетѣлъ. Она наклонила лицо къ Мэри и посмотрѣла на нее серьезнымъ взглядомъ, опустивъ на полъ трубку.

— Мэри, ты задала мнѣ трудный вопросъ. Ты должна была вѣрить, что я тутъ права... сказала она.

Мэри не потупилась, а ждала, что еще скажетъ мать.

— Не спорю, что Лиза удивительная, продолжала Нина Сергѣевна: — но она злая, а не добрая... О, еслибы она была добрая! Еслибы у ней было твое сердце!

Она взяла Мэри за подбородокъ.

— Мэри! Не разспрашивай меня больше.

Но Мэри покрыла поцѣлуями ея руки и горячо сказала:

— Maman! милая, вы не знаете, какъ это меня терзаетъ! Я ночь не спала сегодня — все думала о Лизѣ. Maman! Ради Бога! Какъ это случилось?

— Ты помнишь какъ, сказала Нина Сергѣевна, не глядя на дочь. — Лиза передала узелокъ этой своей... какъ ее... Машѣ, а сама ушла будто въ библіотеку и съ тѣхъ поръ не возвращалась.

— Maman! Не то...

— Потомъ, продолжала Нина Сергѣев-

на: — я получила отъ нея письмо. Она писала о документахъ. Я посовѣтовалась и выслала ей всѣ бумаги...

— Не то!.. Но отчего-жь она ушла?

— Оттого что она врагъ нашъ! возбужденнымъ шепотомъ сказала Нина Сергѣевна, опять наклонивъ лицо къ дочери. — Нашъ врагъ! повторила она.

— Какъ это? тоже шепотомъ, поблѣднѣвъ, спросила Мэри.

— Знай, Мэри, сказала Нина Сергѣевна съ плачевнымъ выраженіемъ лица, утомившись отъ этого разговора: — она не только возмутилась противъ меня, своей крови, но и противъ сословія, къ которому принадлежали ея дѣды и прадѣды, противъ всего дворянства, и объявила мнѣ, что ей стыдно, что у насъ такъ много земли, что надо возвратить ее мужикамъ... Слышишь, Мэри? И это она говорила серьезно, съ съумасброднымъ упрямствомъ, а я цѣлый годъ терпѣла это и надрывалась съ нею... Такъ что, когда она ушла, то, повѣрь, Мэри, я почувствовала облегченіе.. Нѣтъ, не говори о ней! — не могу

я... Она мнѣ не дочь... Она ни разу не заглянула мнѣ въ сердце... Нѣтъ!!

Она съ силой потянула изъ чубука и обдала Мэри цѣлымъ облакомъ дыма.

— Уйди отъ меня! сказала она ей: — ты меня разстроила.

Но Мэри не ушла. Лицо у ней было блѣдно, она вся дрожала.

— Maman! промолвила она почти строго: — и ничего больше не произошло у васъ?

Нина Сергѣевна съ удивленіемъ посмотрѣла на дочь. Сквозь струйки дыма она увидѣла ея глаза, въ которыхъ свѣтился упрекъ.

Она сердито крикнула:

— Уйди!

Но когда Мэри, вздохнувъ, встала и хотѣла уходить, она удержала ее и сказала прежнимъ нѣжнымъ тономъ:

— Мэри, ты сейчасъ подумала, что я не добрая... Грѣхъ тебѣ, Мэри!..

Слезинка скатилась у ней по щекѣ и упала на грудь.

— Мэри, клянусь тебѣ, продолжала

она: — что Лизу я люблю, хотя она и врагъ нашъ... Теперь много такихъ, какъ она, и она, можетъ быть, не виновата... Ее завлекли... Виновата я, что давала ей свободу... что позволяла ей отступать отъ порядка, искони заведеннаго въ нашемъ домѣ... Мэри! ты думаешь, я не терзаюсь? Знаешь ли ты, что еслибы она, эта несчастная, погибшая дочь, вдругъ возвратилась и попросила прощенія, я приняла бы ее... Приняла бы, будь она въ лохмотьяхъ, будь она опозорена, унижена... Ахъ, Мэри, пойми меня!

Она заплакала. Мэри съ скорбнымъ недоумѣніемъ смотрѣла на нее. Мэри хотѣлось сказать, что Лиза не въ лохмотьяхъ, что можно повидаться съ ней и, можетъ быть, уговорить если не жить вмѣстѣ, то хоть примириться съ maman. Но она никакъ не могла сказать этого. Ей казалось, что права Лиза, если только *это* произошло у ней съ maman. Ее охватило странное волненіе. Душа болѣла. Мэри подумала, что maman не понимаетъ Лизы, и все горе въ этомъ. Ей жаль стало maman. Она при-

пала къ ея рукѣ и просила ее успокоиться, обѣщая не говорить больше объ этомъ.

Нина Сергѣевна положила ей на голову руку и погрузилась въ грустныя размышленія. Она перестала плакать и удивлялась своей добротѣ. И, слегка качаясь въ креслахъ, вдругъ мягко уронила на полъ чубукъ и заснула.

XIX

Когда Мэри пришла въ свою комнату, Фаничка, поджидавшая ее, вбѣжала къ ней съ тревожнымъ лицомъ и сказала, схвативъ ее за руку:

— Что это значитъ? Кто насплетничалъ? Какъ тебѣ не стыдно, Мэри!

Губы ея дрожали, глаза блестѣли.

Мэри пожали плечами.

— О чемъ ты это?

Фаничка топнула ногой.

— Мэри, не притворяйся!

— Рѣшительно ничего не понимаю, произнесла Мэри.

Глаза ихъ встрѣтились.

— Мэри! вскричала Фаничка съ тоской. — *Все* знаетъ maman?

— Ахъ, ты про *это*? воскликнула Мэри. — Ты про это! повторила она, потупившись.

Фаничка нѣсколько секундъ жадно глядѣла ей въ лицо.

— Ну?

— Maman ничего не знаетъ особеннаго, сказала Мэри и медленно подняла на сестру глаза. — Знаетъ только, что ты была на похоронахъ.

Фаничка покраснѣла. Глаза сестры, казалось, видятъ ее насквозь. Ей сдѣлалось стыдно. »Maman не знаетъ, такъ Мэри знаетъ«. И она сама теперь потупилась и стояла, не трогаясь съ мѣста, точно оцѣпенѣла, а краска все гуще и гуще заливала ея лобъ, уши, щеки, подбородокъ...

— Пусти меня, Фаничка! тихо сказала Мэри.

*

Фаничка выпустила ея руку. Она чувствовала, что необходимо сказать что-нибудь веселое и умное, чтобъ загладить свой промахъ. Но въ головѣ было пусто. Она напряженно улыбалась, въ ушахъ у ней шумѣло. Наконецъ, ей стало смѣшно. Закрывъ лицо рукой, она убѣжала отъ сестры.

Бросившись на свою софу, Фаничка схватила себя за голову, и мало-по-малу мысли ея пришли въ порядокъ. »Чего я испугалась? спрашивала она себя. — Въ самомъ дѣлѣ, что могла особеннаго узнать maman? На кладбищѣ никого не было! Да и Мэри — что она можетъ знать? Что я съ Пьеромъ шла подъ-руку? Хха-ха! Какая я дура! Чего было стыдиться, краснѣть! Надо было сказать, что встрѣтилась съ Пьеромъ... И ничего бы глупаго не вышло!«

Она полежала нѣсколько минутъ, вскочила и опять отправилась къ сестрѣ.

Мэри сидѣла у столика и пристально читала евангеліе, маленькое, въ золотообрѣзномъ переплетѣ. Она повернула голову

и взглянула на Фаничку недовольнымъ взглядомъ.

Фаничка улыбнулась и, остановившись на порогѣ, сказала:

— Мэри! Я забыла тебѣ передать — на похоронахъ я видѣлась съ Пьеромъ, и онъ просилъ тебѣ напомнить, что Лиза будетъ завтра... Видишь, хорошо, что я пошла... Да, Мэри?

— Лиза намъ это сама сказала, произнесла Мэри.

Фаничка прибавила:

— Да, самое главное, и забыла! Линины уѣзжаютъ, такъ что будетъ свободно.

Мэри нетерпѣливо пожала плечами.

— Извини меня, Фаничка. Некогда...

Фаничка ушла и вскорѣ весело запѣла. Мэри не могла читать, когда шумятъ, а теперь это пѣніе ей было особенно непріятно. Она встала, надѣла калоши, и сошла въ садъ взглянуть ближе, чего натворила буря.

XX

День, назначенный Лизой сестрамъ, былъ у ней свободенъ. Засѣданія съѣзда кончились. Надо было только повидать инспектора училищъ. Но сегодня его не будетъ въ городѣ. Онъ пріѣдетъ вечеромъ. Лиза рѣшила употребить этотъ день, до четырехъ часовъ, на визиты остальнымъ знакомымъ. Прежде у ней было здѣсь очень много знакомствъ. Но, за шесть лѣтъ, воды не мало утекло. Осталось человѣкъ пять, болѣе или менѣе ей близкихъ. По крайней мѣрѣ, когда-то она была тѣсно связана съ ними. Она слыхала уже, что ихъ теперь не узнать. Но все-таки ей хотѣлось повидаться съ ними. Хотѣлось понаблюдать людей — у ней была эта жилка — посмотрѣть на актеровъ, добровольно, когда раздался роковой сигналъ поднять занавѣсъ, ушедшихъ за кулисы и предоставившихъ другимъ играть тихую, безшумную, но мучительную драму провинціальной жизни...

Небо съ утра было сѣренькое, все въ дымчатыхъ и золотистыхъ тучахъ. Раза два брызнулъ дождикъ, но потомъ облака на югѣ расползлись, блеснула лазурь, загорѣлось солнце.

Было одиннадцать часовъ. Лиза направилась въ красивую, широкую улицу, всю въ тополяхъ и садахъ, тянувшуюся поперекъ города, мимо базарной площади. Дома были деревянные, большею частью новые. На дверяхъ блестѣли кое-гдѣ мѣдныя дощечки адвокатовъ — Мошковича, Исаковскаго, Розенблюма — все евреевъ.

Лиза нашла домъ Шаровицыныхъ. У нихъ и прежде былъ домъ, доставшійся имъ по наслѣдству, но не такой, какъ теперь. То былъ низенькій домишка, съ бѣлой штукатуркой и почернѣвшими отъ времени ставнями, а теперь на его мѣстѣ высились настоящія палаты, какой-то не то московской, не то швейцарской архитектуры, съ рѣзными коньками и огромными окнами. За зеркальными стеклами его дубовыхъ дверей виднѣлась на лѣстницѣ ковровая дорожка, застланная

чистымъ полотномъ и перехваченная мѣдными, сіяющими прутьями. На площадкѣ повыше стояли въ зеленыхъ кадкахъ олеандры и пальмы...

Лиза позвонила.

Показалась молоденькая горничная въ малорусскомъ нарядѣ, сбѣжала по ступенькамъ и, проводивъ гостью въ переднюю, доложила о ней господамъ. Тотчасъ же къ Лизѣ выскочили, съ добродушными восклицаніями, оба Шаровицыны: онъ — тучный брюнетъ съ бѣлыми зубами, она — низенькая, полная блондинка съ большой головой и свѣтлыми желтоватыми глазами навыкатѣ. Они потащили ее, черезъ залу съ паркетнымъ поломъ, въ столовую, гдѣ стоялъ массивный рѣзной буфетъ и былъ приготовленъ завтракъ и чай.

— Ахъ, ахъ! кричали они: — вотъ сюрпризъ!

Лиза улыбнулась. Ей было пріятно, что ее радушно встрѣтили. Она сѣла — и ей подвинули всякаго рода закуски. Въ тоже время посыпались разспросы, что и какъ, и почему, и что новаго. Разговоръ

завязался обычный, но шумный. Раскатистый смѣхъ Шаровицына наполнялъ столовую. Жена громко вторила ему и когда хохотала, то плавно закидывала голову, показывая бѣлый жирный подбородокъ и бѣлую, въ складкахъ, какъ у дѣтей, шею. Смѣялись всему, по поводу чего-нибудь и безъ всякаго повода. Это былъ сочный нутряной смѣхъ счастливыхъ людей, искренно обрадовавшихся появленію друга, котораго давно не видали.

Шаровицынъ былъ въ бѣломъ форменномъ кителѣ на-распашку и малорусской сорочкѣ, завязанной красной ленточкой. Попрежнему не росла у него борода, усы все такъ-же чуть-чуть сѣялись, и онъ казался какимъ-то уродливымъ толстымъ мальчикомъ лѣтъ пятнадцати, такъ онъ былъ моложавъ, хотя ему теперь, навѣрно, тридцать съ небольшимъ.

На Шаровицыной была красная мужская блуза обыкновеннаго рабочаго фасона, но коротенькая, и имѣла видъ кофточки. Въ красной блузѣ Шаровицына

пріѣхала изъ Женевы и тогда она гордилась ею, даже неоднократно показывалась въ этомъ костюмѣ на общественныхъ гуляньяхъ. Но теперь она носитъ ее только по утрамъ, дома, хотя, вѣроятно, и не безъ задней мысли — до сихъ поръ считаетъ себя радикалкой.

Лиза вспомнила и все это сообразила, когда разговоръ, по почину Шаровицыной, перешелъ на урядниковъ. Лиза живетъ въ деревнѣ и пусть-ка она разскажетъ объ урядникахъ. Затѣмъ начались толки о всеобщей »прижимкѣ«, о »сермяжномъ мученикѣ«, о томъ, что »такъ нельзя дольше жить«. »Не правда ли?« Шаровицына такъ кипятилась, что Лизѣ, въ ушахъ которой звучалъ еще ея безпечный, радостный смѣхъ, сдѣлалось неловко, потому что, въ сравненіи съ хозяйкой дома, она вела себя холодно; но неловко не за себя, а за нее. Она давно уже привыкла даже въ серьезныхъ случаяхъ сдерживать себя. Если человѣкъ начиналъ волноваться, потрясать руками и говорить захлебываясь, »съ чувствомъ«, —

ей всегда казалось, что во всемъ этомъ есть что-то легкомысленное, ненатуральное, поддѣльное. »Серьезный человѣкъ никогда не ломается«. Она слушала Шаровицыну съ улыбкой — самое большое, къ чему могла себя принудить. И очень жалѣла, что пріятное впечатлѣніе отъ встрѣчи съ нею на половину испортилось этимъ политическимъ разговоромъ.

Шаровицынъ былъ умнѣе жены. Онъ молчалъ, ѣлъ и, должно быть, догадывался, что Лизѣ неловко. Онъ раза два вздохнулъ, но такъ, что какъ будто и зѣвнулъ. Когда бесѣда черезчуръ затянулась, онъ повернулся на стулѣ и съ какой-то пьяной улыбочкой — хотя пьянъ не былъ — махнулъ рукой, понурилъ голову и сказалъ женѣ:

— Право, Адочка, не надоѣдай ты ей... Все это она слышала-переслышала... Да? — спросилъ онъ Лизу, поднявъ на нее смѣющіеся глаза. — Смотри, она ничего не ѣла! крикнулъ онъ. — Положи-ка ты ей этого карасика... въ сметанкѣ...

Кушайте, кушайте! ласково приказалъ онъ Лизѣ. — У насъ ужъ такъ заведено... Жизнь въ брюхо... на то инженеры... Хха-ха-ха! Эй, Адочка! опять крикнулъ онъ: — а что-жъ ты дѣтокъ ей? Покажи!.. Тащи ихъ сюда!.. Я вамъ скажу, удивительныя дѣти... Тройка!.. Крошки, а ужъ въ каждомъ по два пуда, совралъ онъ и захохоталъ.

Когда жена ушла, онъ успокоился и сказалъ Лизѣ, прихлебнувъ изъ стакана и слегка понизивъ голосъ:

— До сихъ поръ мелетъ... А мнѣ не удивляйтесь, Лизавета Павловна. Всякому поколѣнію свое. Тутъ три года службы — и то долго. Новая волна набѣжала — а мы назадъ...

Лиза посмотрѣла на него. Онъ былъ серьезенъ, и взглядъ его свѣтился былымъ умомъ. Она хотѣла сказать нѣсколько словъ въ отвѣтъ; но онъ, по розовымъ пятнамъ на ея щекахъ и загорѣвшимся глазамъ, догадался, что она скажетъ, съежился, сдѣлалъ пьяную улыбочку и брякнулъ:

— Цѣли, цѣли у меня теперь другія, Лизавета Павловна! Домъ видѣли? Семь тысячъ вбухалъ! Купилъ имѣніе — пятнадцать тысячъ... Лѣсомъ торгую, изъ шоссейнаго щебня масло жму...

Онъ захохоталъ.

— И главное, — началъ онъ, ковырнувъ сыру: — развратился, все мало кажется.

И опять захохоталъ.

Лиза потупилась. »Все-таки онъ ломается«, подумала она. Но, съ другой стороны, было слишкомъ очевидно, что, дѣйствительно, у него теперь »цѣли другія«. »Были ли у него когда-нибудь иныя цѣли?« усомнилась она.

Вошла Шаровицына, ведя за руки дѣтей, въ бѣлыхъ нагрудникахъ и въ сопровожденіи двухъ опрятно-одѣтыхъ, улыбающихся нянекъ, старой и молодой. Дѣти, въ самомъ дѣлѣ, были крупныя, съ бѣлыми, жирными подбородками и жирными шейками. Шаровицына, счастливая и гордая, съ громкимъ хохотомъ представила ихъ Лизѣ. Шаровицынъ сталъ что-

то весело кричать, а они дичились и смотрѣли на гостью робко и исподлобья. Она любила дѣтей, нагнулась и поцѣловала старшую дѣвочку. Но мальчики раскричались и замахнулись на нее рученками, растянувъ плаксиво губы. Они не подпустили ее къ себѣ, и ихъ пришлось увести.

Послѣ этой сцены Шаровицынъ, который боялся, что жена опять начнетъ радикальничать, взялъ Лизу за руку и повелъ ее смотрѣть комнаты, мебель, выписанную изъ Варшавы, и олеографіи въ дорогихъ рамахъ. Шаровицына предложила идти на вышку, чтобъ гостья полюбовалась видомъ на городъ. Но та уклонилась отъ этого удовольствія и сказала, что спѣшитъ еще навѣстить кой-кого, и стала прощаться. Шаровицыны удерживали ее, хотѣли, чтобъ она у нихъ пообѣдала. Наконецъ — »нечего дѣлать!« — простились съ нею такъ же радушно и — какъ Лизѣ показалось — такъ же радостно, какъ и встрѣтились, и сами проводили на лѣстницу.

Шаровицынъ, какъ будто что-то вспомнивъ, въ смущеніи, остановилъ уходившую Лизу и, схвативъ ее за рукавъ, сказалъ:

— Не возьмете ли денегъ?

— Что вы?

— Не вамъ! протянулъ онъ съ ласковой досадой.

Она покраснѣла.

— Хорошо.

— Такъ-то лучше! съ веселымъ смѣхомъ промолвилъ онъ и сунулъ ей бѣленькую.

Она кивнула головой, точно монашенка, которой подали »лепту на украшеніе святой обители«, и ушла.

XXI

Лиза посѣтила Шаршмидтовъ. Шаршмидтъ былъ врачъ, жена его тоже окончила врачебные курсы. Онъ только-что возвратился изъ богоугоднаго заведенія,

гдѣ служилъ ординаторомъ, и, заставъ Лизу у жены, тихо привѣтствовалъ ее, робко оглянувшись.

— Мы о васъ много слыхали, произнесъ онъ съ гортаннымъ говоромъ. — Вы все подвизаетесь... Закоренѣлая!..

Онъ погрозилъ ей своимъ тонкимъ, бѣлымъ пальцемъ, почесалъ локоть, опять оглянулся и сѣлъ рядомъ съ Лизой.

— Ну, и что же вы... ну? спросилъ онъ ее неопредѣленно и подмигнулъ красноватыми глазками. — Душа моя! сказалъ онъ женѣ, не ожидая отвѣта Лизы: — ты ничѣмъ не угощала ихъ?

— Когда она не хочетъ, отвѣчала жена, беременная дама, съ широкими плечами, поднятыми такъ, что шеи не было видно, бѣлая и румяная, слегка заспанная.

Шаршмидтъ сдѣлалъ гримасу.

— Душа моя, ты знаешь, началъ онъ шутливо: — что это опасный человѣкъ...

Жена улыбнулась. Лиза сказала:

— А вы таки трусъ... Я бы не зашла... Простой сельской учительницы боитесь.

— Нѣтъ? Въ самомъ дѣлѣ?.. — протянулъ Шаршмидтъ, прищурившись. — Учительница? А вы знаете, что теперь надо быть очень и очень осторожнымъ?.. Только я не трусъ! — Сохрани меня Богъ.

Онъ запустилъ пальцы въ жиденькую рыжеватую бородку.

— Читали вы мою статію? спросилъ онъ, глядя на гостью какъ-то бочкомъ, однимъ глазомъ. — Душа моя! обратился онъ къ женѣ, замѣтивъ по лицу Лизы, что та статью его не читала. — Для чего ты имъ не показывала мою статію?

Онъ торопливо всталъ и, подойдя къ этажеркѣ съ книгами, сталъ рыться въ нихъ, поднимая пыль, нашелъ сѣренькую газету, въ формѣ тетради, и вернулся съ нею къ Лизѣ.

— Она называется, эта моя статія — »Народники«, сказалъ онъ съ убѣжденіемъ. — Я хвалю народниковъ. Я хочу показать, что ежели они...

Онъ сталъ нервно перелистывать газету.

— Хотите, я вамъ прочитаю? спро-

силъ онъ. — Вамъ она непремѣнно понравится. — Вы увидите, какой я трусъ.

Онъ аппетитно смотрѣлъ на газету.

— Знаю, знаю, что вы тамъ пишете! воскликнула Лиза съ улыбкой. — Всѣ ваши фразы знаю... Только врядъ-ли она мнѣ понравится. Я, вѣдь, не народница...

Шаршмидтъ отшатнулся и смотрѣлъ на нее почти испуганно, между тѣмъ какъ лѣвая рука его скромно пыталась почесать грудь подъ манишкой, накрахмаленной и твердой, какъ лубокъ.

— Кто же вы? спросилъ онъ тихо и оглянулся.

— Я?

— Ну, да, вы, ну... Кто вы? спросилъ Шаршмидтъ, поблѣднѣвъ.

— Я просто русская женщина, отвѣчала Лиза. — Служу, какъ могу, народу, потому что вижу, какъ онъ дикъ и грубъ, и забитъ. А еслибъ онъ былъ такъ прекрасенъ и совершененъ, какъ вамъ, народникамъ, представляется, — тутъ она взглянула на Шаршмидта — то незачѣмъ было бы и служить ему. И вотъ еще: вы,

народники, терзаетесь, что вы сами не народъ, что вы, къ несчастью, интеллигенція, тронуты культурой и такъ далѣе. А я рада, что училась чему-нибудь и учусь, и убѣждена, что неразрывно связана съ народомъ, что мы всѣ вмѣстѣ — одно тѣло. Отсюда и всѣ обязанности вытекаютъ...

— Та-акъ? протянулъ Шаршмидтъ, положилъ газету на этажерку и сѣлъ успокоенный, но недовольный.

Наступило молчаніе.

— Такъ вы теперь за литературу взялись? спросила его Лиза послѣ паузы. — А помните, что вы ей, — она кивнула на его жену: — давали когда-то слово до конца не покидать поля?

— *Ахъ*! произнесла его жена съ улыбкой, съ какой вспоминаютъ взрослые о своихъ дѣтскихъ проказахъ.

— Пожалуйста, оставьте этотъ вашъ разговоръ! торопливо и сердито сказалъ Шаршмидтъ оглянувшись; но затѣмъ разсмѣялся и, съ сожалѣніемъ качая головой, — причемъ Лизѣ казалось, что качается только одинъ его бѣлый длинный

носъ, — отправилъ руку къ лопаткамъ и выпятилъ грудь, съ кислой гримасой.

XXII

Лиза ушла отъ Шаршмидтовъ и завернула еще въ два дома. Но въ одномъ ее встрѣтилъ звѣрски-пьяный человѣкъ, огромнаго роста, волосатый, съ воспаленными глазами. Она едва узнала въ немъ Цаплина, либеральнаго земца. Это былъ, еще годъ тому назадъ, человѣкъ, искренно убѣжденный въ правильности земскаго пути; все свое состояніе отдалъ онъ земскому дѣлу — заводилъ на свой счетъ школы, устроилъ учительскую семинарію, открылъ сельскіе банки, десять лѣтъ сряду поднималъ на каждомъ губернскомъ собраніи вопросъ о переоцѣнкѣ крестьянскихъ надѣловъ, нажилъ тьму враговъ и, чтобъ мѣстная администрація не мѣшала ему своими протестами, закармливалъ губернатора и другихъ чиновниковъ обѣ-

дами, потѣшалъ ихъ облавами, дарилъ имъ дорогихъ собакъ, ружья. Съ рѣдкой энергіей создалъ онъ себѣ партію, и она ему служила — до тѣхъ поръ, пока на послѣднемъ собраніи онъ не поставилъ ребромъ одного »щекотливаго« вопроса. Партія вдругъ измѣнила — кто струсилъ, кто соблазнился перспективой членства въ управѣ, потому что надоѣло состоять »на побѣгушкахъ« у вожака, захотѣлось »своего куска и спокойнаго угла«. Вожакъ остался одинъ на мели. И вотъ онъ не выдержалъ, запилъ. Лизѣ стало больно. Изъ всѣхъ земцевъ она уважала только этого человѣка. Въ немъ ей всегда нравились безкорыстная, даже самоотверженная преданность дѣлу и свѣтлый умъ. »Это первый и послѣдній земецъ здѣсь«, подумала она съ горечью. Цаплинъ не узналъ ее, ругнулся и, пошатываясь, захлопнулъ дверь. Въ другомъ домѣ она никого не застала. »Господа поѣхали за Десну кашу варить«, объявила горничная. »Ну, значитъ, имъ весело и они здоровы!« сказала себѣ Лиза и вспомнила, какъ они и прежде

любили »кашу варить« и приэтомъ пѣли всегда, цѣлой компаніей, »дубинушку«, а затѣмъ поздно возвращались домой, возбужденные и счастливые, и мечтали уже о слѣдующей »кашѣ«. — »Этакъ до безконечности, всю жизнь«. Лизѣ было пріятно, что она — одна изъ немногихъ, оставшись на своемъ посту, дѣлаетъ хоть скромное дѣло, невидное, но все-жь дѣло, а не болтаетъ языкомъ и не находитъ удовлетворенія въ громкихъ и смѣлыхъ фразахъ. »Впрочемъ, пусть ихъ звонятъ«, подумала она и отправилась на свой постоялый дворъ, гдѣ пообѣдала, и въ четыре часа была уже въ квартирѣ Лининыхъ.

XXIII

Пьеръ, въ бѣломъ пиджакѣ съ иголочки и туго накрахмаленномъ, въ розовыхъ крапинкахъ, бѣльѣ, протянулъ Лизѣ руку, усадилъ ее въ гостиной и изъявилъ сожа-

лѣніе, что ей придется немножко поскучать съ нимъ въ ожиданіи сестеръ — ихъ еще нѣтъ.

— Зачѣмъ скучать? сказала Лиза озабоченно и сняла шляпку.

Пьеръ сдѣлалъ серьезное лицо. Онъ рѣшилъ вести себя въ тонѣ Лизы. Онъ сидѣлъ рядомъ съ ней и искоса посматривалъ на нее. Ему нравились ея умѣренная полнота, красивая шея, подбородокъ съ ямкой. Пьеръ догадывался, какой у ней »образъ мыслей«, и теперь очень былъ бы непрочь какъ-нибудь угодить ей съ этой стороны. Но Лиза молчала, не заговаривала и что-то отмѣчала карандашемъ въ записной книжкѣ. Пьеру не представлялось случая. И мысли его мало-по-малу перешли на другой предметъ — на Фаничку.

Дѣвушки опоздали почти на полчаса. Фаничка вбѣжала съ веселымъ смѣхомъ и стремительно обняла Лизу, Мэри подала сестрѣ руку. Пьеръ всталъ, дождался своей очереди поздороваться съ ними, сказалъ каждой по нѣсколько словъ, спросилъ: »а какова вчерашняя гроза?« — мило за-

смѣялся, когда на ихъ лицахъ изобразился испугъ и онѣ сказали: »ужасъ, ужасъ!« — и ушелъ, обмѣнявшись съ Фаничкой взглядомъ.

— Что, онъ вамъ нравится? спросила Лиза.

— Такъ себѣ! отвѣчала Фаничка и посмотрѣла въ окно.

Мэри не хотѣла сначала отвѣчать. Но потомъ сказала, потупившись:

— Кажется, онъ хорошій... Съ задатками...

— А мнѣ показался пустенькимъ, замѣтила Лиза. — Впрочемъ, я его мало знаю...

— Мало... Меньше моего, тихо возразила Мэри.

Фаничка подумала:

»Вотъ кто знаетъ его, такъ знаетъ — я!«

Между тѣмъ, Мэри и Лиза посмотрѣли одна на другую прежнимъ глубокимъ взглядомъ. »Надо начинать.« Онѣ сѣли и были взволнованы, но обѣ сдерживали себя, а Лиза, какъ и тогда, поблѣднѣла. Ей было трудно, тяжело...

Лиза стала говорить. Фаничкѣ казалось всегда, что Лиза ушла, чтобы выйти за кого-то замужъ. Теперь, изъ рѣчи Лизы, она поняла, что это неправда, — и только. Потому что, какъ скоро Лиза объяснила, что заставило ее покинуть родныхъ, Фаничка успокоилась, даже немножко разочаровалась и перестала слушать, дѣлая видъ, что слушаетъ, а въ сущности мечтая о томъ, о семъ и, главнымъ образомъ, о Пьерѣ. Мэри, напротивъ, жадно внимала сестрѣ. Ее удивляло, что она все это ужь знаетъ, въ послѣднее время объ этомъ только и думаетъ, и — что важнѣе всего — читала все это въ евангеліи. Она съ восторгомъ смотрѣла на сестру, которая просто говоритъ о своемъ дѣлѣ, не кичится, но и не скромничаетъ. Уже со вчерашняго объясненія съ maman она поняла, что за человѣкъ Лиза. Теперь еще ярче обрисовалась передъ нею эта странная, кроткая, но сильная духомъ женщина. Чѣмъ проще она говорила, тѣмъ больше Мэри восторгалась. Глаза ея блистали.

— Лиза! прошептала она, наконецъ, припавъ къ ея рукѣ, и заплакала отъ счастія. — Лиза не сразу поняла ея слезы. Она въ испугѣ наклонилась къ ней. Но Мэри подняла свое измученное, счастливое лицо. Тогда Лиза улыбнулась, не то радостно, не то скорбно и сжала сестру въ объятіяхъ.

— Лиза, говорила шепотомъ Мэри: — я еще раньше догадалась, что такъ все должно быть...

Фаничка очнулась отъ мечты о Пьерѣ и съ недоумѣніемъ смотрѣла на сестеръ. Потомъ подошла молча къ Лизѣ, сѣла по другую руку ея и стала нѣжно глядѣть ей въ лицо, ревнуя ее къ Мэри.

XXIV

На слѣдующій день, сдѣлавъ визитъ своему инспектору, Лиза уѣхала, о чемъ наканунѣ предупредила сестеръ. Впрочемъ она выразила надежду, что, пожалуй,

черезъ мѣсяцъ завернетъ сюда — на обратномъ пути — и повидается съ ними.

Жизнь въ домѣ Лоскотиныхъ пошла обычнымъ порядкомъ. Правильность ея теченія нарушалась развѣ сборами и приготовленіями къ губернаторскому вечеру, толками о матеріяхъ, о фасонахъ, о томъ, что, »однако, это кусается...«

Мэри ходила къ мадамъ Сесиль, торговалась, примѣряла платье; но все это она дѣлала какъ-то машинально, боясь отказомъ разсердить мать, которую очень жалѣла и которой всячески старалась угодить, потому что предчувствовала, что время близко, когда придется страшно и серьезно огорчить ее. Было бы жестоко не дѣлать еще уступокъ ей въ мелочахъ. Огорченіе, которое она готовила матери, ясно впрочемъ не сознавалось ею: она не знала, въ какой формѣ оно выльется...

У ней голова шла кругомъ отъ множества мыслей, которыя приходили ей на умъ. Ей очень хотѣлось идти по стопамъ сестры, но она чувствовала себя безсильной, неспособной, бѣлоручкой, мало обра-

зованной, трусихой и, вдобавокъ, была влюблена въ Пьера, что ее злило и отъ чего она подолгу плакала...

Чтобы закалить себя и пріучить къ разнаго рода лишеніямъ, она перестала пить чай, старалась за обѣдомъ наѣдаться первымъ блюдомъ и отказывалась отъ слѣдующихъ, купила себѣ грубые кожаные башмаки вмѣсто прюнелевыхъ, отъ чего у ней сейчасъ же начали мозолиться ноги, обмѣнялась съ горничной бѣльемъ и спала въ крестьянскихъ сорочкахъ, хотя тѣло у ней зудѣло на первыхъ порахъ и она едва преодолѣвала чувство брезгливости. Стоя на молитвѣ утромъ и вечеромъ, она била поклоны до тѣхъ поръ, пока спина не начинала болѣзненно ныть. Постель показалась ей слишкомъ мягкой, и на ночь она сбрасывала тюфякъ и пыталась спать на голыхъ доскахъ. Никогда еще не была она такъ религіозна, и лицо у ней приняло строгое выраженіе, временами удивлявшее Нину Сергѣевну.

Фаничка радовалась предстоящему ве-

черу и часто мечтала, какъ она будетъ танцовать съ Пьеромъ. Мадамъ Сесиль дала ей слово сдѣлать ей нарядъ къ лицу и замѣтила съ улыбкой, что это вовсе нетрудно, такъ какъ у mademoiselle удивительная талія и вообще удивительное сложеніе. »Отчего этого никто при Пьерѣ не скажетъ?« подумала Фаничка, поворачиваясь передъ зеркаломъ и осматриваясь. Съ Пьеромъ она не видѣлась нѣсколько дней подъ рядъ. Когда въ послѣдній разъ она уходила изъ квартиры Лининыхъ, то Пьеръ дѣлалъ ей знаки глазами. Она не могла догадаться, что это такое. Довольно трудный языкъ. Гораздо лучше было бы придти и объяснить тихонько, въ чемъ дѣло. Но, конечно, онъ осторожничаетъ, боится maman!

Пьеръ, наконецъ, пришелъ, но не засталъ ни Фанички, ни Нины Сергѣевны. Это было часовъ въ пять, въ жаркій солнечный день, и онѣ, какъ объяснила ему горничная, стоявшая за воротами, поѣхали купаться. Дома осталась одна Мэри. Она сидѣла за роялемъ, въ залѣ,

огромной полинялой комнатѣ, увѣшанной старинными, должно быть, хорошими картинами, въ латунныхъ потускнѣвшихъ рамахъ...

Играла Мэри немного вещей, но играла недурно, хотя всегда для себя. Она издали еще увидала Пьера, покраснѣла, но не бросила играть. Во всѣхъ другихъ подобныхъ случаяхъ непремѣнно бросила бы, а теперь ея пальцы какъ-то еще легче и красивѣе забѣгали по клавишамъ, и звуки полились нѣжнѣе. Пьеръ зналъ, что она, обыкновенно, стѣсняется постороннихъ, и подумалъ, что она его не замѣчаетъ, увлекаясь музыкой. Улыбаясь, онъ подошелъ къ ней и сталъ за ея спиной. Она покраснѣла сильнѣе, и все продолжала играть...

Ей было безотчетно пріятно. Какъ ни старалась она разозлиться на себя, — не могла. То, что теперь они одни въ домѣ, и то, что это сдѣлалось неожиданно, — волновало ей кровь. Сердце неотвязно запросило любви. Была необходимость играть, надо было дать выходъ этому взрыву.

И она боялась оглянуться, боялась принять руку съ клавишъ...

Но вдругъ она почувствовала на своемъ затылкѣ жаръ отъ дыханія Пьера. Она оборвала пьесу, быстро оглянулась и тихо прошептала:

— Пьеръ!

Пьеръ никогда не видѣлъ у ней такого глубокаго, влажнаго взгляда. Онъ вздрогнулъ и протянулъ ей руку. У ней были горячіе пальцы, и онъ удержалъ ихъ въ своей рукѣ.

Мэри потупилась и молчала, удивляясь, что она *это* позволяетъ ему, а онъ, вѣроятно, и не любитъ ее, и ухаживаетъ себѣ за Фаничкой... »Но пусть не любитъ!« крикнуло у ней что-то въ груди. »Пусть только длятся эти минуты!«

— Вы все это время были холодны со мной, сказалъ Пьеръ съ нѣжнымъ упрекомъ.

— Да, да! отвѣчала она.

Онъ сильнѣе наклонился къ ней, обнялъ ее сверху и посмотрѣлъ ей въ лицо.

— »Пусть!« думала она съ тоской и съ какимъ-то блаженнымъ ужасомъ.

Губы Пьера раскрылись... »Вотъ оно — блаженство, счастье, жизнь!« думала она, ослѣпленная, безумная, безпомощно бросивъ руку на клавиши, которыя глухо простонали. »Жизни, счастья!«

Пьеръ нашелъ, что стоять неудобно. Онъ сѣлъ, быстро придвинулъ стулъ къ стулу Мэри и опять обнялъ ее.

— Мэри, милая! — прошепталъ онъ съ искреннимъ увлеченіемъ. — Ты моя!

— »Онъ грубъ«, со страхомъ подумала Мэри... и закрыла глаза рукой...

Но звякнула калитка, ворота со скрыпомъ и стукомъ распахнулись...

Изъ оконъ видно было, какъ во дворъ въѣхали парныя извощичьи дрожки съ Ниной Сергѣевной и Фаничкой, державшейся за поясъ извощика, потому что ей было неудобно сидѣть рядомъ съ maman, занимавшей много мѣста...

Пьеръ и Мэри вскочили и растерялись.

Ей стало стыдно Пьера, стыдно самой себя, стыдно стѣнъ. Точно сонъ при-

видѣлся ей, отъ котораго краска бросилась ей въ лицо, когда она проснулась. Казалось, множество глазъ разомъ увидѣли ея позоръ, и ею овладѣлъ страхъ, гадкій и низкій. Она не могла ему противиться и побѣжала, съ трудомъ подавляя въ груди холодный крикъ ужаса, невольно рвавшійся наружу...

Пьеръ оправился скоро. Ему было нестолько стыдно, сколько досадно. Онъ сталъ ходить по залѣ широкими шагами и придумалъ объясненіе, хотя оно оказалось излишнимъ. Онъ хотѣлъ разсказать, какъ засталъ Мэри за музыкой, какъ она сконфузилась, убѣжала, и съ тѣхъ поръ, минутъ десять, онъ бродитъ здѣсь одиноко и наслаждается созерцаніемъ вотъ этихъ произведеній старыхъ мастеровъ... Но его никто не спросилъ, зачѣмъ онъ здѣсь. И безъ него догадались, что Мэри у себя. Онъ жалѣлъ, что не разставилъ во-время стульевъ. Но и на это не обратили вниманія. Съ нимъ ласково поздоровались, и Нина Сергѣевна ему даже какъ-будто обрадовалась. О Фаничкѣ и говорить не-

чего. Когда Нина Сергѣевна направилась, тяжело вздохнувъ отъ усталости, въ гостиную и кликнула Антипьевну, чтобъ та набила ей трубку, Фаничка беззвучно и торопливо поцѣловала его, сверкнувъ глазами, и, въ отвѣтъ на его боязливый жестъ, со смѣхомъ разсказала ему, что дамскую купальню унесло вихремъ и онѣ напрасно проѣздились. Теперь строятъ новую...

— Да, о чемъ ты мнѣ подмигивалъ тогда?

— Приходи завтра... послѣ обѣда... Лининыхъ все еще нѣтъ...

Она взглянула на него яркимъ, полусерьезнымъ взглядомъ и потрясла головой.

— А туда? спросилъ онъ. За кладбищемъ?

Она потупилась и играла стальной цѣпочкой у своего пояса.

— Туда? переспросила она. Никуда! сказала она весело и громко, такъ что Пьеръ опять испугался. И повернувшись на одной ногѣ, улыбнулась ему и побѣжала, подпрыгивая, въ слѣдующую комна-

ту, гдѣ, на глазахъ у Нины Сергѣевны, обняла Антипьевну и поцѣловала. Затѣмъ крикнула:

— Мсье Пьеръ, пойдемте въ садъ, посмотрите, что сдѣлалось съ моими бѣдными цвѣточками...

— »Ахъ цвѣточки мои!..« пѣла она черезъ минуту въ глубинѣ сада. Пьеръ шелъ рядомъ съ нéй и молчалъ. Ему казалось, что Мэри должна смотрѣть на него съ антресолей.

Но онъ ошибался. Мэри ничего не видѣла, она горько плакала.

XXV

Насталъ день, въ который Черемисовы давали вечеръ.

Пьеръ, разсказывавшій, что онъ принятъ у губернаторши, на самомъ дѣлѣ первый разъ долженъ былъ появиться въ ея салонѣ. До сихъ поръ онъ бывалъ въ домѣ Черемисовыхъ только какъ учитель

маленькаго князя. Онъ волновался, поминутно совѣтовался съ портнымъ, которому задолжалъ до ста рублей, и всѣмъ жаловался, что въ городѣ нѣтъ хорошихъ свѣжихъ перчатокъ.

— Представьте, лайка блеститъ, какъ клеенка! восклицалъ онъ огорченный.

Чѣмъ ближе подходилъ срокъ ѣхать на вечеръ, тѣмъ сильнѣе становилась его тревога. Онъ мысленно постоянно расшаркивался, улыбался, говорилъ по-французски, а также прекрасно танцовалъ съ Клавдіей Аполлосовной, которая, впрочемъ, все время рисовалась ему, какъ нѣчто высшее и недоступное, и онъ сознавалъ, что эта послѣдняя мечта есть такъ себѣ — »мечтаніе пустое«.

Всего пуще боялся онъ сдѣлать что-нибудь безтактное. Въ университетскомъ городѣ, гдѣ онъ жилъ недурно, издавая литографированныя записки профессоровъ, ему случалось бывать на вечерахъ. Но, во-первыхъ, то были вечера почти мѣщанскіе. Во-вторыхъ, тамъ его знали только какъ студента, здѣсь же всѣмъ было

извѣстно, что онъ сынъ бывшаго квартальнаго, о разныхъ подвигахъ котораго доселѣ еще носятся цѣлыя легенды. Покойный отецъ его былъ не современный »помощникъ пристава« или »приставъ« — субъектъ уже нѣсколько »аблагороженный«, — а настоящій квартальный, »кварташка« героическаго періода... Пьеръ стыдился этого и чувствовалъ, что, пожалуй, здѣсь въ родномъ городѣ, ему не разыграться, какъ тамъ, гдѣ онъ могъ ломать изъ себя настоящаго дворянчика...

— »Но что же могу я сдѣлать безтактнаго?« думалъ онъ. Держать себя я съумѣю«...

И онъ съ тоской смотрѣлъ на свою новую пару, висѣвшую въ его комнатѣ, въ углу, въ бѣлой простынѣ, сколотой булавками...

XXV

Пьеръ отправился на вечеръ въ половинѣ одиннадцатаго. Ночь была темная,

пасмурная. Керосиновые фонари спокойно горѣли, чуть освѣщая фасады домовъ съ плотно закрытыми ставнями. Ничто не говорило о праздничномъ шумѣ, о блескѣ, о томъ, что онъ ожидалъ встрѣтить у Черемисовыхъ. Все было обыденно, и Пьеръ проникался жалостью къ обитателямъ этихъ скромныхъ жилищъ, повитыхъ сномъ и скукой...

Когда онъ очутился въ передней губернаторскаго дома и до него донесся говоръ гостей и шумъ шаговъ и платьевъ, его охватилъ радостный испугъ. Того, чего онъ боялся — чувства неловкости — совсѣмъ какъ не бывало. Онъ увидѣлъ, что находится въ согласіи съ своимъ собственнымъ идеаломъ порядочнаго человѣка. Фракъ сидѣлъ на немъ прекрасно. И самъ онъ былъ прекрасенъ — онъ это сознавалъ. Шумъ многолюднаго вечера влилъ въ него бодрость.

Въ залѣ было много мягкаго свѣта и оранжерейной зелени. Широкіе и перистые листья пальмъ вырѣзывались на бѣломъ фонѣ филейныхъ гардинъ высоко

надъ головами гостей. Черные фраки кучками тѣснились тамъ и сямъ или одиноко бродили между модныхъ платьевъ съ длинными шлейфами и темными бантами на груди и выше колѣнъ. Мундиры сверкали своими золотыми и серебряными пуговицами и звякали шпорами.

Изъ залы направо виднѣлась амфилада комнатъ. Тотъ же мягкій свѣтъ, та же зелень. Но тамъ фраковъ и мундировъ было меньше — преобладали дамы. Онѣ сидѣли и ходили и оживленно, праздничнo разговаривали, граціозно посмѣивались, и вѣера трепетали у нихъ на груди, словно какія-то огромныя бабочки. На первомъ планѣ можно было еще разглядѣть этихъ дамъ, въ бальныхъ платьяхъ съ кружевами. Корсажи у иныхъ были обтянуты стальными сѣтками и горѣли, какъ кирасы акробатовъ. Пьеръ видѣлъ модныя прически, бѣлыя лица, бѣлыя шеи. Вотъ мелькнула рука въ бѣлой перчаткѣ выше локтя и едва прикрытая у плеча газовой дымкой. Вотъ мелькнула тонкая талія, вся тѣлеснаго цвѣта. На плечѣ полной

дамы, въ темно-лиловомъ, дрожитъ красный бантъ. Но затѣмъ комнаты казались наполненными чѣмъ-то вродѣ облачковъ, полупрозрачныхъ и пестрыхъ; и только, какъ сквозь легкій туманъ, можно было различить, въ дали, постоянно мелькающіе тамъ и сямъ букеты, лица, банты, плечи, локти, руки, эполеты, вѣера.

Пьеръ глядѣлъ кругомъ и жадно вдыхалъ бальный воздухъ, пропитанный духами и безпрестанно освѣжаемый — въ сосѣдней комнатѣ двери въ широкую галлерею и въ садъ были отворены настежь, — и искалъ глазами Черемисовыхъ.

Черемисовъ, высокій, худой старикъ, съ тусклыми глазами и отвислой губой, стоялъ недалеко отъ Пьера, окруженный пожилыми и почтенными людьми, въ числѣ которыхъ находился и жандармскій полковникъ съ необыкновенно краснымъ лицомъ. Всѣ слушали, а губернаторъ велъ степенную рѣчь, иногда чуть-чуть раскачиваясь на каблукахъ.

Пьеръ сталъ ждать, когда Черемисовъ ѣтитъ его. Онъ подстерегъ его

взглядъ и отвѣсилъ ему глубокій поклонъ. Тотъ прищурился и протянулъ Пьеру руку.

Молодой человѣкъ отошелъ отъ губернатора, пріятно улыбаясь.

»Говорятъ, министромъ будетъ«, подумалъ онъ.

Къ Пьеру подбѣжалъ, потрясая аксельбантомъ, графъ де-Гужаръ, адъютантъ краснощекаго полковника, юный и стройный блондинъ съ голубымъ, любящимъ взглядомъ. Онъ схватилъ Пьера за обѣ руки и сказалъ:

— Визави... Хорошо?... Сейчасъ кадриль... Берите скорѣе даму...

Пьеръ пошелъ искать даму. Онъ вспомнилъ о Фаничкѣ и Мэри, и ему хотѣлось пригласить которую-нибудь изъ нихъ. Онъ отыскалъ ихъ въ третьей комнатѣ. Онѣ сидѣли рядомъ.

Фаничкѣ удалось уже протанцовать польку съ какимъ-то офицеромъ. Но она была недовольна, что нѣтъ Пьера и никто не любуется на нее. А платье на ней было удивительное. Она готова была вертѣться

передъ зеркаломъ и все смотрѣть на себя: корсажъ изъ блѣднорозовой матеріи и такая же юбка, и все это отдѣлано свѣтло-свѣтло-голубымъ фаемъ. Вмѣсто бантовъ, въ волосахъ, на лѣвомъ плечѣ и у полуоткрытаго кружевнаго ворота — маленькіе букеты изъ золотыхъ колосьевъ и маргаритокъ. »Неужто Пьеръ такъ меня и не увидитъ?« безпокоилась она.

Мэри все время было не по себѣ. Всѣ эти дамы, разрядившіяся въ пухъ и прахъ, казались ей дурами, всѣ эти фрачники и военные — дураками, и она испытывала неловкое чувство человѣка, попавшаго добровольно не въ свое общество и только тогда замѣтившаго промахъ. Она прислушивалась къ отрывочнымъ фразамъ, носившимся въ воздухѣ, кругомъ, и злилась: нафабренные офицерики развязно идутъ возлѣ дамъ, держа лѣвую руку у сердца, и постоянно произносятъ — всѣ на одинъ и тотъ же ладъ: »Да-а?« »Та-акъ?« Дамы черезчуръ мило смѣются и кокетливо смотрятъ. Она злилась на Фаничку, на самое себя. Мэри

было стыдно своихъ голыхъ рукъ, суетнаго наряда. Кромѣ того, каждую минуту она съ ужасомъ ждала, что увидитъ Пьера, и приготовляла въ умѣ злые и холодные отвѣты на его неизбѣжные разспросы и намеки. Она его ненавидѣла — не могла простить ему той сцены... Пьеръ казался ей эгоистомъ, и постоянно въ ушахъ ея звучали слова Лизы, что онъ »пустенькій«. Онъ не любитъ ея!.. Онъ былъ единственный свидѣтель ея позорной слабости, и она вздрагивала отъ этой мысли, враждебно глядя на всѣхъ...

Но подошелъ Пьеръ. Фаничка покраснѣла, радостно сверкнувъ своими жемчужными зубками. У Мэри закружилась голова, что-то заныло внутри, и ей захотѣлось крѣпко пожать ему руку, и она все вдругъ забыла — всѣ муки свои, всѣ терзанія и жила только имъ.

Пьеръ посмотрѣлъ на нее ласково, точно смѣялся глазами, и Мэри, понявшая изъ этого взгляда, что онъ считаетъ ее безусловно своею, вспыхнула, потупилась, но затѣмъ опять подняла на него глаза.

Пьеръ подумалъ, что надо пригласить ее, но пригласилъ Фаничку, такъ какъ Фаничка ему больше нравилась. Губы Мэри дрогнули...

Присѣвъ на минуту, Пьеръ внезапно вскочилъ и сказалъ:

— Сидите здѣсь, Фаничка, мнѣ надо подойти къ хозяйкѣ дома... Вотъ она... Я сейчасъ...

Онъ ушелъ, а Мэри смотрѣла ему вслѣдъ и снова начинала его ненавидѣть...

Во второй комнатѣ, гдѣ была Клавдія Аполлосовна, Пьеръ увидѣлъ Нину Сергѣевну и Федотову. Онѣ сидѣли поодаль за мраморнымъ столикомъ, пили оршадъ и разговаривали. Очевидно, онѣ только-что познакомились. Пьеръ встрѣтилъ глаза Нины Сергѣевны, недружелюбно пронизавшіе его — должно быть, ложь его о колескѣ уже раскрыта — и сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ ея.

»Пожалуй, гадость выйдетъ«.

Музыка грянула ритурнель кадрили. Кавалеры бросились разыскивать дамъ.

Пьеръ повернулся и очутился лицомъ

къ лицу съ Клавдіей Аполлосовной и смущенно привѣтствовалъ ее. Эта худая, стройная красавица, съ молодымъ лицомъ и холодными глазами, странно дѣйствовала на него. Онъ оробѣлъ-таки, когда она подала ему руку, въ длинной по локоть перчаткѣ. Сегодня она была поразительно хороша. Платье на ней конечно, не здѣшняго шитья — новое, но какъ-будто уже немного ношеное, присидѣвшееся, и не то простенькое, не то очень богатое. На груди съ выкатомъ и на голыхъ плечахъ, повсюду, чувствовались кружева, точно струйки дыма, сквозь который тамъ и сямъ мерцалъ серебристый атласъ. Пьеръ сильно пожалъ ей руку и испугался. Онъ это невольно сдѣлалъ. Губернаторша подняла на него глаза: Пьеръ понравился ей.

— Вотъ отлично, сказала она съ своей усмѣшкой: — вы будете моимъ кавалеромъ... А визави?.. Есть?..

Пьеръ съ секунду стоялъ ошеломленный. Мечта, казавшаяся несбыточной, стала дѣйствительностью. Онъ мысленно

махнулъ рукой на Фаничку, на Мэри, на Нину Сергѣевну съ ея недружелюбнымъ взглядомъ.

— Графъ де-Гужаръ, отвѣтилъ онъ, переводя дыханіе, съ улыбкой, и повелъ Клавдію Аполлосовну въ танцовальную залу.

Онъ танцовалъ хорошо, на ея французскую фразу отвѣтилъ по-французски, и у него оказался недурной выговоръ. Клавдія Аполлосовна была удивлена и насмѣшливо посматривала на него отъ времени до времени.

Пьеръ, точно въ отвѣтъ, улыбался сй. »Немножко дикаря есть«, думала Клавдія Аполлосовна, глядя на его бѣлые зубы и сама улыбаясь.

Кадриль кончилась. Клавдія Аполлосовна ушла. Подошла Фаничка съ блѣднымъ лицомъ и съ сердитыми глазами. Пьеръ сталъ оправдываться и долго говорилъ. Но она молчала. Онъ прошепталъ:

— Вы меня сильнѣе обижаете... Каждый разъ назначаете свиданіе и...

— Это не то!

— Во всякомъ случаѣ, простите...
— Никогда!
— Слѣдующая кадриль...
— Оставьте, пожалуйста!

Пьеръ повиновался. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ оглянулся и посмотрѣлъ на Фаничку: возлѣ нея стоитъ высокій брюнетъ — онъ зналъ, что это какой-то заѣзжій литераторъ — и, очевидно, приглашаетъ ее танцовать. Фаничка киваетъ головой, даетъ ему руку.

Гремѣлъ вальсъ. Пары кружились. Шлейфы дамъ вытягивались, и изъ-подъ платьевъ виднѣлись сближенные носки ботинокъ, прямые и острые. Фрачники тѣсной кучкой стояли у дверей и съ любопытствомъ смотрѣли на танцующихъ. Пьеръ видѣлъ, какъ Фаничка пронеслась съ литераторомъ. Пронеслась полная дама въ лиловомъ, держа голову въ профиль. Промчалась Клавдія Аполлосовна съ де-Гужаромъ. Ему самому страстно захотѣлось танцовать. Онъ подхватилъ дѣвушку въ корсажѣ тѣлеснаго цвѣта и началъ кружиться съ нею, потомъ съ другой, съ

третьей. Онъ чувствовалъ, что никогда еще въ жизни такъ хорошо не танцовалъ. Этотъ бѣшеный ритмическій бѣгъ съ красивыми женщинами, среди другихъ паръ, вертящихся кругомъ, во всѣхъ углахъ, съ безумнымъ упоеніемъ, наполнялъ его радостью, восторгомъ. Вдобавокъ ко всему, ему казалось, что пара чьихъ-то холодныхъ, насмѣшливыхъ глазъ пронизываетъ его и постоянно слѣдитъ за нимъ. Это ужъ было верхомъ блаженства, и онъ не слышалъ земли подъ собой...

Посадивъ даму, онъ увидѣлъ, что Клавдія Аполлосовна почти лежитъ на диванчикѣ, блѣдная и утомленная, съ высоко и часто поднимающейся грудью, но по ея улыбкѣ и приказывающему выраженію лица заключилъ, что ей хочется еще вальсировать. Онъ подбѣжалъ къ ней, и она вскочила, положила ему на плечо руку, и они помчались, кружась. Онъ слышалъ, какъ шуршитъ ея платье, какъ тяжело она дышитъ — все скорѣе и скорѣе, какъ въ тактъ змѣится ея тѣло: и

онъ не прочь былъ бы вѣчно танцовать съ нею. Но она сказала: »Довольно«, и онъ ловко посадилъ ее на прежнее мѣсто, и она опять упала, еще болѣе блѣдная и задыхающаяся.

Пьеръ самъ задыхался. Какъ только вальсъ кончился, онъ почувствовалъ, что умираетъ отъ усталости. Бальный воздухъ былъ душенъ. Пьеръ бросился въ садъ. По пути, въ комнатѣ налѣво, онъ увидѣлъ нѣсколько зеленыхъ столовъ, за которыми сидѣли разные губернскіе тузы — начальникъ мѣстныхъ войскъ въ жирныхъ эполетахъ, акцизный управляющій съ длинными тараканьими усами, Шаровицынъ, самъ губернаторъ, какіе-то старички, и спокойно играли въ карты. Въ огромной галереѣ мягко сіяли китайскіе фонари среди плющевыхъ гирляндъ. Обнявшись, ходили барышни и обмахивались вѣерами. Пьеръ сошелъ по ступенькамъ въ садъ. Садъ дремалъ, слабо освѣщенный. Только въ одной аллеѣ горѣли пестрые шкалики, прочія были погружены въ сумракъ.

Пьеръ шелъ, и мягкій вѣтерокъ, кото-

рый въ другое время былъ бы незамѣтенъ, пріятно освѣжалъ его разгоряченный лобъ. Садъ былъ мало знакомъ ему, дорожки прихотливо переплетались, но онъ все подвигался впередъ. Ему хотѣлось попасть въ освѣщенную аллею, откуда слышался веселый говоръ, — и вмѣсто этого онъ вдругъ уперся въ маленькую бесѣдку, подобіе грота. Дорожка обрывалась тутъ, и надо было идти назадъ, чтобы проникнуть въ ту аллею. »Можетъ быть, встрѣчу тамъ Фаничку«, подумалъ онъ съ легкой тоскою. Онъ уже повернулся, какъ позади его, въ бесѣдкѣ, послышался шепотъ:

— Пьеръ!

Онъ вошелъ въ бесѣдку. На скамейкѣ, въ ночной мглѣ, сумеречнымъ пятномъ выдѣлялась женская фигура.

— Кто? спросилъ онъ, садясь возлѣ нея, но уже догадываясь кто.

Фигура сказала:

— Мэри.

— Мэри! — Какимъ образомъ?

— Что за вопросъ?.. Здѣсь я ужъ полчаса, я плакала здѣсь...

— О чемъ?

— Пьеръ! ради Бога! Скажите мнѣ, что вы за человѣкъ? Я васъ не могу уважать... Не знаю васъ... Скажите, Пьеръ!

— Мэри! нѣжно прошепталъ Пьеръ, тяжело еще дыша отъ вальса и отчасти отъ того, что съ нимъ теперь наединѣ эта дѣвушка. — Мэри! повторилъ онъ и обнялъ ее.

— Примите вашу руку, сказала она строго, и онъ повиновался, вдругъ простывъ.

Наступило молчаніе.

— Вы слышите, о чемъ я прошу васъ, Пьеръ? начала Мэри. — Это серьезная просьба.

Пьеръ отвѣчалъ:

— Право... я затрудняюсь... Въ другое время развѣ... И что, въ самомъ дѣлѣ, могу я сказать вамъ!? спросилъ онъ, наклоняясь къ ней.

— Я вамъ помогу, сказала Мэри. — вамъ не стыдно за этотъ балъ?

— Какъ стыдно? воскликнулъ Пьеръ, изумленный.

*

— Стыдно не только за себя, а и за всѣхъ...

Пьеру сдѣлалось скучно. Вальсъ звучалъ еще въ его ушахъ, глаза Клавдіи Аполлосовны, казалось, загадочно и насмѣшливо смотрятъ изъ ночной темноты. Мэри продолжала говорить, добиваясь отъ него отвѣта, голосъ ея дрожалъ, она волновалась и плакала, но Пьеръ почти не слушалъ ея.

— Пьеръ? Что же вы?.. — вскричала Мэри. — Ни слова!?..

Пьеръ засмѣялся.

— Вы ужасно странная!.. Пойдемте лучше, сказалъ онъ, хватая ее за руку. Слышите — музыка?! крикнулъ онъ съ оживленіемъ. — Пойдемте!

Мэри вырвала руку.

— Уходите.

Онъ ушелъ бѣгомъ. Но она сейчасъ же раскаялась, что отпустила его. Онъ слышалъ, какъ она звала его, почти кричала: »Пьеръ! Пьеръ!« съ мольбой въ голосѣ, и онъ зналъ, что значитъ этотъ молящій тонъ — зналъ и не вернулся, ему хотѣлось танцовать.

Танцы длились еще часа полтора. Графъ де-Гужаръ велъ безконечную кадриль и молодымъ, охрипшимъ голосомъ кричалъ команду: »chaine de dames!« »chaine de messieurs!« »en avant!« »Corbeille!« Всѣ повиновались и поворачивались направо и налѣво, плавно прыгали, подавали другъ другу руки съ одной и той же улыбочкой, усталые, счастливые. Музыканты-жидки страстно пилили на скрыпкахъ, дули въ кларнеты и флейты, и ихъ черныя длиннополыя фигуры качались на эстрадѣ, въ глубинѣ залы, точно они были маги, странными тѣлодвиженіями и гармоничными звуками заставляющіе у своихъ ногъ бѣсноваться эту нарядную и интеллигентную толпу...

Послѣ кадрили проплясали мазурку, а затѣмъ всѣ двинулись ужинать. Огромный столъ былъ накрытъ въ галереѣ, весь въ цвѣтахъ, серебрѣ и канделябрахъ, отражавшихъ свои огни въ граненомъ хрусталѣ. Клавдія Аполлосовна съ безпокойствомъ взглянула на учителей гимназіи, которые не танцовали и весь вечеръ держались

тѣсной кучкой, пощипывая бородки и бороды, а теперь первые заняли мѣста и самодовольно переглянулись. Первые усѣлись точно также и чиновники губернскаго правленія, напряженно улыбаясь. Хозяйка дома опасалась, что за общимъ столомъ не хватитъ мѣстъ всѣмъ дамамъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ придется посадить отдѣльно, вслѣдствіе чего могутъ произойти непріятности, ибо провинціальныя дамы щепетильны.

Такъ и случилось. Самыя почтенныя дамы и самыя уважаемыя — за преклонный возрастъ и чистоту дворянской крови — должны были занять отдѣльный столикъ. Нинѣ Сергѣевнѣ, попавшей за этотъ столикъ, это не понравилось. И хотя Клавдія Аполлосовна постоянно подходила къ этому столику и, между прочимъ, говорила ей въ высшей степени любезныя и пріятныя вещи, старуха ничего не могла ѣсть отъ волненія.

Вообще Нина Сергѣевна весь день чувствовала себя нехорошо. Еще съ утра былъ посланъ на хуторъ человѣкъ за

лошадьми, куда онѣ, изъ экономіи, каждое лѣто усылались на подножный кормъ, и до десяти часовъ не возвращался съ ними, такъ что она выходила изъ себя. Счетъ мадамъ Сесиль вывела не въ сто, а въ сто тридцать рублей. Часть обивки въ каретѣ оказалась сорванной. Кто сорвалъ — неизвѣстно. Но пришлось ѣхать такъ, безъ обивки, и всю дорогу мучиться. Въ уборной горничныя сняли съ нея и съ Мэри и съ Фанички клочки войлока, съ услужливой улыбкой, что опять разозлило Нину Сергѣевну — ей стало стыдно передъ »чужими слугами«, а это для нея была одна изъ высшей степени стыда. Когда она познакомилась съ Федотовой, дамой съ бѣлымъ, напудреннымъ лицомъ и большимъ, тонкимъ ртомъ, и, наконецъ, успокоившись отъ треволненій дня, стала бесѣдовать съ ней по душѣ, съ соблюденіемъ дворянскаго тона и дворянской привѣтливости, то и тутъ вскорѣ вышли непріятности. Оказалось, что Федотова не участвовала совсѣмъ въ загородномъ гуляньѣ молодыхъ людей. Ко-

ляски у ней не имѣется, а »ѣздіетъ« она въ маленькой двумѣстной каретѣ. О гуляньѣ слыхала... »Это было вотъ когда...« сказала она и точно опредѣлила время. Ея нянька-старуха видѣла на разсвѣтѣ изъ окна толпу гимназистовъ и гимназистокъ, а также Рубанскаго, котораго знаетъ — онъ былъ у Федотовой раза два, но его приняли холодно, и онъ теперь у ней не бываетъ. Рубанскій велъ подъруку двухъ красивыхъ дѣвушекъ, блондинку и брюнетку. На одной была »черкесская кофта«, по словамъ няньки. Всѣ были »немножко въ градусѣ«, нѣкоторые даже падали и потомъ, говорятъ, утромъ ихъ подбирали на улицахъ — »этихъ несчастныхъ дѣвочекъ и мальчиковъ«, сказала Федотова, сверкнувъ черными глазками *съ наслажденіемъ* — такъ показалось Нинѣ Сергѣевнѣ, которая, багровѣя, слушала свою собесѣдницу и уже ненавидѣла ее всѣми силами. »Но этого мало, продолжала Федотова радостнымъ шепотомъ. — Что у нихъ было тамъ за Десной, въ лѣсу! Ну, положительно всѣ

говорятъ, что это было... что это было что-то...« Она потрясла головой, ладонью, и стала шептать Нинѣ Сергѣевнѣ нелѣпый разсказъ. Та оборвала ее, грубо сказала: »Это неправда, тамъ были мои дочери — Лос-ко-ти-ны, милостивая государыня!« — выразительно постучала себѣ въ грудь и отвернулась, опрокинувъ оршадъ, который потекъ по мраморной доскѣ на платье Федотовой. Очевидно, съ этого момента Федотова должна была сдѣлаться ея злѣйшимъ врагомъ. Всѣмъ же этимъ Нина Сергѣевна обязана Пьеру, который устроилъ это гулянье и навралъ про коляску и проч. Ничего такъ не боялась Нина Сергѣевна, какъ злословія. Сама она никогда не сплетничала — это была ея дворянская черта — и не любила слушать сплетни, но вѣрила, что во всякомъ вздорномъ слухѣ есть частица правды. Если на разсвѣтѣ Пьеръ велъ подъ-руку ея дочерей черезъ весь городъ, въ компаніи подвыпившей молодежи, то ужь и это безпримѣрный скандалъ... Она гнѣвно вздохнула, и ей по-

казалось, что въ гостиной нѣтъ воздуха и что платье на ней слишкомъ тяжело — старинное, добротное, изъ гранатнаго гро-гро — и что особенно тяжела ея брошка у горла, усѣянная крупными алмазами и изумрудами плоской грани и украшавшая собою когда-то поясъ ея предка, гетмана Вернидуба.

Теперь, за ужиномъ, Нина Сергѣевна опять стала задыхаться. Въ огромной галереѣ, открытой съ боковъ, такъ что виднѣлось черное небо, воздуху для нея было мало попрежнему — даже меньше, чѣмъ въ гостиной. Она хваталась отъ времени до времени за шею и тихонько разстегнула воротъ платья, но брошку, казавшуюся ей пудовой, не снимала — надо было, чтобъ постоянно всѣ видѣли эти камни, которымъ уже двѣсти лѣтъ и которые дороже и выше всякихъ орденовъ. Въ ушахъ у ней стучало, сердце билось неровно...

Она досидѣла до конца ужина и, подозвавъ дочерей, строго сказала имъ:

— Ѣдемъ...

Фаничка, у которой блестѣли глаза отъ шампанскаго и бесѣды съ литераторомъ, посмотрѣла на нее съ лукавой, просительной улыбкой, но вдругъ спросила тревожно:

— Ахъ, что съ вами, maman?

— Ничего, хрипло прошептала Нина Сергѣевна.

Мэри еще съ большей тревогой взглянула на мать. »Въ самомъ дѣлѣ — что это съ maman?« подумала она. «Измучилась?!. Бѣдная! Всю ночь!.. И ради чего? Глупый, гадкій балъ!« Но, взглянувъ въ другой разъ, она замѣтила гнѣвъ въ ея глазахъ, что-то грозное, страшное... Мэри отвернулась и вздохнула съ горечью...

Онѣ уѣхали первыя. Свѣтало.

XXVII

Въ каретѣ Нина Сергѣевна повелительно произнесла:

— Этого мерзкаго мосье Пьера не принимать.

Дѣвушки потупились.

Фаничка подумала: »его таки надо проучить«, но была поражена словами maman, какъ громомъ. Тысячи предположеній зароились у ней въ головѣ, и она посмотрѣла на Мэри, поднявъ бровь.

Мэри сурово сказала себѣ: »Вотъ оно что!.. Къ лучшему«... И не пыталась узнать, за что Пьера постигаетъ такая немилость. Нина Сергѣевна опустила окна и жадно ловила воздухъ, дыша всей грудью. Брошка давила ее попрежнему: она рванула ее и бросила Мэри, сказавши отрывисто:

— Спрячь!

Дорога была ровная, лошади одичали на хуторѣ и почти несли; деревья, дома, фонари мелькали по обѣимъ сторонамъ, сливаясь въ разсвѣтномъ сумракѣ въ сплошныя, бѣгущія назадъ полосы. Какая-то гайка немилосердно дребезжитъ, казалось, надъ самымъ ухомъ Нины Сергѣевны. Но она терпѣла ее, и быстрота,

съ какой ѣхала карета, немного освѣжала Нину Сергѣевну. Она взглянула на небо. Черныя тучи были съ алымъ оттѣнкомъ, на востокѣ горитъ рубиновая заря. Сумрачный свѣтъ въ каретѣ и на улицѣ пропитанъ какимъ-то блѣдно-краснымъ блескомъ. Лица Мэри и Фанички тоже блѣдно-красныя. Лоскотина забыла всѣ свои огорченія и съ любопытствомъ поворачивала голову направо и налѣво. Ей стало лучше. Воздуху, свѣжаго и холоднаго, было такъ много, что, ей казалось, она пьянѣетъ отъ него. И въ самомъ дѣлѣ у ней стала кружиться голова — сильнѣе и сильнѣе. Вдругъ она почувствовала, что карета сильно наклоняется на-бокъ — Мэри и Фаничка, сидѣвшія противъ, тоже будто наклонились, но какъ-то странно — лица у нихъ сохраняютъ все то-же выраженіе, имъ даже невдомекъ, что онѣ падаютъ, что уже упали. Онѣ — точно куклы деревянныя. Нина Сергѣевна судорожно схватилась за окно и стала кричать и метаться. Тогда очнулись Мэри и Фаничка и протянули къ ней руки съ тре-

вогой и испугомъ. Карета нетолько наклонилась и ѣдетъ бокомъ — »кто-то сейчасъ укралъ рессору, должно быть Пьеръ« — но и, казалось, перевернулась нѣсколько разъ. Нина Сергѣевна получила страшный ударъ въ лѣвый бокъ, лѣвое плечо и лобъ. Теперь все уже представлется ей краснымъ — и небо, и дома, и лица дочерей, и ихъ наряды,..

Фаничка съ ужасомъ смотрѣла на мать и держала ея руку въ своихъ, между тѣмъ какъ Мэри, привставъ, поспѣшно разстегнула и расшнуровала ей платье и махала надъ нею вѣеромъ. Глаза Нины Сергѣевны дико блуждали, а лицо ея приняло синеватый оттѣнокъ, въ горлѣ хрипѣло. Небо, въ дѣйствительности, было зловѣще-свинцовое, и только внизу на горизонтѣ ширилась бѣлая полоса разсвѣта. Карета черезъ минуту остановилась у крыльца Лоскотинскаго дома.

Мэри приказала кучеру и дворнику сѣсть на лошадей и летѣть за докторами. Нина Сергѣевна, которую, не было никакихъ силъ, безъ помощи мужчинъ,

перенести въ домъ, лежала въ отложенной каретѣ, полураздѣтая, облитая водой, и все хрипѣла, вращая глазами и показывая на сгибы локтей... Должно быть, она хотѣла, чтобы ей бросили кровь...

Антипьевна вышла. Она смотрѣла на свою старую барыню, которая столько разъ бивала ее и когда-то посылала »на конюшню«, и плакала горько.

— Говорила я — не къ добру упала тополя! болѣзно шептала она горничной.

Фаничка рыдала, пряча лицо въ бальныя перчатки. Мери хмурила брови, и ей не хотѣлось вѣрить, что maman умираетъ. Она была блѣдна, и подбородокъ ея дрожалъ.

Проснулся поваръ, почти мальчикъ, худой и бѣлобрысый, и глазѣлъ на карету. Мэри, увидѣвъ его, приказала, чтобъ и онъ отправился за докторомъ. Онъ повиновался.

А Нина Сергѣевна то сознавала, что дѣлается вокругъ нея и что съ нею, то теряла сознаніе. Казавшееся ей тем-

нокраснымъ небо было такъ низко, что давило ее. Красный сумракъ иногда сгущался кругомъ до того, что она ничего не могла разсмотрѣть. Она слышала звонъ колокольчиковъ. Несутся бѣшеныя тройки. Мимо мелькаютъ черныя деревья, хаты. Горитъ огнями старый помѣщичій домъ. Тамъ вечеринка. На щекахъ Нины Сергѣевны пышетъ румянецъ. Она — бойкая, стройная дѣвушка, и кавалеры, въ сюртукахъ, съ узкими рукавами, и пестрыхъ жилетахъ, ухаживаютъ за нею. Вотъ опять тройки, опять гремятъ колокольчики, бубенчики. Темно, ночь, звѣзды мерцаютъ, снѣгъ скрыпитъ подъ полозьями, фыркаютъ лошади... Кто-то цѣлуетъ ее...

»Но зачѣмъ тутъ плачетъ Фаничка и гдѣ Мэри?.. И что съ Лизой?«... думаетъ Нина Сергѣевна и хрипитъ, озираясь.

Шаршмидтъ пріѣхалъ. Онъ велѣлъ перенести больную въ домъ, изслѣдовалъ ее, сосчиталъ пульсъ, махнулъ рукой, авторитетно сказалъ Мэри: »Приготовляйтесь, она должна умирать«, и объявилъ, что кровь пускать совершенно безполезно,

но посовѣтовалъ прикладывать къ головѣ ледъ...

Мэри послала за священникомъ и заплакала.

Нина Сергѣевна посмотрѣла на нее неподвижнымъ взглядомъ и подумала: »негодяй, онъ, кажется, обидѣлъ ее« — и опять забылась... Странный шумъ нагналъ на нее ужасъ. Этотъ шумъ, глухой и непріятный, постепенно росъ. Казалось, что гдѣ-то вдали идутъ мужики въ тяжелыхъ сапогахъ по пустымъ комнатамъ, расположеннымъ безконечной амфиладой. Вотъ они ближе и ближе... Вотъ они въ спальнѣ... »Вы зачѣмъ здѣсь?« хочетъ сказать Нина Сергѣевна и смотритъ на нихъ дрожа. Ихъ всего четыре человѣка. Они въ красныхъ рубахахъ, въ бородахъ, и лица ихъ смѣются, и они подмигиваютъ ей какъ-то страшно и многозначительно. »Ну, ребята!« говорятъ они вдругъ и засучиваютъ рукава. И, ставъ по четыремъ угламъ кровати, наклоняются и кричатъ: »Ну, разомъ!« Кровать тронулась, покачнулась... Нина Сергѣевна хотѣла

ухватиться за подушки, за перину, за одѣяло, потому что боялась упасть, но не могла пошевельнуться, — силъ не было.

Мэри и Фаничка съ тоской и слезами смотрѣли на нее и ласкались къ ней, думая успокоить ее. Черезъ минуту она, дѣйствительно, стала спокойнѣе — перестала хрипѣть. А еще черезъ минуту судорожно вытянулась и неподвижно уставилась глазами въ одну точку.

Священникъ вошелъ въ спальню со святыми дарами и крестомъ, торопливо облачаясь на-ходу. Но было уже поздно.

XXVIII

Прошло около двухъ недѣль. Фаничка, горько плакавшая, когда хоронили maman, вскорѣ утѣшилась. Она стала чувствовать себя свободной, независимой, могла ходить куда уходно, спать хоть до обѣда, и это чувство самостоятельности выгодно отрази-

лось на ея внѣшности — глаза ея стали глядѣть увѣреннѣе, серьезнѣе, она даже расцвѣла и къ концу мѣсяца замѣтила, что у ней полнѣетъ подбородокъ. Ее постоянно посѣщали подруги — когда-то онѣ были забракованы maman — и съ ними она ѣздила кататься, ѣздила на хуторъ, угощала ихъ, дѣлала имъ подарки. Иногда всѣ забирались на антресоли, располагались тамъ спать, и всю ночь Мэри слышала, какъ онѣ болтаютъ о разныхъ пустякахъ, хохочутъ, цѣлуются или поднимаютъ гамъ, писк, визгъ...

Мэри нѣсколько разъ заговаривала съ Фаничкой о томъ, что нехорошо такъ вести себя — въ двѣ недѣли она расшвыряла до ста рублей и точно радуется, что maman умерла. Фаничка, наконецъ, разсердилась, накричала на сестру — и онѣ поссорились, такъ-что перестали говорить одна съ другой. Мэри переселилась въ спальню maman.

Маша Линина, пріѣхавшая изъ деревни, заходила къ Мэри, бесѣдовала о Лизѣ, уныло вздыхала. Посѣщали ее и другія

дамы и говорили, что искренно соболѣзнуютъ »прелестнымъ сиротамъ«. Даже Клавдія Аполлосовна побывала. Но Мэри встрѣчала всѣхъ холодно и, во время визитовъ, молчала, потупившись. Она ходила въ глубокомъ траурѣ, похудѣла, и брови ея были всегда нахмурены.

У ней созрѣло рѣшеніе отказаться отъ своей доли наслѣдства и сдѣлать изъ нея такое употребленіе, какое сдѣлаетъ Лиза. Лиза продолжала быть ея идеаломъ, но недостижимымъ. Учить ребятъ въ деревнѣ, непосредственно служить народу — представлялось ей самымъ труднымъ дѣломъ.

Она вѣрила въ загробную жизнь, и ей казалось, что душа maman гнѣвно смотритъ на нее изъ какого-то могильнаго сумрака. Чтобъ сдѣлать что-нибудь согласное волѣ maman, она приказала не принимать Пьера.

Пьеръ обидѣлся. Но вскорѣ онъ написалъ Фаничкѣ длинное письмо, на которое та отвѣтила и пригласила его къ себѣ. Онъ явился. Она приняла его въ гостиной.

Пьеръ былъ въ черномъ сюртукѣ, она въ траурномъ платьѣ. Они смотрѣли другъ на друга и сдержанно улыбались. Все прежнее казалось ей не серьезнымъ. Она простила ему обиду на вечерѣ и когда узнала, за что maman велѣла отказать ему отъ дома, то тихо разсмѣялась. Серьезнымъ представлялось ей только это свиданіе. Теперь ихъ любовь можетъ не скрываться, никто имъ не помѣшаетъ, и мѣсяцевъ черезъ шесть они, если захотятъ, повѣнчаются. Пьеръ самъ это почувствовалъ и почти испугался. Дѣйствительно, свиданіе серьезное. Онъ не посмѣлъ ей говорить *ты*, и она тоже говорила ему *вы*.

На другой день—опять свиданіе и опять та же сдержанность. Затѣмъ они свидѣлись еще раза два. Чтобъ разбить ледъ, мѣшавшій ему цѣловать Фаничку и говорить съ ней задушевно, Пьеръ сдѣлалъ ей предложеніе.

Онъ любилъ Фаничку. Впечатлѣніе, произведенное на него Клавдіей Аполлосовной на вечерѣ, поблѣднѣло, когда явив-

шись черезъ день на урокъ, онъ былъ встрѣченъ съ прежней холодностью и оффиціальностью. Слѣдующіе уроки были неизмѣнно такіе же. Клавдія Аполлосовна, въ сущности, стала даже груба съ нимъ. Она едва протягивала ему руку. Балъ казался ему мимолетнымъ сномъ, и надо было возвратиться къ болѣе постоянной дѣйствительности. Что до Мэри, то онъ злился на нее за приказаніе не принимать его, хотя и зналъ, что такова была воля еще покойной Нины Сергѣевны. Мэри къ тому же совсѣмъ перестала ему нравиться, — почему? — онъ не задавалъ себѣ вопроса. Онъ слишкомъ былъ полонъ мыслью о Фаничкѣ. Стройная, темноглазая, съ цвѣтущимъ лицомъ, капризными губами, красивыми продолговатыми кистями рукъ, лебяжьей шеей, волнистыми волосами, густо покрывающими голову, множествомъ кудрявыхъ подволосковъ на бѣломъ и нѣжномъ загривкѣ, Фаничка мерещилась ему ночью и днемъ, и онъ былъ въ восторгѣ, когда, въ отвѣтъ на его предложеніе, она сказала: »Хорошо, Пьеръ«. Конечно, они

затѣмъ обнялись, поцѣловались. Ледъ былъ разбитъ до того, что Фаничка сѣла на колѣни къ Пьеру и стала строить планы относительно будущаго: если перевести все на деньги, то ей досталось отъ maman тысячъ двадцать, и, пожалуй, сестры отдадутъ ей домъ. Послѣ вѣнца, придется ѣхать въ университетскій городъ, чтобъ Пьеръ кончилъ курсъ. Потомъ они опять пріѣдутъ сюда. Пьеръ станетъ служить по выборамъ. Они будутъ счастливы...

Пьеръ слушалъ и ласкалъ Фаничку.

Это происходило на антресоляхъ, на балкончикѣ. Жара спала, и садъ чуть-чуть шумѣлъ. Справа тополи бросали косыя тѣни. Влюбленнымъ казалось, что они одни среди этого послѣобѣденнаго покоя, подъ этимъ яснымъ голубымъ небомъ, и міръ не существовалъ для нихъ... Они существовали, только они!

Но Мэри видѣла ихъ. Она пришла на антресоли, чтобъ взять изъ кіота медальонъ съ волосами maman. Она увѣряла себя, что пришла именно за этимъ. Они сидѣли спиной къ ней и не могли слы-

шать ея мягкихъ шаговъ, потому что возлѣ нихъ шумѣло дерево, задорно чирикали воробьи, и сами они были увлечены другъ другомъ. Мэри хотѣла уйдти, взявъ медальонъ; но дыханіе у ней захватило, ноги подкосились. Она поборола стыдъ и бросилась на балкончикъ.

— Фаничка!—испуганно вскричала она и схватила сестру за плечо.

Та вскочила, обернулась и смотрѣла на Мэри растерянным взглядомъ. Румянецъ нервно горѣлъ у ней на щекахъ, а Мэри была блѣднѣе бумаги и губы ея побѣлѣли. Пьеръ продолжалъ сидѣть и крутилъ усикъ, глядя въ полъ-оборота на Мэри.

— Какъ ты меня испугала! — сказала Фаничка со вздохомъ и улыбнулась, передвинувъ на плечахъ пелеринку. — Ты знаешь, это — мой женихъ...

Мэри потупилась. Лицо ея стало еще блѣднѣе. »А, вотъ что!«

— Ты забыла о распоряженіи maman?— сказала она глухо.

— Maman умерла, — произнесла Фаничка.

Мэри постояла на балкончикѣ нѣсколько секундъ, храня мертвое молчаніе, и ушла, не поднимая глазъ, медленной походкой...

А Фаничка всѣмъ стала разсказывать, что она невѣста Пьера. Черезъ три дня объ этомъ зналъ весь городъ.

XXIX

Звонили къ вечернѣ. Солнце золотило главы церквей, которыя горѣли вдали въ блѣдно-сизой дымкѣ тумана, смягчавшей пестрый и яркій пейзажъ. По голубой глади Десны серебряными петлями струилась рябь. Мѣрно опускались и поднимались весла. Вода косо падала съ нихъ продолговатыми каплями. Лодка лѣтѣла стрѣлой. Фаничка управляла рулемъ; Пьеръ въ соломенной шляпѣ сидѣлъ противъ нея, на поперечной скамеечкѣ; молодые люди обоего пола въ лѣтнихъ костюмахъ громко переговаривались между

собой и съ наслажденіемъ гребли, замолкая на минуту, когда надо было »надать«.

Городъ вынырнулъ на правомъ берегу. Налѣво убѣгалъ плоскій песчаный берегъ.

— Мнѣ скучно, что сейчасъ пріѣдемъ, — сказала Фаничка.

— А мнѣ такъ надоѣло это катанье, — замѣтилъ Пьеръ.

— Почему?

— Много постороннихъ глазъ, — прошепталъ онъ.

Взглядъ ея потупился, губы сложились въ улыбку.

— Правда!

— Я вотъ весь день жду свободной минуты, — продолжалъ Пьеръ: — но, увы!..

— Помнишь, Фаничка, съ какихъ поръ?

Она посмотрѣла ему въ глаза и снова потупилась.

— Нѣтъ, Фаничка, ты очень жестока.

Она повернула руль. Лодка стала описывать полукругъ. Городъ былъ совсѣмъ близко — рукой подать. Виднѣлись купальни.

— Ты вѣдь имянинникъ завтра? — спросила Фаничка. — Завтра Петра и Павла! Знаешь что, Пьеръ? — Поѣдемъ на хуторъ. Будетъ пирогъ, шампанское... Поѣдемъ?

— Вдвоемъ?..

— Нѣтъ, всей компаніей... Они хорошіе люди... Тамъ вѣдь не то, что въ лодкѣ... Увѣряю, тамъ просторно... Домикъ, роща...

Пьеръ взглянулъ ей въ глаза. Зрачки ихъ встрѣтились. Онъ улыбнулся.

— Идетъ! — сказалъ онъ.

— Господа!.. — крикнула Фаничка, и затѣмъ пригласила гостей на имянины своего жениха, объявивъ, что если кто не пожелаетъ идти пѣшкомъ, — до хутора шесть верстъ, — можетъ взять извозчика на ея счетъ.

— Ладно! — пробасилъ кто-то.

Уключины затрещали. Это гребцы сдѣлали послѣднее усиліе и пустили лодку. Пристань и берегъ бѣжали на-встрѣчу. Изъ купаленъ несся крикъ женщинъ и дѣтей. Поодаль голыя тѣла барахтались

въ водѣ, то и дѣло соскальзывая съ мокрыхъ, фыркающихъ лошадей. Вода пѣнилась. Вотъ лодка ударилась въ пристань, кто-то схватилъ ее за носъ — и молодые люди одинъ за другимъ вышли по зыбкимъ мосткамъ на берегъ.

— Итакъ, завтра пиръ на весь міръ! — весело сказала Фаничка, прощаясь со всѣми и садясь на извозчичьи дрожки. Она спѣшила въ гастрономическую лавку и къ кондитеру, чтобъ сдѣлать заказы.

XXX

На другой день Пьеръ всталъ въ одиннадцать часовъ, одѣлся въ холстъ — по дачному, послалъ къ Фаничкѣ въ помощь сестру и только-что самъ хотѣлъ ѣхать, какъ вошелъ ливрейный лакей и почтительно подалъ письмо отъ Клавдіи Аполлосовны.

Она приглашала его »пожаловать« къ

ней сегодня, на пять минутъ, »для необходимыхъ переговоровъ«, въ два часа.

Онъ немного струсилъ. Въ послѣднее время Пьеръ пропускалъ уроки.

Онъ отпустилъ лакея и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, подумалъ: »какъ это все не кстати«.

И однако ему очень захотѣлось къ Клавдіи Аполлосовнѣ. Надо было, во что бы то ни стало, быть у ней ровно въ два часа. Фаничка разсердится, что онъ поздно явится, но — что же дѣлать? »Нѣтъ, да и не разсердится«, сообразилъ онъ и опять зашагалъ по комнатѣ. Обѣдъ и пирогъ едва-ли поспѣютъ раньше четырехъ; а въ четыре ужь онъ непремѣнно будетъ на хуторѣ. Пьеръ успокоился, переодѣлся, договорилъ на цѣлый день извозчика и въ назначенный срокъ велѣлъ доложить о себѣ Клавдіи Аполлосовнѣ.

Она не вышла къ нему, а велѣла сказать, чтобъ онъ шелъ прямо къ ней, въ будуаръ. Лакей указалъ ему, куда идти.

Въ будуарѣ было темновато отъ тропической зелени и драпировокъ, и, среди

сѣрыхъ атласныхъ диванчиковъ съ голубой отдѣлкой, креселъ, пуфовъ, козетокъ, зеркалъ въ фарфоровыхъ рамахъ, фарфоровыхъ столиковъ и этажерокъ Пьеръ едва разглядѣлъ Клавдію Аполлосовну.

Она лежала на кушеткѣ, въ блузѣ мягкаго, свѣтлаго цвѣта, съ темными бантами, и, сказала, не протягивая ему руки:

— Вы довольны вашимъ урокомъ?

Онъ подумалъ: — »что за пріемъ и что за вопросъ?« Клавдія Аполлосовна никогда еще не говорила съ нимъ такъ высокомѣрно.

— Д-да... — сказалъ онъ.

— Это вѣдь хорошій урокъ?

— Д-да...

— Надѣюсь.

Клавдія Аполлосовна замѣтила, что онъ ищетъ глазами на чемъ сѣсть.

— Сядьте, сказала она.

Она все лежала на кушеткѣ, и въ этой позѣ, свободной и даже красивой, но слишкомъ домашней, сказывалось что-то презрительное, низводящее его на одинъ уровень съ вещами, которыхъ вѣдь ни-

кто не стѣсняется. Пьеръ первый разъ былъ въ будуарѣ знатной дамы и такъ взволновался, что не смѣлъ поднять на нее глазъ; а когда поднялъ, то встрѣтилъ ледяной взглядъ, отъ котораго сердце его странно забилось.

— Я ѣду завтра или послѣ завтра въ Біарриць, — начала Клавдія Аполлосовна. — Ученикъ вашъ ѣдетъ со мной...

Она помахала себѣ въ лицо вѣеромъ и искоса взглянула на Пьера.

Онъ замѣтилъ этотъ косой взглядъ и сообразилъ, что Клавдія Аполлосовна готовитъ ему какой-то сюрпризъ. Всегда нуждаясь въ деньгахъ, онъ подумалъ, что, уѣзжая, она хочетъ заплатить ему за все лѣто, можетъ быть, по сентябрь включительно. Но сейчасъ же подумалъ: »нѣтъ, тутъ что-то другое«...

— Хотѣли бы вы удержать за собой урокъ? — спросила Клавдія Аполлосовна.

— То-есть... — промолвилъ онъ, робѣя, и подумалъ: »такъ вотъ что! Неужели ѣхать за-границу?«

— Ну, да, — сказала она, угадавъ его мысль.

Онъ вздрогнулъ. Онъ вспомнилъ балъ, вальсъ, взглянулъ на Клавдію Аполлосовну, и голова его закружилась.

— На долго?

— До самой глубокой осени...

Клавдія Аполлосовна опять изъ-за вѣера посмотрѣла на него.

— Съ удовольствіемъ, Клавдія Аполлосовна!

Клавдія Аполлосовна чуть-чуть улыбнулась.

— Вы будете получать по двѣсти рублей въ мѣсяцъ, кромѣ путевыхъ расходовъ...

Онъ покраснѣлъ. Разныя мысли приходили ему. Перспектива являлась радужная. Надежда мелькнула, что тамъ, за-границей, пожалуй, и романъ выйдетъ у него съ этой вотъ неприступной и надменной барыней, на которую и обидѣться даже нельзя — такъ она величественна и такъ она царственна сегодня. Вспомнилъ онъ о Фаничкѣ. Жениться

на ней все равно теперь нельзя, а когда еще минетъ срокъ траура? Какъ разъ къ зимѣ. До тѣхъ поръ вѣдь надо-жь ему жить, надо трудиться, зарабатывать деньги. Неужели это преступленіе?

Между тѣмъ молчаніе, наступившее послѣ словъ Клавдіи Аполлосовны, длилось минуты двѣ и было прервана ею же. Она сказала, помахивая вѣеромъ:

— Но это не все...

И опять замолчала. Должно быть, ее стѣснялъ русскій языкъ, потому что, вспомнивъ разговоръ съ Пьеромъ во время кадрили, она начала по-французски:

— А вы готовы... меня во всемъ слушаться?

Пьеръ почтительно поклонился.

— Eh bien, je vais vous mettre à l'èpreuve... произнесла Клавдія Аполлосовна, краснѣя. Ее злило, что она конфузится, какъ мѣщанка, и что молодой человѣкъ, конечно, видитъ ея смущеніе.

— Подойдите сюда! — сказала она со смѣхомъ. — Садитесь!

Она указала ему глазами на кушетку.

Во взглядѣ ея теперь уже не было холода, а что-то горячее, тревожное. Пьеръ почувствовалъ, что сходитъ съ ума. Дрожь пробѣжала у него по тѣлу. И когда онъ сѣлъ, то зубы его стучали.

— Вы женитесь? — тихо спросила Клавдія Аполлосовна.

— Я хотѣлъ...

— На этой... на Фаничкѣ?..

— Да...

— Вы не женитесь на ней!

Онъ молчалъ.

— Дайте слово!

Пьеръ умиралъ отъ счастья. Что за Фаничка? Какая Фаничка? Вотъ тутъ, сейчасъ, возлѣ него, дышетъ гибкій станъ красавицы, недоступной, какъ божество — и этотъ станъ будетъ покоренъ ему...

XXXI

Пьеръ уѣхалъ отъ Черемисовыхъ въ шесть часовъ. Въ карманѣ у него лежало

триста рублей, и онъ расплатился съ портнымъ и другими кредиторами помельче, а въ еврейскихъ лавкахъ накупилъ необходимыхъ для дальняго путешествія вещей. Онъ не забылъ о Фаничкѣ и о пирогѣ на хуторѣ, но все это казалось ему почти забавнымъ. Онъ стоялъ теперь на какой-то высотѣ неизмѣримой, точно вдругъ открылось, что онъ — ближайшій наслѣдникъ владѣтельнаго князя. Пирогъ — »вѣроятно, скверный« — могли съѣсть и безъ него; да къ тому же, все равно, надо вѣдь разорвать съ Фаничкой. Долго не чувствовалъ онъ никакихъ угрызеній, даже самъ поѣхалъ къ Лоскотинымъ часовъ въ восемь повидаться съ Фаничкой и все объяснить ей. Онъ былъ убѣжденъ, что она пойметъ его, и если искренно любитъ, то не станетъ упрекать.

Въ передней онъ встрѣтилъ горничную и узналъ отъ нея, что Фаничка только-что возвратилась и сидитъ въ бесѣдкѣ.

Онъ спросилъ трусливо:

— Что жь она?... Здорова?..

— Здорова, а только *чегось* плакали. —

*

— Чего? Не знаешь?.. Ты не ѣздила съ нею?

— Ѣздила... Да все васъ ждали! — Ждали васъ, ждали... Только *вже* пять часовъ... Только *вже* и шесть... »Кушайте!« говорятъ гостямъ, а сами не кушаютъ. Ну, гости — что имъ? — допались до пирога, ничего не оставили... Такъто!..

— Ахъ, Боже мой! — проговорилъ Пьеръ. — Такой случай со мной вышелъ... Милочка, на, вотъ тебѣ рубликъ — не говори, что я пріѣзжалъ... Пріѣду завтра...

Онъ бросился на улицу и полетѣлъ домой, гдѣ засталъ Машу.

Онъ объяснилъ ей, въ чемъ дѣло, и горячо просилъ ее быть посредницей. Но та поблѣднѣла и отказалась.

— Пьеръ, — это тяжело. Ахъ, Пьеръ! Ты, можетъ быть, многаго хочешь... Пьеръ, неужели Фаничка мѣшаетъ?

Онъ нервно махнулъ рукой и, взявъ сестру за плечи, сказалъ выразительнымъ шепотомъ, приблизивъ къ ней лицо:

— Ты знаешь, Маша, я не могу любить никого...

— Почему, Пьеръ?

— Не могу — у меня связь...

— Съ кѣмъ? — воскликнула Маша боязливо.

— Съ Клавдіей Аполлосовной... — произнесъ онъ почти неслышно и серьезно, и значительно глядѣлъ на сестру въ теченіе нѣсколькихъ секундъ, пока въ сосѣдней комнатѣ, за дверями, не раздалось хихиканье Линина... Тогда Пьеръ повернулся и вышелъ, сердито хлопнувъ дверью.

Онъ рѣшилъ написать Фаничкѣ письмо и послать его съ своимъ извозчикомъ... Онъ спѣшилъ, нервничалъ и письмо написалъ коротенькое и грубое.

XXXII

Фаничка, которой горничная передала уже о Пьерѣ и о томъ, что съ нимъ »вышелъ случай«, — и которая хотѣла уже идти къ Лининой, чтобъ узнать, что это

за случай, получила письмо на террассѣ, гдѣ сидѣла въ креслахъ покойной maman и мучилась. Письмо прибавило муки; оно испугало ее, еще не будучи прочитано. Адресъ былъ какой-то необычайный: »Ея Высокородію, Феофаніи Павловнѣ Лоскотиной, въ собственныя руки. *Отвѣта ненадо*«. Почеркъ, несомнѣнно, Пьера. Сердце Фанички билось тревожно, и она цѣлый часъ проносила письмо въ карманѣ, не вскрывая его. Казалось, что въ письмѣ какой-то ядъ, и ей хотѣлось отдалить роковую минуту.

Стало темнѣть. Мэри такъ вела домъ, чтобъ въ немъ хоть сколько-нибудь чувствовался порядокъ, заведенный Ниной Сергѣвной. Чай, какъ и прежде, продолжали пить на террасѣ, при свѣчахъ. Фаничка перешла въ гостиную и легла на диванъ; отъ чаю отказалась. Мэри сидѣла къ ней спиной, въ рамѣ открытыхъ дверей, и казалась ей въ высшей степени унылой фигурой. Иногда она ненавидѣла ее за то, что у ней такая спина и что она такъ неподвижно сидитъ, точно мертвая. Между

тѣмъ письмо, лежавшее въ карманѣ, то влекло ее къ себѣ, то отталкивало; наконецъ она вынула его. Въ темнотѣ оно было не такое страшное. Отъ него пахло духами. — »Какіе это духи! Должно быть, миль-флеръ«. Она тихонько сорвала конвертъ; развернула твердую почтовую бумагу. Пальцы ея дрожали. Она помѣстила письмо въ полоску свѣта на диванѣ и стала со страхомъ читать, напрягая зрѣніе. Въ ушахъ у нея звенѣло, въ вискахъ стучало.

На столѣ, передъ Мэри, стоялъ стаканъ молока и лежалъ ломтикъ чернаго хлѣба. Чаю она все не пила и стала уже отвыкать отъ него. Она думала о Ливѣ, которая, вѣроятно, одна въ состояніи повліять на Фаничку. Расточительность Фанички злила ее. Сама она не издержала на себя еще ни гроша, а вотъ сегодняшній пирогъ Фанички обошелся въ двадцать два рубля. Она знала, что все это устраивалось для Пьера, но онъ не пріѣхалъ. Ей было и жаль Фаничку, и въ то же время хотѣлось, чтобъ Пьеръ никогда ужъ

больше не видѣлся съ Фаничкой. — »Ей слѣдуетъ прогнать его, поссориться,« — думала она.

Она услышала стонъ, болѣзненный, всхлипывающій. Мэри тревожно прислушалась. Черезъ секунду стонъ повторился, и кто-то глухо зарыдалъ — всею грудью. Мэри бросилась въ гостиную, къ дивану. Не было сомнѣнія, рыдала Фаничка.

— Что съ тобой, Фаничка, дорогая? — вскрикнула она, обнявъ въ темнотѣ сестру и забывъ мгновенно всѣ непріятности, какія въ послѣднее время накопились между ними, но догадываясь, изъ-за чего эти слезы.

Фаничка не отвѣчала и еще сильнѣе стала рыдать. Сочувствіе Мэри, ея поцѣлуи и ласковый шепотъ убѣдили ее, что въ самомъ дѣлѣ скорбь ея неизмѣримо велика. Она поймала руку сестры и прижала ее къ груди.

— Мэри, Мэри! — промолвила наконецъ она. — Посмотри, какое письмо прислалъ мнѣ этотъ человѣкъ!..

Ей теперь надо было друга, искрен-

няго и сострадательнаго, чтобъ излиться передъ нимъ; иначе, слезамъ ея не будетъ конца.

Она привстала на диванѣ и обняла Мэри, пряча въ ея волосахъ мокрое лицо.

— Голубочка, Мэри! — прошептала она. — Прости меня за все!

— Что ты, Фаничка... Забудемъ...

— Забудемъ, Мэри. Ахъ, Мэри! Ты знаешь... Я ревновала къ тебѣ!

— Ну, вотъ, оставь Фаничка!..

Фаничка продолжала:

— Стоитъ ли онъ этого?.. Ты — милая, хорошая, а я ревновала!

— Оставь, Фаничка. — Что же онъ тебѣ написалъ?

Рыданія Фанички усилились. Она подала сестрѣ скомканное письмо и сказала:

— Прочти... Прочти!

Чѣмъ болѣе убѣждалась Мэри въ разрывѣ Фанички съ Пьеромъ, тѣмъ сильнѣе жалѣла ее. Но когда она принесла свѣчку и прочитала его письмо, такъ что разрывъ сдѣлался для нея фактомъ очевиднымъ и несомнѣннымъ, жалость ея къ

сестрѣ достигла высшей степени. Мэри сама заплакала и крѣпко обняла Фаничку, осыпавъ ее горячими поцѣлуями. Фаничка голосила, но уже горе ея, благодаря теплому участію сестры, не казалось ей такимъ громаднымъ, какъ въ началѣ, и ей захотѣлось, мало-по-малу, разсказать Мэри *все*. И она разсказала. Но, разсказавши, очень удивилась, что почти утѣшилась и не можетъ больше плакать. — »Мэри, конечно, подумаетъ, что я безсердечная«, — сказала она себѣ, но все-таки не въ состояніи была плакать. Напротивъ, разочекъ даже улыбнулась. Только у Мэри отъ времени до времени текли изъ глазъ слезы, хотя лицо у ней сіяло кротостью, и взглядъ былъ любовенъ и нѣженъ. Никогда она, — со дня послѣдняго свиданія съ Лизой, — не была еще такой прекрасной, и брови ея совсѣмъ не хмурились...

Сестры легли спать вмѣстѣ. Онѣ не могли разстаться. На кровати maman было просторно, и онѣ вспомнили, какъ въ дѣтствѣ у нихъ тоже была общая постель.

Фаничка утѣшилась окончательно. Она ругала Пьера и утверждала, что у него совершенно круглый ротъ.

— Знаешь, это мнѣ никогда не нравилось, — сказала она, устремляя глаза на ярко-горѣвшую лампадку.

Потомъ замѣтила:

— Какъ глупо устроенъ человѣкъ! Любовь! Ну, зачѣмъ это, право?..

Помолчавъ, она произнесла:

— Мэри, ты помнишь, на балу со мной все говорилъ такой брюнетъ. Мнѣ кажется, онъ милый... Ужъ получше Пьера! Ну, и литераторъ!.. Вотъ фамилію забыла... Онъ просилъ позволенія пріѣхать къ намъ, но, вѣрно, эта катастрофа помѣшала...

Она вздохнула.

— Ты знаешь, я боюсь? — начала она опять.

— Чего?

— Что, если онъ изобразитъ меня? Вдругъ читаешь повѣсть, а тамъ хвать — я...

Мэри промолчала.

— Непріятно, — пояснила Фаничка

задумчиво. — А впрочемъ пусть! — сказала она. — На мнѣ было прехорошенькое платье!.. Нельзя же безъ платья описать. — Я всегда платья описываю, — проговорилась она и, съежившись подъ одѣяломъ, замолчала.

— Какъ описываешь? — спросила Мэри и обняла ее.

Фаничка стала хохотать, держа руки у лица.

— Вотъ такъ-такъ! — воскликнула она. — Отличилась! Ну, что дѣлать, Мэри — я тебѣ признаюсь: я постоянно пишу...

— Стихи?

— Нѣтъ, теперь ужь не въ модѣ... Да и трудно... Начала одну поэму — и бросила... Я пишу, Мэри, повѣсти, романы...

— Фаничка! — вскричала радостно Мэри: — въ самомъ дѣлѣ?

— Честное слово!.. Вотъ я тебѣ скажу названіе, — начала Фаничка, припоминая. — »Роковое объясненіе«, повѣсть — разъ. — Она загнула палецъ на лѣвой рукѣ. — »Которая изъ двухъ«, повѣсть — два. — Она опять загнула палецъ. — »Пла-

тоническая любовь«, романъ — три... А теперь вотъ сейчасъ задумала драму: »Черное сердце«.

Она сказала это и заплакала. Мэри гладила ее по щекѣ, цѣловала и просила успокоиться.

— Фаничка! — промолвила она: — прочти мнѣ что-нибудь...

Фаничка закрыла глаза и потрясла головой.

— Ни за что, ни за что! — кричала она. — Это я все уничтожу... Да и ничего нѣтъ оконченнаго... наброски... Вотъ развѣ »Черное сердце« кончу...

И она опять заплакала, и опять стала утѣшать ее Мэри.

Но настало наконецъ время, когда обѣимъ сестрамъ захотѣлось спать. Онѣ устали и отъ слезъ, и отъ разговоровъ и задремали.

XXXIII

Гдѣ это звенитъ?.. Не въ ушахъ-ли? — вдругъ разомъ подумали дѣвушки. Онѣ лежали неподвижно, потому что боялись потревожить одна другую и чутко прислушивались. Этотъ звонъ почему-то безпокоилъ ихъ. Сначала онъ былъ слышенъ чуть-чуть, но все росъ, пронизывая ночную тишину своимъ мѣрнымъ »динь-динь«... Онъ ужь близко. Ясно, что это почтовый колокольчикъ. Мэри слегка подняла голову; слегка подняла голову Фаничка. »Динь-динь«, »динь-динь«, »динь-динь«... Звонокъ какой-то не то унылый, не то радостный. Онъ всегда наводитъ на размышленія. Хочется узнать: кто это ѣдетъ? Куда? И почему-то сочувствуешь и завидуешь этому безвѣстному путнику. И иногда вздохнешь. »Динь-динь-динь-динь« загремѣлъ колокольчикъ у самыхъ воротъ, внезапно замолкъ, и послышалось фырканье лошадей и людской говоръ. Дѣвушки разомъ вскочили съ постели и тревожно

улыбнулись другъ дружкѣ. Онѣ недоумѣвали, кто бы могъ пріѣхать къ нимъ.

— Арендаторъ — предположила Фаничка.

— Можетъ быть, — сказала Мэри.

Но обѣ не вѣрили, что это арендаторъ.

Калитку между тѣмь отворилъ дворникъ, угрюмо ворча, и въ голубомъ сумракѣ лунной ночи показалась стройная женская фигура въ темномъ.

Дворникъ сталъ что-то говорить ей, но торопливо сбросилъ шапку, низко поклонился и кинулся къ воротамъ отпирать...

— Лиза! — крикнули тутъ обѣ дѣвушки и, въ рубашкахъ, едва успѣвъ зажечь свѣчу, побѣжали въ переднюю. Онѣ отворили дверь, и только вошла Лиза, какъ дружно обняли ее и стали цѣловать съ крикомъ и смѣхомъ. Ихъ радость была неизъяснима. И имъ казалось, что это пріѣхала къ нимъ новая maman, молодая, прелестная, которая никогда ужь не покинетъ ихъ...

Январь 1882.

РОДИНА

Молодой человѣкъ вышелъ изъ вагона на маленькой станціи курско-кіевской дороги и пошелъ пѣшкомъ по проселку, обрамленному съ обѣихъ сторонъ низкорослымъ дубнякомъ.

Стоялъ іюнь, былъ теплый вечеръ. Небо еще горѣло на западѣ, янтарное, съ огнистыми струйками, и облака алѣли, медленно тая въ раскаленной лазури. Но уже подымались вечернія тѣни, и, гдѣ дубнякъ рѣдѣлъ, надъ лѣсными прогалинами чуть-чуть клубился туманъ, прозрачный и легкій.

Молодой человѣкъ шелъ по знакомой неровной дорогѣ скорымъ шагомъ, потому что ему хотѣлось поскорѣе быть у цѣли — дома, куда онъ не показывался болѣе трехъ лѣтъ. Онъ разсчитывалъ, что пріѣдетъ

завтра, но ошибся — въ Москвѣ не вышло никакой задержки, знакомыхъ своихъ онъ тамъ не засталъ, хоть и очень не прочь былъ провести съ ними денекъ — и такимъ образомъ выигралъ сутки. Лошадей должны были выслать ему на станцію только завтра. Онъ и пошелъ пѣшкомъ. До хутора всего шесть верстъ; а за вещами можно послать Микиту Москаля чуть-свѣтъ.

Сердце молодаго человѣка крѣпко билось. Воздухъ родины опьянялъ его. Послѣ петербургской мостовой этотъ кривой проселочный путь съ глубокими колеями радовалъ его глазъ. И этотъ низенькій лѣсокъ-»чагернякъ«, разстилающійся спокойнымъ зеленымъ моремъ, съ одной стороны, до полотна желѣзной дороги, а съ другой — вплоть до хуторскихъ тополей, темнѣющихъ на горизонтѣ, былъ такъ неизмѣримо пріятнѣе столичныхъ скверовъ, тѣсныхъ, душныхъ, казенныхъ. Тишина, царящая вокругъ, успокоительно дѣйствуетъ на душу... Вотъ, правда, взвизгнулъ уходящій поѣздъ, но рѣзкій звукъ и потонулъ въ этой ти-

шинѣ, отъ которой молодой человѣкъ уже отвыкъ среди вѣчнаго гула и гама огромнаго города...

Волненіе его усиливалось. Ему стыдно было, что онъ такъ втянулся въ Петербургъ и даже началъ жить его жизнью, и забылъ объ этомъ уголкѣ, скромномъ, почти дикомъ, но дорогомъ его сердцу...

Въ умѣ его встали образы родныхъ, близкихъ, знакомыхъ. И хоть онъ проникнутъ былъ радостью возвращенія подъ родимый кровъ, гдѣ протекли золотые годы его юности, но на глаза навернулись слезы... Все-таки онъ какой-то отщепенецъ. Рознь между нимъ и окружающими и тогда была велика, а теперь должна быть еще больше.

Онъ вздохнулъ.

Онъ шелъ такъ скоро и такъ велико было его возбужденіе, что когда въ просвѣтахъ кустарника мелькнулъ хуторской плетень, онъ вздрогнулъ и съ недоумѣніемъ глянулъ по сторонамъ.

— Куда это я забрелъ? спросилъ онъ себя.

Но онъ увидѣлъ почернѣвшую соломенную крышу.

— Вотъ оно, гнѣздышко родное! прошепталъ онъ и облокотился на плетень.

Онъ усталъ, и грудь его дышала напряженно. Ему захотѣлось увидѣть издали кого-нибудь: мать или сестренку, или Наденьку, или хоть Микиту Москаля; ему казалось, что это было-бы величайшимъ счастіемъ.

Но никто не показывался. Хуторъ точно заснулъ. Сумракъ сгущался, выростали тѣни, расползаясь между кустами, небо, сѣро-лиловое на горизонтѣ, линія котораго мягко тушевалась, нависло надъ землей дымчато-синимъ сводомъ.

Молодому человѣку надоѣло ждать. Онъ перелѣзъ черезъ плетень, прошелъ огородомъ и проникъ въ садъ, большой и хорошій, гдѣ пахло акаціей и розами.

Тутъ что ни шагъ, то воспоминанія. Они вдругъ всплываютъ передъ нимъ со всѣхъ сторонъ, толпятся, забѣгаютъ впередъ и то вспыхнутъ яркими образами, то погаснутъ, чтобъ уступить мѣсто дру-

*

гимъ такимъ-же мимолетнымъ призракамъ...

Вотъ липа, подъ которой онъ, будучи шестнадцати-лѣтнимъ юношей, мечталъ бывало, со слезами на глазахъ, о томъ, какъ онъ будетъ стоять за »человѣческія права« и какъ надо перестроить нравственность на новыхъ началахъ, чтобъ всѣ уважали другъ-друга и любили и чтобъ никому не было жутко отъ этой нравственности. Подъ этой-же липой спорилъ онъ съ покойнымъ отцомъ о женскомъ вопросѣ, и тотъ, истощивъ аргументы въ защиту своей мысли, схватилъ его за вихры.

Теперь молодой человѣкъ улыбнулся надъ тогдашними своими идеалами. Они не потускнѣли для него, но кажутся непрактичными. По крайней мѣрѣ, до самой этой минуты казались такими. Сфера его дѣятельности уже, чѣмъ онъ разсчитывалъ. Онъ живописецъ, написалъ картину на золотую медаль. Самъ Лагоріо похвалилъ его. Въ одномъ заграничномъ художественномъ журналѣ посвятили ему нѣсколь-

ко строкъ. Онъ весь ушелъ въ краски, онѣ точно музыкальные звуки для него, и въ душѣ его вѣчно слагаются въ гармоническія сочетанія прямыя и сферическія линіи, свѣта и тѣни, и онъ творитъ въ себѣ самомъ цѣлыя художественныя поэмы, счастливый тѣмъ, что по временамъ живетъ и дышетъ своими созданіями, любуется *своею* природою, *своимъ* небомъ, *своимъ* солнцемъ...

Онъ повернулъ направо, въ каштановую аллею, и ему опять припомнилась Наденька.

Какъ живая, стоитъ передъ нимъ эта дѣвушка, съ черными искрящимися глазами, здоровымъ румянцемъ во всю щеку, съ бѣлыми зубками, откровеннымъ смѣхомъ, стройная, высокая. Въ этой аллеѣ у него вышелъ романъ съ ней. Давно это было — лѣтъ пять назадъ — а ничто не изгладилось у него изъ памяти. Онъ какъ теперь видитъ.

Былъ ясный весенній день. Сквозная зелень деревьевъ мягко вырѣзывалась на ослѣпительной лазури, и солнечный свѣтъ

разсыпался по листьямъ и землѣ золотыми пятнами, а тѣни зыблились прозрачныя и пестрыя. Теплый душистый вѣтеръ ласково дулъ. Щебетали птицы, кружились бабочки, пчелы пронизывали воздухъ...

Наденькѣ минуло тогда семнадцать лѣтъ. Онъ выросъ вмѣстѣ съ ней и былъ старше ея на два года. Она, сиротой, поступила къ нимъ въ домъ, и старики относились къ ней, какъ къ родной дочери, дали ей образованіе. Наденькѣ онъ говорилъ сначала »ты«, и они были точно братъ и сестра, но потомъ, когда они выросли, имъ становилось иногда неловко отъ этого »ты«. По выходѣ ея изъ пансіона они рѣшительно перешли на »вы«.

Когда-же они встрѣчались неожиданно и оставались одни, то умолкали и краснѣли...

Вотъ и тогда, въ тотъ день, въ этой каштановой аллеѣ, встрѣтивъ его, Наденька сильно покраснѣла. На ней было ситцевое платье, черный люстриновый передникъ и гладкіе воротнички, а въ густыхъ во-

лосахъ, цвѣта вороньяго крыла, бѣлѣлись розы. Хоть она была стройна, но плечи держала слишкомъ прямо, и это придавало ей чуть-чуть сутуловатый видъ. Зардѣвшись, она молча поровнялась съ нимъ, а онъ, чувствуя, какъ прыгаетъ въ груди его сердце, осмѣлился пойти съ ней, рѣшившись вдругъ что-то сказать. Но слова не сходили съ языка.

Такъ они шли долго. Вышли изъ сада въ поле, прошлись дубнякомъ, побывали у Великой Хмары — озера, гдѣ синѣла холодная вода и кричали чайки, пошли назадъ и взялись уже за руки, а когда снова очутились въ каштановой аллеѣ, то губы ихъ, точно сами собой, слились въ горячемъ поцѣлуѣ...

Ни онъ, ни она не сказали ни слова.

Таковъ былъ его нехитрый романъ съ Наденькой или, лучше сказать, завязка романа, который длился еще два года — до отъѣзда его въ Петербургъ. Много блаженныхъ минутъ выпало на его долю. Застѣнчивость Наденьки скоро прошла.

Молодая жизнь кипѣла ключемъ, страсть не знала преградъ...

Онъ довѣрилъ ей все, что лежало у него на душѣ, а она жадно слушала, когда онъ высказывалъ ей свои вѣрованія и надежды, и мечтала съ нимъ. И хоть она, какъ ему казалось, не все понимаетъ такъ, какъ онъ, но зато относится къ его мечтамъ теплѣе его самого...

Бывало, и спорили они. Онъ былъ слишкомъ »общечеловѣкъ«, а у ней всегда дрожала въ груди патріотическая струнка... Теперь, когда онъ вернулся на родину и усталъ отъ петербургской сутолоки, и любовно вдыхалъ въ себя воздухъ хуторскаго сада, ему показалось, что Наденька была права. Ему страстно захотѣлось жить и состарѣться среди этой природы, среди этой мирной обстановки, гдѣ все такъ радушно встрѣчаетъ его, какъ стараго знакомаго, напоминая ему о быломъ... Въ ушахъ прозвучали родные полузабытые мотивы, слова родной рѣчи...

Но вотъ непріятное воспоминаніе. Оно дунуло на него холодомъ.

Осень сорвала съ сада листья, зима обсыпала деревья пушистыми хлопьями. Въ аллеяхъ снѣгъ лежалъ толстыми слоями. Днемъ на него больно было смотрѣть — такой онъ былъ ослѣпительный. По ночамъ мракъ отъ него становился бѣлесоватымъ. Все было въ снѣгу — дворъ, лѣсъ, дубнякъ; и домъ, казалось, кряхтѣлъ, какъ старикъ, подъ ношей своего бѣло-серебрянаго покрывала.

Мать вставала рано и съ утра возилась съ рабочими, доставлявшими муку съ вѣтряной мельницы. Сестренка громко зубрила катехизисъ, играла гаммы или что-нибудь шила. Наденька читала. Но видно было, что чтеніе мало занимаетъ ее. Изрѣдка она поднимала голову и бросала пытливый взглядъ на молодого человѣка. Давно ужъ она хочетъ ему что-то сказать — это ясно. Но что именно? Онъ догадывается, и ему дѣлается неловко. Все одно и то-же; надоѣлъ ему хуторъ, и всѣ его обитатели надоѣли; знаетъ онъ, что они думаютъ, и не понимаетъ, какъ они могутъ мучить его своими разговорами. Ему

скучно съ ними, тоска беретъ его глядѣть на ихъ привѣтливыя ласковыя лица. Вдали, гдѣ-то за предѣлами этихъ бѣлыхъ снѣжныхъ дней, мерещится ему другая жизнь, яркая, какъ лѣтній пейзажъ. Тамъ онъ не будетъ чувствовать себя лишнимъ. Тамъ найдется для него дѣло. Кто знаетъ — можетъ быть, тамъ ждетъ его слава, въ сравненіи съ которой что значитъ любовь этой бѣдной Наденьки, всѣмъ пожертвовавшей для него?.. Ахъ, зачѣмъ она сдѣлала это, зачѣмъ! Теперь это злитъ его, терзаетъ. И до того манитъ его къ себѣ плѣнительная даль, и до того разростается его тоска по той невѣдомой жизни, что ему кажется, что онъ уже разлюбилъ Наденьку, да и никогда не любилъ...

Выдался особенно пасмурный день. Ему нездоровилось, и онъ сидѣлъ за мольбертомъ въ »мастерской«, какъ называлъ онъ свою каморку объ одномъ окнѣ, и лѣниво пачкалъ красками. Написалъ сначала лѣсъ, потомъ деревню, все опять соскоблилъ ножикомъ и началъ набрасывать жен-

скую фигурку. Вошла Наденька. Онъ разсѣянно взглянулъ на нее. Она кутала-сь въ теплый платокъ и ежила плечи, хотя не было холодно. Глаза ея искрились, и на губахъ стыла какая-то виноватая улыбка. »Рѣшительно, хочетъ что-то сказать«, подумалъ онъ и разозлился.

— Что тебѣ надо?

Она испугалась и молча сѣла возлѣ него, съ глазами, въ которыхъ блеснули слезы. Онъ отвернулся.

— Ты не поговоришь со мною? спросила она.

— Я? вскричалъ онъ съ удивленіемъ и гнѣвомъ.

Но, сдержавъ себя, онъ произнесъ тише:

— Мнѣ нечего тебѣ сказать. О чемъ намъ говорить?

Она вздрогнула. Присутствіе ея раздражало его, и онъ бросалъ на полотно краски комками. Наденька казалась ему тогда олицетвореніемъ совѣсти, и каждый вздохъ ея болѣзненно отдавался въ его груди. Въ пытливыхъ взглядахъ, полныхъ

недоумѣнія и опасливаго чувства, онъ читалъ упрекъ.

— »Это надо кончить, сказалъ онъ себѣ: — и бѣжать отсюда — сегодня-же!«

Молчаніе между тѣмъ длилось цѣлый часъ. Онъ догадывался, что дѣлается въ сердцѣ Наденьки, но такъ былъ занятъ своею тоскою, что у него тогда не нашлось для дѣвушки ни одного теплаго слова. А къ ней вернулась прежняя застѣнчивость, можетъ быть, съ примѣсью ужаса, тайнаго предчувствія близкой развязки ея романа...

И развязка, дѣйствительно, послѣдовала скоро. Молча началась ихъ любовь, молча и кончилась. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ...

Теперь ему больно и стыдно стало... Никогда еще не было такъ стыдно! Кровь бросилась въ лицо. Онъ замедлилъ шаги и хотя находился совсѣмъ въ виду дома, бѣлыя стѣны котораго до половины утопали въ зелени жасминовъ, однако чуть не вернулся назадъ...

Но радость возвращенія на родину пе-

ресилила въ немъ стыдъ. Еще минута, и онъ дома. Встрѣча съ Наденькой выйдетъ, конечно, холодная. Но онъ объяснится — онъ все разскажетъ ей, исповѣдается ей во всемъ и, можетъ быть, она проститъ его.

— Проститъ-ли?...

Сердце его еще разъ сильно забилось, когда онъ, наклонившись подъ низко нависшей вѣткой старой яблони, вышелъ на площадку передъ террасой.

Тамъ на ступенькѣ сидѣла Наденька, въ неподвижной, задумчивой позѣ.

Онъ вскрикнулъ. Она обернулась, узнала его, не смотря на сумракъ, и тоже вскрикнула.

. . . . . .

Она простила его.

Февраль, 1882.

СТАРЫЙ САДЪ

По холмистой мѣстности пролегаетъ полотно желѣзной дороги въ пяти верстахъ отъ деревни Козловки. Дороги не видно: мѣшаетъ видѣть густой лѣсъ. Но то и дѣло громыхаютъ поѣзда и стонутъ свистки паровоза, словно въ лѣсной чащѣ кричитъ, пролетая, какая-то гигантская птица. Жители Козловки давно ужь свыклись съ этимъ могучимъ крикомъ; и такъ приспособились къ чугункѣ, что безъ нея, кажется, не могли бы существовать. Всѣ они извощики. Ежедневно, утромъ, въ полдень и вечеромъ, изъ всѣхъ тринадцати дворовъ Козловки выѣзжаютъ разнообразные экипажи — тарантасы, линейки, тележки. Кожа на тарантасахъ полопавшаяся; тамъ, гдѣ слѣдуетъ быть желѣзнымъ скрѣпамъ — бичевки, скрученныя

въ хитрые узлы; а линейки выклеены внутри обоями, вмѣсто сукна. Лошади мохнатыя, пѣгія и буланыя, но сытыя. И сами козловцы хоть не представительный народъ, но не голодный. Это сразу видно по ихъ веселымъ глазамъ. Зипуны и армяки на нихъ цѣлые, сапоги тоже, рубахи розовыя или красныя, на выпускъ. Парни помоложе — при часахъ. Проселочная дорога змѣйкой уползаетъ въ лѣсъ; и, проѣзжая по ней, сейчасъ за деревней, направо, гдѣ зеленѣетъ обширный лугъ, козловцы каждый разъ имѣютъ возможность любоваться своимъ стадомъ, состоящимъ изъ коровъ и овецъ. Пробовали они и свиней завести, но свиньи въ здѣшнихъ мѣстахъ звѣрь рѣдкій — распугали коровъ, и рѣшено было свиней не держать. Къ тому же, кормá свиньи дороги: мука, картофель. А у козловцевъ земля скверная, хлѣба не родитъ. Они все принуждены покупать на станціи, у кулака Агѣича. Козловцы уже нѣсколько лѣтъ, какъ перестали вести обычную мужицкую жизнь. И хлѣбъ у нихъ не

родится нетолько отъ того, что земля безплодная, но и отъ того, что они его давно не сѣютъ. На станціи они покупаютъ говядину, сахаръ, чай, керосинъ, французскія булки, вино. Чугунка оторвала ихъ отъ земли, дала имъ болѣе легкіе и пріятные заработки, познакомила съ комфортомъ. И вотъ они выѣзжаютъ въ своихъ дребезжащихъ экипажахъ, на встрѣчу цивилизаціи, глазѣютъ на пеструю публику, закусывающую въ вокзалѣ, перебиваютъ другъ у друга сѣдоковъ, какихъ-нибудь дачниковъ или купцовъ, отправляющихся на богомолье въ ближайшій монастырь — и каждый день привозятъ домой если не рублевку, то двѣ-три новости. Незамѣтно складываются новые обычаи, новые порядки. Крошечная деревня становится крошечнымъ городомъ. Алексѣй Иванычъ выстраиваетъ избу на манеръ купеческаго дома — съ залой и со стеклянной галлереей. Романъ Пучеглазый пріобрѣтаетъ полдюжины вѣнскихъ стульевъ. Сергѣй Ильинъ надѣваетъ черныя узенькія брюки и бѣлый пиджакъ.

Василій Михайловъ привозитъ дочерямъ по серебряному медальону съ цѣпочкой. А жена Прокофія Рогожина, у которой подъ глазомъ страшный чернобагровый подтекъ, носитъ браслеты. Никто еще не думаетъ покидать деревню. Заработки недурны, и каждый годъ бываютъ хорошія травы. Молока и масла вволю, ѣдятъ говядину, куръ, яйца, чай пьютъ два раза въ день, и когда случаются общественныя деньги, то пропиваютъ всѣмъ міромъ. Пьютъ и на свои. Но недовольства уже много. Цивилизація манитъ къ себѣ. Хотѣлось бы »торговлишкой« заняться, либо такъ »чѣмъ-нибудь«, поприбыльнѣе. Завидуютъ Агѣичу. Завидуютъ всѣмъ проѣзжимъ. И когда стонетъ свистокъ паровоза, у многихъ отъ нетерпѣнія сжимается сердце. Лѣсъ стоитъ хмурый, вѣчно-зеленый. Это, можетъ быть, послѣдняя преграда, отдѣляющая предпріимчивыхъ козловцевъ отъ цивилизаціи, которая, къ худу ли, къ добру ли, ужь отравила ихъ.

Однажды вечеромъ, обычнымъ поряд-

комъ, выѣхали козловцы на станцію. Небо потухало, и голубой сумракъ окутывалъ даль, деревья и дома; на западѣ меркла янтарно-розовая полоса, кидая блѣдно-кровавый отсвѣтъ на облака, скучившіяся на востокѣ. Пастухъ Ефимъ, старый пьяница, гналъ скотъ домой. Пестрыя и черныя коровы шли каждая въ свой дворъ, но овцы безтолково метались по единственной улицѣ Козловки, и дѣти, вооруженныя прутьями, съ хохотомъ гнались за ними, собаки лаяли. Хозяйки приготовлялись доить коровъ, а дѣвки — водить хороводъ. Козловскія дѣвки некрасивы, но стройны, дородны, одѣваются нарядно. Онѣ встали въ кружокъ, тамъ, гдѣ улица расширяется въ площадку, противъ барской усадьбы, и пробуютъ голоса, обмѣниваясь улыбками. Поодаль, парни, свои и изъ сосѣднихъ деревень, въ красныхъ рубахахъ на выпускъ, скрыпятъ гармониками. Густо разросшаяся изгородь изъ акацій скрываетъ усадьбу, и изъ-за нея таинственно глядятъ гигантскіе серебристые тополи и могучія сосны.

Усадьба угрюма и молчалива, какъ кладбище.

Когда козловцы возвратились, хороводъ былъ въ разгарѣ. Голоса визгливо звенѣли въ душистомъ майскомъ воздухѣ. Темное небо было усѣяно звѣздами. Тарантасъ Алексѣя Иваныча лихо подкатилъ къ барской усадьбѣ и скрылся за изгородью. Дочь Алексѣя Иваныча, Саша, первая узнала, что пріѣхалъ молодой баринъ Уствольскій, котораго мальчикомъ вывезли отсюда; онъ двадцать три года не бывалъ въ родномъ гнѣздѣ. Вслѣдъ за Сашей тогда же объ этомъ узнала вся деревня.

Уствольскій вылѣзъ изъ тарантаса, остановившагося передъ крыльцомъ большого деревяннаго дома, съ мезониномъ и вышкой. Дворъ густо заросъ. Гдѣ были клумбы, тамъ чернѣютъ безпорядочныя массы зелени. Въ темно-синемъ воздухѣ лѣтней ночи стоятъ громадныя деревья; они обступаютъ домъ со всѣхъ сторонъ. Что-то привѣтливое чудится Уствольскому въ нѣмой неподвижности этихъ гигантовъ. Но ставни въ домѣ, со стороны двора, за-

крыты. Домъ, окутанный ночнымъ сумракомъ, точно нахмурился на пришельца. Онъ пустъ, заброшенъ, вымеръ. И сердце Уствольскаго болѣзненно сжалось. Было время, когда, пріѣзжая въ Козловку изъ Москвы, изъ пансіона, онъ встрѣчалъ не такой пріемъ. Собаки радостно кидались къ нему на грудь. Старикъ Сысойка выходилъ съ фонаремъ на крыльцо и свѣтилъ. Лицо у него было небритое, угрюмое, но глаза ласковые. Въ переднюю выбѣгали сестры, съ крикомъ, сердившимъ ихъ гувернантку, чопорную мадамъ Эрцманъ. При входѣ въ залу, мать обнимала сына. Накрывали столъ, механическія масляныя лампы ярко горѣли, слуги съ ласковой улыбкой посматривали на барчука. Сестры любовались имъ, распрашивали, даже мадамъ Эрцманъ обращала къ нему нѣсколько благосклонныхъ фразъ...

— Алексѣй Иванычъ, развѣ Василій Михайловъ моего письма не получалъ? спросилъ Уствольскій, отгоняя воспоминанія дѣтства и переходя къ дѣйствительности, которая была, во всякомъ случаѣ,

непріятна: Василій Михайловъ, его прикащикъ, очевидно, не ждалъ барина, и двери были нетолько заперты, но и забиты шелевками, какъ удостовѣрился Уствольскій.

— Должно, не получалъ, отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ. — Эхъ, намъ бы писемцо прислали! Саша моя — дочь отъ первой жены — большая граматница, всей деревнѣ письма читаетъ... Граматныхъ, правда, у насъ много, но только читать по писанному не обучены... А Саша-то въ школѣ два года была. Купецъ тутъ, Егоръ Иванычъ Возжальниковъ — онъ вамъ извѣстенъ — школу открылъ. Много благодѣяній дѣлаетъ. Больницу также, аптеку — все на свой счетъ. Ну, и самъ, слава Богу, живетъ въ свое удовольствіе... Озера у него не было — на ваше позавидовалъ и себѣ вырылъ. Островъ теперь среди озера. Каждый день туда ѣздитъ на кораблике, и шампанское съ супругой пьютъ. Обстоятельный человѣкъ!

Алексѣй Иванычъ говорилъ не торопясь, спокойнымъ голосомъ, поглаживая бороду;

и это спокойствіе раздражило Уствольскаго.

— Богъ съ нимъ, съ Возжальниковымъ! сказалъ онъ. — Тутъ, главное, Василій Михайловъ... Сбѣгайте къ нему, пожалуйста!

— Да Василія Михайлова нѣтъ, отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ. — Поѣхалъ съ богомольцами... Рублей двадцать, пожалуй, зашибетъ. Богомольцы все купцы, и монастырь велелѣпный... Егоръ Иванычъ Возжальниковъ тоже и на монастырь пожертвовалъ... Куполъ теперь золоченый, красота... Егоръ Иванычъ хотѣлъ и ограду поставить, да настоятель говоритъ: лучше, говоритъ...

— Оставимъ, другъ мой, Возжальникова! вскричалъ нетерпѣливо Уствольскій. И затѣмъ прибавилъ: — Какъ же быть!

Алексѣй Иванычъ развелъ руками и молчалъ. Тамъ, гдѣ стояли лошади, иногда отрывисто побрякивалъ колокольчикъ. Пристяжная фыркала въ темнотѣ и старалась издали обнюхать Уствольскаго, пу-

гливо навостряя уши. Хоровая пѣсня, замолкшая было, снова зазвенѣла, унылая и однообразная.

— Что-же, снять доски, что ли? сказалъ Уствольскій.

— Доски? переспросилъ Алексѣй Иванычъ.

— Ну да! Что за народъ! нервно крикнулъ Уствольскій. — Сорви доски да засвѣти огонь — вотъ и все! Мнѣ больше ничего не надо!

— Сейчасъ.

Алексѣй Иванычъ пошелъ со двора. Послышался его голосъ:

— Саша-а! А Саша-а! Саша! Кому я говорю!?

Хоръ снова смолкъ.

Алексѣй Иванычъ о чемъ-то поговорилъ съ дочерью и исчезъ минутъ на десять, показавшихся Уствольскому часомъ. Наконецъ, блеснулъ огонь, освѣтивъ изгородь, изъ мрака выдѣлились кусты разросшейся сирени, съ сквозною листвой, легкой, какъ черное кружево. Лучи красноватаго свѣта упали на могучія вѣтви

серебристыхъ тополей, покровительственно протянувшіяся надъ дворомъ и домомъ, и на бѣлыя доски, которыми были заколочены двери. Уствольскій увидѣлъ фонарь, сіявшій вдали яркой звѣздой. Черныя тѣни выросли отъ лошадей, повернувшихъ къ свѣту головы, блеснули мѣдныя части сбруи и латунныя пуговицы на кожаномъ чемоданѣ. Подошелъ дряхлый старикъ, съ краснымъ лицомъ и бѣленькой, какъ снѣгъ, бородкой. Онъ былъ въ пестрядиной рубахѣ, рваномъ, на роспашку, тулупчикѣ и высокой поярковой шляпѣ. Свѣтлые глаза его пугливо смотрѣли на Уствольскаго.

— Кого надоть? спросилъ онъ глухимъ шамкающимъ голосомъ.

— А Алексѣй Иванычъ гдѣ? спросилъ, въ свою очередь, Уствольскій.

— Тебѣ на что?

— Да тебѣ какое дѣло? крикнулъ Уствольскій. — Ступай, скажи ему, чтобы скорѣй приходилъ... Оставь фонарь!

— Зачѣмъ?

— Скажи, какъ тебя зовутъ? началъ

Уствольскій, подавляя чувство досады. — Не Созонъ Горохъ?

Старикъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на барина.

— Созонъ Горохъ.

— Что-жь, ты меня ужь забылъ? спросилъ Уствольскій съ улыбкой. — Помнишь, какъ ты мнѣ въ озерѣ щуку ловилъ...

— А! проговорилъ старикъ, и въ глазахъ его сверкнула мысль.

— Жива до сихъ поръ!

— Кто? Щука?

— Жива, жива! продолжалъ старикъ съ увлеченіемъ. — Большая, подъ плотиной гнѣздо свила... Сѣда-а-я!

Онъ помоталъ головой.

— Что-жь, ты меня узналъ?

Старикъ внимательно посмотрѣлъ на Уствольскаго и сказалъ:

— Баринъ Сережа.

— Ну, такъ вотъ, дѣдушка, ступай къ Алексѣю Иванычу... началъ ласково Уствольскій.

Но тутъ показался и Алексѣй Иванычъ

съ Сашей. Лучъ свѣта отразился въ топорѣ, который Алексѣй Иванычъ несъ въ рукѣ. Увидѣвъ, что Созонъ Горохъ разговариваетъ съ бариномъ, онъ нѣсколько ускорилъ шагъ и, подойдя, сказалъ:

— Старикъ-то васъ призналъ...

— Призналъ, произнесъ Уствольскій, искоса бросивъ взглядъ на дѣвушку, высокую и стройную, въ платочкѣ, въ красномъ платьѣ.

Она поклонилась ему и сказала красивымъ груднымъ голосомъ: »здравствуйте«; онъ отвѣтилъ на поклонъ.

— Срывайте доски!

Алексѣй Иванычъ подложилъ топоръ, и шелевки затрещали. Вскорѣ двери съ глухимъ шумомъ распахнулись, и въ холодныя угрюмыя сѣни проникъ зыбящійся свѣтъ Созонова фонаря. Слѣдующія внутреннія двери были обиты нѣкогда клеенкой; теперь отъ обивки осталось только нѣсколько кусковъ. Видъ былъ жалкій, и Уствольскій задалъ себѣ вопросъ, можно ли еще жить въ домѣ и

провести въ немъ хоть лѣтніе мѣсяцы. Въ особенности на печальныя размышленія наводила стѣна съ обвалившейся штукатуркой и съ грязными слѣдами дождевыхъ потоковъ.

Уствольскій, входя въ переднюю или »лакейскую«, какъ она называлась когда-то, посмотрѣлъ на Сашу. Она тоже вскинула на него глаза на секунду, и онъ замѣтилъ, что глаза у ней небольшіе, но яркіе, какъ звѣздочки, и черные.

— Саша, сказалъ Алексѣй Иванычъ строго: — помоги-ка... чемоданъ-то этотъ... Дѣдушка, посвѣти барину!

Въ »лакейской«, гдѣ долго жилъ Сысойка, казалось, слышался еще запахъ, который былъ свойственъ этому престарѣлому служителю. Вотъ и ларь, на которомъ онъ спалъ.

Уствольскій вошелъ въ комнату направо. Двери скрыпнули, Созонъ перекрестился и пробормоталъ: »Господи, Іисусе Христе!« Это была маленькая комнатка съ высокимъ потолкомъ. Уствольскій когда-то занималъ ее. Взявъ фо-

нарь у старика, онъ сталъ свѣтить самъ. Ничто, повидимому, не измѣнилось. Тѣ же стулья краснаго дерева съ жесткими сидѣньями, тотъ же садовый рѣшетчатый диванчикъ, столъ, на которомъ, сквозь слой пыли, виднѣются чернильныя пятна, занавѣски съ китайцами, удящими рыбу, и фантастическими цвѣтоносными деревьями, и только вездѣ отстали обои. Въ каминѣ уголья покрыты пылью. Зеркало не отражаетъ предметовъ. На висячей этажеркѣ пустая бутылка и нѣсколько книгъ— учебниковъ, въ углу дряхлыя ширмы.

Уствольскій вздохнулъ. Двадцать три года! Онъ вспомнилъ себя мальчикомъ, хохотавшимъ въ этой самой комнатѣ надъ »Донъ-Кихотомъ«, или рисовавшимъ цвѣты для сестеръ и мадамъ Эрцманъ, зубрившимъ французскую грамматику или важно сочинявшимъ письма къ дядѣ. Онъ былъ тогда бѣлокурый, краснощекій мальчишка. Теперь ему тридцать семь лѣтъ, волоса жидкіе, щеки блѣдныя, впалыя, больная грудь. Онъ сѣлъ и съ тоской смотрѣлъ на ширмы. Полно, онъ ли это?

Нѣтъ ли кого нибудь за ширмами, не спитъ ли тамъ богатырскимъ сномъ прежній счастливый Сережа, и вообще вся жизнь его не сонъ ли?

Но Алексѣй Иванычъ и Саша внесли чемоданъ, и мысли Уствольскаго должны были принять другой оборотъ. Онъ подумалъ, что надо поскорѣй какъ-нибудь устроиться: распаковать чемоданъ, вынуть постельное бѣлье, принять порошки, измѣрить температуру, да попросить затопить каминъ. Хорошо было бы достать молока, выпить горячаго чаю съ коньякомъ, чего-нибудь съѣсть мясного. Онъ сказалъ объ этомъ Алексѣю Иванычу.

— Все будетъ, Сергѣй Никонычъ! отвѣчалъ тотъ, поглаживая свою черную съ легкой просѣдью бороду. — Саша! строго крикнулъ онъ. — Смотри у меня! — Онъ погрозилъ ей пальцемъ и, обращаясь къ Уствольскому, продолжалъ: — въ страхѣ Божіемъ содержу. Дѣвка — золотыя руки! Она сейчасъ уберетъ, чтобы все какъ слѣдуетъ быть. Коровки ваши у Василія Михайлова попадали, Сергѣй Никонычъ...

Такъ, Господь вѣдаетъ отъ чего! И шкуръ никто не видѣлъ. Василій Михайловъ ловкій человѣкъ — о! Телята еще отъ нихъ оставались... А куда дѣлись? Поѣлъ? Мы не господа, чтобъ телятину ѣсть! Василій Михайловъ пусть вамъ отчетъ дастъ, Сергѣй Никонычъ... Однѣхъ травъ рублей на пятьсотъ ежегодно... Вы потребуйте... стррого!!

Пока говорилъ Алексѣй Иванычъ, Саша, по просьбѣ Уствольскаго, раздвинула ширмы, смахнула пыль съ складного матраца, вставила въ бутылку свѣчу, принесенную съ собой. Дѣдушка Созонъ пошелъ куда-то и вскорѣ вернулся съ охапкой валежника.

— Покойная ваша матушка, царствіе ей небесное, продолжалъ Алексѣй Иванычъ, съ набожной медлительностью возводя очи къ потолку: — никогда не жаловала Василія Михайлова. Мужикъ онъ былъ дерзкій и даже на руку нечистъ. Объ немъ и Егоръ Ивановичъ Возжальниковъ говоритъ: »Ой, говоритъ, погляжу я на этого Василія Михайлова и всего меня

воротитъ... Шапка у него, говоритъ, къ головѣ больно приросла«! Право, такъ. А ужь начто человѣкъ Егоръ Иванычъ!

— Пожалуйста, милая, отомкните чемоданъ! произнесъ Уствольскій, подавая Сашѣ ключи. — Да еслибъ погребецъ принести...

Алексѣй Иванычъ продолжалъ:

— Конечно, вы въ Петербургѣ да Одессѣ живши — гдѣ-жъ вамъ знать Василія Михайлова... И какъ онъ, по своей природной ловкости, очень даже забавно васъ обвелъ. Письмо написалъ, и вы сейчасъ ему полное довѣріе.

Алексѣй Иванычъ иронически улыбнулся и тряхнулъ кудрями.

— Есть у васъ вѣрные слуги и кромѣ Василія Михайлова! продолжалъ онъ, прищуривъ глаза. — Покойная барыня, Лизавета Марковна, говаривала мнѣ: »Охъ, Алексѣй Иванычъ, вы теперь вольные стали, зазнались, горюшка вамъ мало, что у помѣщицы горницы неметеныя! Что одна она, сиротинушка, безъ слугъ, безъ куфарки (куфарку онѣ тогда ото-

слали); что, говорятъ, скучно мнѣ, тошно мнѣ! Одинъ ты только вѣрный человѣкъ, Алексѣй Иванычъ, и сынъ мой ненагляднный тебя не оставитъ. А покамѣсть, вотъ тебѣ около моей барской усадьбы махонькій клочокъ землицы, стройся и живи благополучно!« И такого рода благодѣянія ни въ жизнь я не забуду и вѣчно останусь признательный вашъ!

Онъ поклонился и опять возвелъ глаза къ небу.

— Саша! грозно крикнулъ онъ на дѣвушку, вынимавшую вмѣстѣ съ Уствольскимъ изъ погребца стаканы: — служи имъ вѣрой и правдой, какъ я самъ служу и по гробъ готовъ служить! Такіе господа рѣдки! Не тѣ времена!

Онъ съ увлеченіемъ вздохнулъ.

Уствольскій чувствовалъ себя довольно неловко отъ рѣчей Алексѣя Иваныча; онъ не думалъ, что, двадцать лѣтъ спустя послѣ освобожденія крестьянъ, можетъ сохраниться въ мужицкомъ сердцѣ столько преданности къ захудалому потомку упраздненныхъ и давно вымершихъ помѣщиковъ, ко-

торымъ — кстати припомнилъ онъ тутъ — принадлежала нѣкогда не только Козловка, но и многія окрестныя деревни — Лаптево, Балашово, Каменка, Александровское, пріобрѣтенныя въ свое время купцами Возжальниковыми. Онъ полагалъ, что теперь, благодаря цивилизаціи и новымъ порядкамъ, крестьянинъ гордъ, въ особенности, если онъ зажиточенъ, подобно Алексѣю Иванычу. Ему нѣтъ резона ползать передъ бывшимъ помѣщикомъ, который, пожалуй, и трехъ рублей на водку не въ состояніи дать.

Уствольскій подозрительно посматривалъ на Алексѣя Иваныча. Присутствіе этого черноволосаго хитраго мужика, лѣниво помахивающаго рукой, въ то время, какъ онъ, усталый и больной, мечется по комнатѣ, хватая то стаканъ, то одѣяло, то полотенце, вывело бы его, въ концѣ концовъ, изъ себя, еслибы не Саша. Эта дѣвушка молча прислуживала, и видъ ея красиваго бѣлаго лица съ мелкими чертами и нѣсколько вздернутымъ носомъ успокоивалъ его.

— Принесли бы вы молока, да воды... сказалъ онъ ей.

Алексѣй Иванычъ на нее даже слегка притопнулъ, какъ будто она безъ этого не послушается. Саша, опустивъ глаза, ушла.

— Что-жъ, баринъ, къ намъ надолго? спросилъ Алексѣй Иванычъ.

— На лѣто.

— А потомъ?

— Поѣду въ Петербургъ. Что вы не садитесь? Каминъ начинаетъ дымить... Дѣдушка, поправьте полѣно... Алексѣй Иванычъ садитесь!

— Зачѣмъ садиться? Мужики — постоимъ! отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ съ поклономъ. — Какже вы съ Василіемъ Михайловымъ? Перво-на-перво отчетъ? Аль по старому?

Уствольскій махнулъ рукой.

— По старому!

Отъ Василія Михайлова онъ, живя на югѣ — гдѣ служилъ — и затѣмъ въ Петербургѣ, получалъ по временамъ длинныя письма, съ приложеніемъ ста или

даже пятидесяти рублей, совершенно непонятныя, трактующія о волѣ Божіей, людской несправедливости и кончающіяся всегда такъ: »Ваша покорнейшея слуга Василій Михаіолофъ«. Имѣніе, которое состояло изъ тысячи десятинъ, едва приносило ему четыреста рублей въ годъ, да и то неаккуратно. Но онъ всегда какъ-то совѣстился, что онъ собственникъ, хотя и не имѣлъ духа устраниться отъ собственности и сквозь пальцы смотрѣлъ на, страннымъ образомъ составленные, отчеты Василія Михайлова, гдѣ значилось: »на отопленіе гаспотцково дома 20 ру. За парупку дрофъ 5 ру. А исчо за очиску гаспотцково лѣсу 5 ру; да жалованя Васйлю Михаіолову 120 ру.« и т. д. Четыреста рублей, которые Уствольскій получалъ, казались ему падающими съ неба. И, зная, что земля безплодная, онъ удивлялся способностямъ Василія Михайлова извлекать изъ нея такой сравнительно высокій доходъ. Но, по мнѣнію Алексѣя Иваныча, доходъ могъ быть вдвое больше.

— Какъ же по старому, Сергѣй Нико-

нычъ? вскричалъ онъ, покраснѣвъ отъ досады, но силясь улыбнуться. — Онъ васъ раззорилъ... а вы »по старому!« Теперь — гдѣ стадо? Это не то, чтобы одна какая корова или двѣ, или тамъ волъ, чтобъ имъ законный предѣлъ жизни наступилъ и баста! Стадо было большое — гдѣ оно? Падежей, благодареніе Богу, у насъ не было... Вонъ у Егора Иваныча Возжальникова изъ ста головъ произошло триста... Потому что всякое стадо приплодъ даетъ! А ваши коровки гдѣ? Ась?

Уствольскій съ тоской посмотрѣлъ на Алексѣя Иваныча.

— И нетолько вредный человѣкъ онъ для вашей милости, но и своего же брата, крестьянъ, тѣснитъ, продолжалъ Алексѣй Иванычъ. — Какъ я ужь вамъ докладывалъ, покойная матушка ваша, Лизавета Марковна, царствіе ей небесное! благоволила ко мнѣ и сдѣлала мнѣ даръ... И вотъ теперь на той землѣ построилъ я новую избу. А онъ, негодный человѣкъ, споритъ и хочетъ меня съ мѣста согнать... Покажи, говоритъ, крѣпость...

Да зачѣмъ мнѣ крѣпость, ежели сама барыня такъ рѣшила и увѣрила меня, что безпокойства отнюдь не будетъ... »Ненаглядный сынъ мой, говоритъ бывало, исполнитъ мою родительскую волю, послѣ моей кончины! Сергѣй Никонычъ, будьте отцомъ роднымъ! Батюшка!

Уствольскому стало совсѣмъ неловко, онъ поспѣшилъ успокоить Алексѣя Иваныча.

— Я рѣшительно не понимаю, въ чемъ дѣло, началъ онъ — но я разберу. Пріѣдетъ Василій Михайловъ, я спрошу у него. Конечно, вы, должно быть, правы!

Но въ душѣ онъ подумалъ, что Алексѣй Иванычъ мошенникъ. И чѣмъ глубже убѣждался онъ въ этомъ изъ дальнѣйшаго разговора, тѣмъ застѣнчивѣе становился.

Созонъ растопилъ каминъ. Пламя огненными струями переливалось между сучьевъ, которые быстро сгорали. Синіе и бѣлые огни шумно дрожали на красномъ остовѣ пылающихъ дровъ, и теплота распространилась по комнатѣ. Сначала

дымило, потому-что труба засорилась, но потомъ установилась тяга, и легкій запахъ дыма заглушилъ запахъ сырости, такъ-что комната уже казалась не такой пустынной и заброшенной. Красноватый свѣтъ зыблился на стѣнѣ, вмѣстѣ съ огромнымъ чернымъ силуэтомъ Созона, сидѣвшаго передъ каминомъ на корточкахъ и съ тупой улыбкой смотрѣвшаго на огонь.

Уствольскій вздохнулъ съ большимъ облегченіемъ, когда Алексѣй Иванычъ, услышавъ, что лошади нетерпѣливо потрясаютъ сбруей, вышелъ, чтобъ отвести ихъ домой и распречь. Но онъ былъ такъ обязателенъ, что изъявилъ намѣреніе вернуться и поговорить еще о томъ, о семъ. Уствольскій вдругъ нахмурилъ брови и сухо попросилъ его не приходить, потому что усталъ съ дороги. Сердце у него забилось отъ внезапнаго прилива какой-то злобы на Алексѣя Иваныча. Однако, по уходѣ Алексѣя Иваныча, онъ улыбнулся и подумалъ, что это, въ сущности, добродушный и забавный плутъ.

И, подойдя къ Созону, онъ возобновилъ со старикомъ бесѣду о сѣдой щукѣ.

Вошла Саша. Въ одной рукѣ она держала желѣзное ведро съ водой и слегка наклонилась въ эту сторону; въ другой — *синюху* (кувшинъ) молока. Платочекъ, которымъ была покрыта ея голова, распахнулся, и Уствольскій увидѣлъ нетолько все ея лицо, но и шею, бѣлую и высокую. Его пристальные, стеклянистые, сѣро-голубые глаза смутили Сашу. Она покраснѣла, и подъ опущенными рѣсницами сверкнулъ застѣнчивый взглядъ. Она поставила на полъ воду и, наливъ въ стаканъ молока, молча поклонилась барину, приглашая его пить. Онъ залпомъ выпилъ стаканъ и другой, все не спуская глазъ съ дѣвушки. Ему нравилось, что она такая красивая и рослая, съ грудью, которой тѣсно въ платьѣ, съ мускулистыми бѣлыми руками, съ спокойнымъ, свѣжимъ дыханіемъ; его, больного и разбитаго жизнью, невольно влекло смотрѣть на нее; она была воплощеніемъ здоровья и силы.

Она вынула складной самоварчикъ изъ погребца, и Уствольскій показалъ, какъ надо обращаться съ нимъ. Черезъ нѣкоторое время самоварчикъ весело кипѣлъ на столѣ. Саша принесла яицъ, масла, творогу и обѣщала достать завтра цыплятъ.

Наконецъ, она ушла и увела съ собой Созона, которому Уствольскій налилъ предварительно коньяку изъ дорожной фляги. Созонъ былъ веселъ и клялся, что щука живетъ въ озерѣ съ двѣнадцатаго года. Онъ утверждалъ, что на пятьдесятъ копѣекъ можно купить столько толстыхъ нитокъ, что выйдетъ громадная сѣть, въ которую, наконецъ, и поймается рыба. Но, увы! у него нѣтъ денегъ. Баринъ, порывшись лихорадочно въ карманѣ, далъ ему пятьдесятъ копѣекъ.

Оставшись одинъ, Уствольскій долго ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Онъ былъ возбужденъ, но озноба, сверхъ обыкновенія, сегодня не было: температура нормальная. »Пожалуй, начну выздоравливать«, подумалъ онъ съ слабой улыб-

кой. Чувство, которое пробудилось въ немъ, когда онъ только-что вошелъ сюда, стало снова охватывать его. Снова стала болѣть душа, полная сожалѣній о прошломъ. Онъ усталъ ходить и, сѣвъ противъ камина въ кресло, погрузился въ воспоминанія. Не воротишь прежнихъ дней, не исправишь роковыхъ ошибокъ! Ахъ, въ грядущемъ, пожалуй, тѣ же ошибки, та же душевная боль, та же нравственная истома! Онъ заломилъ руки и смотрѣлъ на огонь. Пламя умирало, угли распадались съ какимъ-то звенящимъ шорохомъ. Блѣдно-красный свѣтъ дрожалъ въ комнатѣ и, сливаясь съ черными прозрачными тѣнями, придавалъ ей фантастическую окраску. Уствольскому было тепло; и мало-по-малу лѣнивыя грезы заняли мѣсто сожалѣній. Вѣки сомкнулись — онъ задремалъ.

Ему ничего не снилось — такъ ему казалось. Но онъ видѣлъ ясно, какъ вошла его мать и стала подметать комнату. Она дѣлала это неловко, потому что не привыкла къ такому труду. Она была через-

чуръ высока, въ сѣдыхъ букляхъ и въ синей шали, громадной синей шали, какой у ней никогда не было и конецъ которой, въ видѣ шлейфа, тянулся по полу. Уствольскій молча смотрѣлъ на мать, и его не удивляло ея присутствіе. Но онъ негодовалъ, что она подымаетъ пыль. Пыль становилась гуще и гуще. А отъ исполинской фигуры старухи вѣяло мучительно мертвеннымъ холодомъ. Пыль стала щекотать горло, грудь заболѣла.

Онъ вскочилъ съ кресла, потрясаемый кашлемъ. Каминъ потухъ совершенно. Свѣча догорѣла. Было сумрачно и холодно. Уствольскій взглянулъ на часы, и оказалось, что онъ просидѣлъ въ креслѣ часа три. Онъ принялъ порошокъ, вытеръ со лба холодный потъ. Ему было стыдно, что онъ, какъ ребенокъ, боится подойти къ ширмамъ, гдѣ его ожидала постель, приготовленная Сашей, боится оглянуться назадъ. Наконецъ, онъ преодолѣлъ себя и легъ, погасивъ огарокъ. Но теперь сонъ бѣжалъ отъ него. Онъ смотрѣлъ въ темноту, широко раскрывъ

глаза, прислушиваясь къ глубокому молчанію ночи. Онъ никогда не былъ суевѣренъ, обладалъ познаніями въ естественныхъ наукахъ, былъ убѣжденъ въ нереальности какихъ бы то ни было привидѣній, и тѣмъ не менѣе страхъ терзалъ его. Впрочемъ, это былъ скорѣе страхъ смерти, который часто посѣщалъ его, въ особенности по ночамъ, когда грудная боль вызывала бредъ и жаръ становился такъ силенъ, что глазницы, казалось, наполняются горячимъ пескомъ. Но обычный страхъ этотъ осложнялся сегодня еще какими-то неопредѣленными ожиданіями. Ему стало казаться, что раздаются звуки фортепіано: онъ даже разслышалъ, что это экзерсисы Черни. Онѣ мучительно однообразно звенятъ среди напряженной тишины... Уствольскій приподнялся на локтяхъ.

Онъ вспомнилъ сестеръ своихъ, Глашеньку и Зину. Эти экзерсисы онѣ когда-то играли, между тѣмъ, какъ мадамъ Эрцманъ хмурила брови и считала тактъ своей костлявой рукой. Бѣдныя дѣвушки!

Какія онѣ были красивыя, добрыя, веселыя и какая страшная судьба постигла ихъ! Глашенька, гдѣ ты!? Зина, мученица!..

У него слезы навернулись, онъ плакалъ, а экзерсизы продолжали звенѣть. Это кровь шумитъ, это жилы бьютъ въ ушахъ, онъ это знаетъ и все-таки слушаетъ, невольно воображая, что играютъ въ залѣ.

И ему стало совѣстно, что, вернувшись домой, послѣ двадцати-трехлѣтняго отсутствія, онъ сейчасъ же не пошелъ и не осмотрѣлъ всѣхъ комнатъ, гдѣ родились и жили его близкіе, гдѣ умерли отецъ, мать. Этотъ дряхлый домъ — точно кладбище.

Онъ торопливо всталъ, натянулъ сапоги, пальто и зажегъ свѣчу.

Фортепьянные звуки раздавались все громче. Трата-та-та-та-та-та... Тра-та-та-та-та-та... Что за странная галлюцинація!?

Уствольскій улыбнулся и вышелъ въ переднюю. Вскорѣ ему пришла мысль,

что это вдали идетъ поѣздъ — такъ тупо и глухо раздавались теперь странные звуки. Когда онъ отворилъ дверь въ залу, ничего не было уже слышно.

Онъ ободрился. Пахнуло сыростью, но онъ не закашлялся.

Комната была громадная, въ восемь большихъ оконъ, изъ которыхъ виднѣлся черный садъ. Длинный овальный столъ краснаго дерева на безчисленныхъ ножкахъ стоялъ въ сторонѣ, окруженный стульями. На стѣнахъ тускло блестѣли бронзовыя изломанныя бра. Фортепьяно было открыто. Уствольскій искоса посмотрѣлъ на него. Толстый слой пыли покрывалъ клавиши.

Онъ подошелъ и ударилъ по клавишамъ. Но клавиши отсырѣли, подавались съ трудомъ, и порванныя струны хрипло прозвучали какую-то нескладицу.

Уствольскій поникъ головой. Ему хотѣлось бы теперь галлюцинацій. Но ихъ не было, и печальная дѣйствительность терзала его.

Въ гостиной изъ всей обстановки со-

хранилось только большое екатерининское зеркало въ раззолоченной рамѣ. Паркетъ испортился. Изъ ниши высокой изразцовой печи смотрѣлъ побѣдоносно бронзовый Александръ Македонскій, точно ангелъ-истребитель.

Уствольскій прошелъ еще нѣсколько комнатъ. Вездѣ разрушеніе, вездѣ смерть. Въ спальнѣ матери, однако, уцѣлѣлъ даже пологъ надъ постелью. Уствольскій не имѣлъ мужества отдернуть его. Уцѣлѣли также фарфоровыя вещицы на туалетѣ, и въ щели, возлѣ умывальнаго столика, онъ замѣтилъ пучекъ сѣдыхъ, сильно запылившихся волосъ, которые мать, по странному суевѣрію, никогда не выбрасывала, а тщательно снимала съ гребешка или щетки, скатывала въ клубочки и прятала, гдѣ придется.

Въ дѣвичьей, низенькой длинной комнатѣ, онъ увидѣлъ гладильную доску, лежавшую на стульяхъ. И ему вспомнился одинъ весенній день, когда солнце только-что поднялось, и въ отворенныя окна вливался золотой теплый свѣтъ, вмѣстѣ

съ благоуханіемъ пробудившагося послѣ зимней спячки сада. Горничныя, Марѳуша и Параша, хлопотали около батистовыхъ платьицъ барышенъ, нетерпѣливо ожидавшихъ ихъ на своихъ антресоляхъ, а онъ — тогда двѣнадцатилѣтній мальчикъ — понукалъ Марѳушу и Парашу, потому что ему тоже не терпѣлось: онъ долженъ былъ везти сестеръ въ церковь, въ Балашово. Повременамъ, онъ занималъ мѣсто на козлахъ, рядомъ съ кучеромъ, и разсуждалъ съ нимъ, какъ взрослый, о достоинствахъ и недостаткахъ лошадей, а въ окна, сверху, смотрѣли Зина и Глашенька, удивляясь, что онъ такой большой и такой серьезный. Наконецъ, платьица готовы. Дѣвочки вышли сіяющія, свѣжія, въ новенькихъ соломенныхъ шляпкахъ и одинаковыхъ сѣренькихъ бурнусикахъ. Мадамъ Эрцманъ сѣла въ коляску, съ самымъ строгимъ видомъ. Онъ молодцовато подобралъ возжи, крикнулъ какъ-то необыкновенно, басомъ, отчего Зина и Глашенька пришли въ восторгъ и залились мелкимъ сдержаннымъ смѣхомъ,

и лошади помчались. На крыльцѣ стояла мать, и полное лицо ея улыбалось.

Вотъ лѣстница, по которой такъ часто бѣгали Зина и Глашенька. Онъ поднялся по ней. Комната мадамъ Эрцманъ выходитъ окнами въ садъ. Тутъ стекла разбиты. Этажерка криво виситъ на стѣнѣ. Въ углу образокъ, забытый гувернанткой. Онъ помнитъ этотъ образокъ.

Въ комнату Глашеньки и Зины Уствольскій вошелъ послѣ долгаго колебанія. Ему было тяжело, какая-то протяжная скорбь наполнила его душу. Прежде, это была очень хорошенькая уютная спаленка. На окнахъ ея висѣли каленкоровыя занавѣски. Кровати стояли по обѣимъ сторонамъ бабушкиныхъ клавесинъ, превращенныхъ дѣвочками въ жилье для куколъ. По вечерамъ, онъ часто приходилъ къ нимъ. Всѣ садились въ кружокъ, около печки, которая весело трещала, озаряя бѣлокурыя головки. Мадамъ Эрцманъ разсказывала что-нибудь изъ Гофмана и страшно вращала глазами, и потрясала костлявыми пальцами. А дѣти замирали отъ

ужаса и любопытства, блѣднѣли и, когда сказка кончалась, устремляли задумчивый взглядъ на огонь... Теперь — унылое молчаніе, грязная, непривѣтная комната, голыя окна, голыя стѣны. Громадный паукъ, испуганный свѣтомъ, побѣжалъ по клавесинамъ.

Уствольскому хотѣлось взобраться на вышку. Покойный отецъ, котораго онъ почти не помнитъ, просиживалъ тамъ цѣлыя ночи, наблюдая оттуда звѣзды въ плохой телескопъ. Узенькая, покосившаяся лѣсенка ведетъ туда. Стѣны вышки изъ разноцвѣтныхъ оконъ, и многихъ стеколъ нѣтъ. Полъ гніетъ, въ щеляхъ растетъ трава. Открыта дверь на маленькій висячій балкончикъ. Уствольскій остановился на порогѣ и смотрѣлъ въ темное пространство. Верхушки громадныхъ деревьевъ достигли до балкончика. Казалось, деревья дышутъ. Куда ни глянешь — все черныя древесныя массы, точно необозримая толпа какихъ-то фантастическихъисполиновъ мирно расположилась вокругъ умирающаго дряхлаго дома сторожить его покой.

Осмотрѣвъ всѣ закоулки родного гнѣзда, Уствольскій почувствовалъ то, что чувствуетъ человѣкъ, посѣтившій кладбище, гдѣ зарыты дорогіе покойники: долгъ исполненъ, и въ этомъ сознаніи исполненнаго долга есть что-то облегчающее. Онъ спустился по лѣстницамъ въ нижній этажъ.

Вдругъ онъ замѣтилъ, что огарокъ сейчасъ потухнетъ. Бумага уже вспыхнула, пламя запрыгало. Странныя тѣни забѣгали по залѣ, и снова раздались экзерсисы Черни.

Теперь онѣ гремѣли. Онъ остановился и смотрѣлъ на фортепьяно: клавиши неподвижны, но, кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что кто-то играетъ!!. У него волосы встали на головѣ.

Онъ осторожно сталъ пробираться дальше, не оглядываясь по сторонамъ. Холодъ сковывалъ его руки и ноги.

Но вотъ въ одномъ изъ оконъ появилось чье-то лицо, блѣдное, испуганное, въ бородѣ. Уствольскій, при видѣ его, уронилъ свѣчу и потерялъ сознаніе.

На другой день ему было ужасно совѣстно этого случая. Онъ еще лежалъ въ постелѣ, когда къ нему вошелъ высокій, худой мужикъ, въ синемъ пиджакѣ, отрекомендовавшись Василіемъ Михайловымъ. Въ немъ онъ сейчасъ же призналъ лицо, испугавшее его ночью. Василій Михайловъ разсказалъ, что пріѣхалъ изъ монастыря очень поздно и такъ-какъ лошадей своихъ онъ держитъ на барской конюшнѣ, то и пришлось ему проходить мимо дома, когда онъ возвращался къ себѣ черезъ садъ. Увидѣвъ свѣтъ, онъ, естественно, заинтересовался, что бы это такое значило. Письма онъ никакого не получалъ и о пріѣздѣ Сергѣя Никоновича не могъ знать. Такимъ образомъ, онъ самъ испугался, да и Уствольскаго напугалъ. Баринъ слушалъ прикащика, и ему было непріятно, что онъ на первыхъ же порахъ выказалъ себя трусомъ.

Физически онъ чувствовалъ себя сегодня превосходно. Онъ давно не былъ такъ здоровъ. Никакой лихорадки, голова не болитъ, въ ушахъ не стрѣляетъ, кашля нѣтъ;

только легкій насморкъ, по обыкновенію, да между лопатками жженіе. Онъ одѣлся. Василій Михайловъ, вынувъ изъ кармана бумаги, сѣлъ у стола и терпѣливо ждалъ. Уствольскій подошелъ къ нему и спросилъ:

— Ну, какъ наши дѣла?

Василій Михайловъ всталъ, протянулъ барину бумаги и три бѣленькихъ.

Баринъ обрадовался деньгамъ.

— А это отчетность, что ли? спросилъ онъ, пряча бѣленькія.

— Отчетность, Сергѣй Никоновичъ.

Баринъ подумалъ. Онъ вспомнилъ наговоры Алексѣя Иваныча, и ему захотѣлось быть великодушнымъ.

— Я вѣрю вамъ, Василій Михайловъ, сказалъ онъ съ улыбкой. — Можете взять назадъ ваши бумаги. Когда-нибудь объясните на словахъ...

Прикащикъ вскинулъ на барина глаза и не сталъ возражать. Онъ не былъ словоохотливъ.

— Скажите, пожалуста, Василій Михайловъ, что это тутъ съ Алексѣемъ Иванычемъ у васъ?

— На счетъ э... чего-съ? произнесъ прикащикъ. — Ежели на счетъ земли, около пяти десятинъ усадебнаго мѣста, то это меня не касающее...

— То-есть?

— То-есть... э... ежели онъ, значитъ, захватилъ и опирается на дарственную расположенность покойной вашей матушку, то... э... какъ вамъ будетъ угодно...

— Ну, а по вашему, онъ правъ?

— Какъ вамъ будетъ угодно. Меня не касающее.

Уствольскій пожалъ плечами. Бѣлое мучнистое лицо Василія Михайлова, съ низкимъ, выпуклымъ лбомъ и маленькими сонными глазами, выражало что-то тупое, упрямое, себялюбивое. Онъ ни разу не улыбнулся, даже когда баринъ смѣялся. Одѣтъ онъ былъ очень опрятно, можно сказать изысканно, и сѣдѣющіе волосы его были тщательно подстрижены на розовомъ загривкѣ и расчесаны посединѣ.

— Но какъ вы думаете, матушка, дѣйствительно, подарила ему пять десятинъ? спросилъ Уствольскій ласково.

— Сомнѣваюсь.

— Вѣдь это тысячи на полторы?

— Д-да-съ...

— Послушайте, онъ ужъ построился...

— Д-да-съ...

— Какже теперь? Богъ съ нимъ, а? Богъ разсудитъ — не правда-ли! Что ужь тутъ спорить! А?

— Какъ вамъ будетъ угодно.

— Ну, вотъ и отлично. Значитъ, вы согласны и тѣснить его не будете?

— Меня не касающее.

Уствольскій съ нѣкоторой досадой отошелъ отъ угрюмаго прикащика. Онъ подозрѣвалъ, что рѣшеніе его — не тѣснить Алексѣя Иваныча — Василію Михайлову крайне не по нутру. Онъ сталъ ходить по комнатѣ.

— Послушайте, можетъ быть, не надо этого дѣлать?

— Мм... конечно... Ваша воля... По моему — не надо.

— Да, потому что этакъ всю землю у меня растащутъ!..

— Съ удовольствіемъ!..

— Всѣ скажутъ: покойная барыня подарила...

— И Боже мой! Присягнутъ!

— Да, да.

Уствольскій походилъ и на ходу хлебнулъ изъ дорожной фляги.

— Что-жь, однако, какъ съ этимъ быть?

Прикащикъ пожалъ плечами.

— Меня не касающее.

Уствольскій сталъ нервно тереть руки.

— Нельзя ли объ этомъ потомъ поговорить? сказалъ Уствольскій сухо и отрывисто.

— Отчегоже-съ; ваша воля.

— Ну, такъ хорошо. Теперь мнѣ ничего не надо. До свиданія.

Онъ кивнулъ ему головой, и Василій Михайловъ, отвѣтивъ низкимъ поклономъ, ушелъ.

Но въ дверяхъ прикащикъ встрѣтился съ Алексѣемъ Иванычемъ. Оба мрачно посмотрѣли другъ на друга и не обмѣнялись ни однимъ словомъ.

— А, Алексѣй Иванычъ! привѣтливо

произнесъ Уствольскій. Сегодня онъ любилъ его, но вчера терпѣть не могъ. — Молоко есть?

— Сейчасъ Саша несетъ, отвѣчалъ Алексѣй Иванычъ. — И цыплятокъ вашей милости зажарила... Яишенку... Какъ почивать изволили? Какъ здоровье? Сегодня лучше? Климатъ у насъ, точно райскій, живо поправитесь. Сколько дачниковъ, можно сказать, мертвые пріѣзжали, а глядишь — въ недѣлю, въ другую такъ его разнесетъ, что не узнаютъ! Право! А этакому-то соколу не поправиться! Господи! Да мы ежедневно всѣмъ семействомъ молиться станемъ, чтобъ Господь Богъ ниспослалъ вамъ жизнь счастливую, долгую, богатую!

Онъ набожно посмотрѣлъ въ потолокъ. У него были черные съ просѣдью волосы, курчавые на вискахъ и затылкѣ, но гладкіе на темени, красный носъ; обширный станъ его плотно облекала синяя суконная поддевка, застегнутая мѣдными коническими пуговками. Онъ напоминалъ чѣмъ-то попа — можетъ быть, медлитель-

ными движеніями, можетъ быть, глазами. Уствольскій сказалъ:

— Послушайте, я вѣдь одинъ въ домѣ. Кто мнѣ будетъ служить? Ваша дочь? Я буду ей платить... Рублей шесть... Мало? Восемь!.. что вы такъ смотрите? Неужели мало? Десять!

Онъ покраснѣлъ отъ досады.

— Батюшка, Сергѣй Никонычъ! вскричалъ Алексѣй Иванычъ: — что вы, да мы безмездно будемъ служить!.. Мы вашихъ благодѣяній въ жизнь не забудемъ! Да ежели Саша не захочетъ вамъ служить — я ее своими руками убью! Кому-жь и служить! *Мы* ваши холопы!

— Я безмездно не хочу, пробормоталъ баринъ, тронутый искренностью Алексѣя Иваныча. Впрочемъ, онъ не сомнѣвался, что искренность эта скрываетъ за собою нѣкоторый разсчетъ. Но онъ и тому былъ радъ. — Я уже сказалъ, что буду платить...

Алексѣй Иванычъ настаивалъ и, наконецъ, склонилъ Уствольскаго согласиться нетолько на безплатность услугъ Саши, но и на безплатную поставку молока, масла,

цыплятъ. Баринъ растерялся и пожалъ руку мужику.

Послѣ чего начался продолжительный душевный разговоръ о Василіѣ Михайловѣ. Если вѣрить Алексѣю Иванычу, то это ужасный негодяй. Онъ присвоилъ барскихъ лошадей, коровъ, овецъ, барскіе экипажи, посуду, перетаскалъ къ себѣ мебель изъ гостиной и на однихъ травахъ ежегодно наживаетъ, по крайней мѣрѣ, рублей полтораста. Ко всему этому, онъ человѣкъ неуважительный, злой, хамъ. Съ послѣднимъ замѣчаніемъ баринъ молча согласился.

Алексѣй Иванычъ уѣхалъ на станцію, пришла Саша. На ней было платье въ мелкихъ розовыхъ цвѣточкахъ, на головѣ бѣленькій платокъ. Кофточка съ необыкновенно высокой таліей безобразила ея станъ, и коротковатые рукава позволяли видѣть бѣлыя, мощныя руки. Красивое лицо казалось нѣсколько соннымъ, и пухлыя красныя губы неулыбались. Она убрала комнату, подала молоко, приготовила чай, закуску. Баринъ слѣдилъ за ея движені-

ями и молчалъ. Говорить съ ней, казалось, было не о чемъ. По всей вѣроятности, она дура, и гораздо пріятнѣе будетъ смотрѣть на нее, чѣмъ бесѣдовать съ нею. Онъ ѣлъ и все не спускалъ глазъ съ Саши.

Послѣ завтрака онъ рѣшилъ прогуляться. Въ комнату врывался золотой лучъ солнца и разсыпался на стеклѣ посуды и на полу, отражаясь въ зеркалѣ, съ котораго пыль была теперь тщательно стерта Сашей. Блѣдная зелень серебристыхъ тополей трепетала на ясномъ фонѣ майскаго неба. Уствольскій надѣлъ новенькую шляпу, перчатки и вышелъ.

Днемъ его еще больше поразило, до чего заглохъ дворъ. На мѣстѣ клумбъ зеленѣли безпорядочные кусты лебеды. Среди сплошной массы сорныхъ травъ лишь кое-гдѣ бѣлѣли головки цвѣтовъ. Дорога, которая вела отъ воротъ къ подъѣзду, вся заросла. Развѣсистые серебристые тополи, посаженные еще прадѣдомъ Уствольскаго, одни, казалось, остались такими же, какъ и четверть вѣка назадъ. Нельзя было за-

мѣтить сразу, что и они за это время значительно измѣнились, раздвинувъ во всѣ стороны свои вѣтви. А одинъ тополь, самый исполинскій, подъ сѣнью котораго могло бы укрыться все населеніе деревни, слегка треснулъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ главный стволъ раздѣляется на два. Можетъ быть, дряхлый тополь скоро рухнетъ; но и домъ тогда рухнетъ, не выдержавъ его тяжести.

Отъ тополей, раскидывающихся противъ дома, двумя полукругами тянутся по обѣимъ сторонамъ двора зеленыя стѣны мелколистыхъ акацій вплоть до березъ, похожихъ на канделябры — такъ странно когда-то изуродовала ихъ искусная рука садовника. Изъ-за акацій глядятъ высокія липы справа, а слѣва — двѣ-три граціозныя ели. Уствольскій пошелъ направо. Липовая роща растетъ надъ оврагомъ. Деревья, съ тонкими, черными стволами и свѣтлой листвой, тихо шумятъ. Между стволовъ, точно въ рамѣ, виднѣется по ту сторону оврага поле, залитое солнцемъ, а еще дальше лѣсъ, окутанный голубоватымъ

туманомъ. Тутъ, въ этой рощѣ, нѣтъ и никогда не было дорожекъ. Все глухо и дико.

Уствольскій спустился по склону оврага, чтобъ попасть въ кленовую аллею. Онъ не забылъ сада, помнитъ, какъ своеобразно онъ разбитъ. Этотъ громадный садъ расположенъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ. Берегъ оврага занимаютъ домъ, дворъ, службы, липовая роща. Затѣмъ по выпуклому откосу расположены полукружіями кленовая аллея, ближе къ дому — сиреневая, рябиновая, за кленовой еловая, дальше ростутъ сосны, окруженныя бѣлымъ поясомъ громадныхъ березъ. Внизу, въ оврагѣ, зеленѣетъ красивая полянка, тоже окруженная березами, но уже безпорядочно растущими и такими высокими, что многія изъ нихъ вершинами своими касаются подножія верхнихъ аллей. Онѣ тянутся къ свѣту, къ солнцу, а оно стоитъ прямо надъ ними, въ голубомъ небѣ, сыплетъ на нихъ знойные лучи, сверкаетъ въ нѣжной шелковой зелени молодыхъ листьевъ, горитъ и переливается

въ струяхъ холоднаго синяго озера, въ которомъ, какъ въ зеркалѣ, отражается старый садъ. За озеромъ — холмы, лѣсъ безконечная даль.

Уствольскій шелъ по кленовой аллеѣ, и всею грудью вдыхалъ свѣжій, благовонный воздухъ. Пахло душистыми смолами, подъ ногами шуршали прошлогодніе листья, отъ которыхъ также поднимался какой-то тонкій ароматъ. Стволы кленовъ, стройные какъ мачты, мелькали передъ глазами, и между ними, тамъ и сямъ, хмурились темнозеленыя вершины елей, а повыше, надъ свѣтлыми тонкими кленами, словно висѣли легкіе кусты цвѣтущей сирени. Уствольскій былъ счастливъ, что ему принадлежитъ такой садъ.

Несмотря на правильность, съ какою были разбиты по откосу оврага полукружныя аллеи, въ саду не было симетріи, оскорбляющей глазъ. Всѣ аллеи сходились — на самомъ верху горы. Такимъ образомъ, онѣ шли по откосу, какъ завитокъ улитки. Въ центрѣ сада росло самое старое дерево. Оно было старѣе серебристаго

тополя, что во дворѣ. Уствольскій увидѣлъ завѣтное дерево и направился къ нему.

Это была ель, двухвѣковая, но еще могучая, съ развѣсистыми, поникшими вѣтвями, которыя, какъ и стволъ, поросли сѣдымъ мохомъ. Подъ этой елью было насыпано нѣсколько бугровъ, служившихъ скамейками. Теперь бугры показались Уствольскому могилами. Непроницаемый сводъ, образуемый вѣтвями колосальнаго дерева, казался сводомъ какого-то готическаго, торжественно тихаго храма.

Уствольскій сѣлъ на бугоръ отдохнуть.

Онъ былъ въ такомъ настроеніи, что ему хотѣлось бы вызвать въ умѣ образы родныхъ; но, какъ нарочно, воображеніе не работало, и сегодня онъ не могъ представить себѣ ясно ни мать, ни Зину, ни Глашеньку. Онъ точно забылъ ихъ. Память воскрешала имена, но не образы.

Изъ своего сумрачнаго убѣжища Уствольскій могъ видѣть главный балконъ дома, совершенно перекосившійся. Березы, казалось, обнимали домъ своими изу-

родованными вѣтвями, душили въ могучихъ объятіяхъ, и домъ тихо умиралъ. Средняя часть крыши, на которой красовалась вышка, сильно вогнулась.

Уствольскій подумалъ, что слѣдуетъ поддержать домъ. Продавши нѣсколько десятинъ лѣсу какому-нибудь Возжальникову, можно выручить необходимую сумму и поправить родное гнѣздо. Онъ погрузился въ хозяйственныя соображенія и не пытался вызывать дорогія тѣни. Меланхолическое настроеніе смѣнилось болѣе или менѣе дѣловымъ.

Надо все возстановить въ прежнемъ видѣ, домъ покрыть желѣзомъ, обшить новыми досками, перестлать полы, потолки, починить печи, окна. На террасѣ можно будетъ пить чай. Хорошо было бы также противъ террасы песочные часы поставить. Или, пожалуй, бюстъ — мраморный, Тургенева или, лучше, Гоголя; или вотъ что — Пушкина. Непремѣнно Пушкина! За триста рублей сдѣлаютъ. Кто-нибудь изъ петербургскихъ знакомыхъ навѣститъ, пойдетъ гулять по саду —

и вдругъ этакое пріятное зрѣлище: глушь, а между тѣмъ культура. Онъ подумалъ, улыбнулся и рѣшилъ ограничиться песочными часами.

Затѣмъ явилась мысль о мебели. Мебель должна быть въ старинномъ стилѣ. Но если покупать у старьевщиковъ, то на такой большой домъ надо будетъ ассигновать тысячъ восемь. Мебельные мастера возьмутъ еще дороже. Не лучше ли мебель попроще? Въ домѣ никогда и не было роскоши. Но взять мебель попроще, все-таки на нее тысячи двѣ надо. Лучше обойтись безъ мебели: къ тому же, кое-что изъ мебели имѣется.

Онъ взвѣсилъ, во что обойдутся лошади, экипажи, посуда, кухня. Все не по карману. Плохого, дешевенькаго онъ ничего не хотѣлъ: пахнетъ мѣщанствомъ. Въ немъ проснулся баринъ, съ изысканными вкусами, прихотливый и разборчивый.

»Нѣтъ, ужь пусть лучше такъ все останется, подумалъ онъ, тоскливо взглянувъ на домъ: въ этомъ разрушеніи есть

что-то поэтическое, есть стиль. Уствольскіе умираютъ, Возжальниковы выступаютъ на сцену. Ихъ дѣло украшать свои палаты, жить »въ свое удовольствіе«, а мы... Время наше прошло«...

Онъ всталъ, вспомнивъ трагическій конецъ Глашеньки и Зины. И ему стыдно стало своихъ барскихъ инстинктовъ, стыдно, что онъ допустилъ для себя возможность жить спокойно и комфортабельно въ домѣ, гдѣ все проникнуто скорбью неизъяснимою и на всемъ дрожатъ слезы...

Солнце пронизывало темную зелень сосенъ и яркими полосами ложилось на землю, усѣянную рыжими иглами, точно крупнымъ пескомъ. Воздухъ благоухалъ. Уствольскій снялъ шляпу и медленно шелъ.

Вдали мелькнуло свѣтлое платье. Послышался веселый смѣхъ. Вскорѣ показалась пара. Молоденькій офицеръ, бѣлокожій, съ черненькими усиками, шелъ рядомъ съ блѣдной, красивой дѣвушкой, у которой были большіе, счастливые глаза. Пара прошла мимо. Должно быть, это

какіе-нибудь дачники. Сосновая аллея удобнѣе другихъ для прогулокъ вдвоемъ: она широка и не заглохла. Уствольскій завистливо посмотрѣлъ въ слѣдъ молодымъ людямъ.

Такъ случилось, что онъ дожилъ почти до сорока лѣтъ и ни разу не любилъ, или, скорѣе, не былъ любимъ. Женщинамъ онъ не нравился. Слабое сложеніе, угрюмый нравъ, мѣшковатость дѣлали его непривлекательнымъ. Въ немъ не чувствовалось силы ни физической, ни умственной, ни нравственной. Онъ много разъ дѣлалъ предложенія, но всегда ему отказывали. Съ провинціальной точки зрѣнія онъ могъ быть названъ интереснымъ женихомъ. Онъ былъ учителемъ гимназіи и знали, кромѣ того, что онъ и помѣщикъ. Лицомъ онъ былъ не особенно дуренъ, человѣкъ образованный, непьющій. Однакоже, всякій разъ, какъ ему понравится дѣвушка, оказывалось, что онъ-то крайне ей не нравится. Уствольскій не считалъ женитьбу большимъ счастьемъ. Почти всѣ его товарищи пере-

женились на прелестныхъ созданіяхъ, изъ которыхъ черезъ пять, шесть лѣтъ вышли злыя, крикливыя бабы. Но и такого счастья онъ отвѣдалъ бы съ удовольствіемъ. Всякій, самый неудачный бракъ, думалъ онъ, имѣетъ ту хорошую сторону, что связываетъ человѣка по рукамъ и ногамъ. Перестаешь баловаться, тосковать. Предметъ, на которомъ сосредоточиваются и ненависть, и злоба, весьма опредѣленъ. Является возможность борьбы, потому что переносишь ее изъ общественной сферы, гдѣ она немыслима и, по крайней мѣрѣ, не каждому подъ силу, въ семейную сферу. Брюзжишь, занимаешь все время мелочами, пошлѣешь, толстѣешь и, наконецъ, умираешь, оплакиваемый любящимъ существомъ. Все прощаешь этому существу за недѣлю радости, забвенія, вѣры въ лучшее будущее...

Разсуждая такимъ образомъ, Уствольскій вернулся домой. Въ своей комнатѣ онъ засталъ ручьи воды. Саша, стоя спиной къ дверямъ и некрасиво нагнувшись, усердно мыла полъ. Розовое платье

ея слегка подобралось, и Уствольскій засмотрѣлся на бѣлыя икры дѣвушки. Онъ молчалъ, но она почувствовала, что не одна, и обернулась. Тогда взглядъ ея встрѣтился съ его взглядомъ, стекляннымъ и неспокойнымъ, и она покраснѣла. Онъ самъ покраснѣлъ, растерялся, и нѣкоторое время они смотрѣли другъ на друга, она съ серьезнымъ лицомъ, онъ съ тупой улыбкой.

Къ вечеру, комната, въ которой поселился Уствольскій, приняла довольно сносный, жилой видъ. Сюда перенесли всю мебель получше. Нашелся ветхій коверъ, нѣсколько масляныхъ картинъ и двѣ гравюры. Изъ спальни покойной Лизаветы Марковны взяли подсвѣчники. Уствольскій приказалъ ничего больше не брать оттуда. Собрали всѣ книги и наполнили этажерку. А Александръ Македонскій занялъ мѣсто на каминѣ.

Когда Саша принесла вечернюю синюху молока, Уствольскій рѣшился заговорить съ дѣвушкой. Можетъ быть, она вовсе не такая дура, какъ онъ думаетъ.

Вѣдь не даромъ же она была два года въ школѣ.

— Послушайте, мой другъ, началъ онъ.

Она опустила глаза.

— Вотъ что, Саша, отчего сегодня хоровода нѣтъ? придумалъ онъ вопросъ.

— Мы хороводы водимъ только по праздникамъ.

— У васъ прекрасивый голосъ, Саша. Скажите еще что-нибудь.

Саша молчала.

— Развѣ сегодня будень? спросилъ Уствольскій, осушивъ стаканъ.

— Будень.

— А отчего вы такая хорошенькая?

Саша не отвѣтила; можетъ быть, вопросъ показался ей и неумѣстнымъ, и затруднительнымъ.

— Алексѣй Иванычъ дома? спросилъ Уствольскій серьезно.

— Уѣхавши на станцію.

— А ваша маменька?

— У насъ не маменька, а мачиха...

— Злая?

— Нѣтъ, онѣ безъ ногъ лежатъ.

— Значитъ, добрая?

Саша промолчала.

— Вы очень хорошенькая, заключилъ Уствольскій и нѣжно посмотрѣлъ на дѣвушку.

Саша налила ему второй стаканъ, приготовила посуду, затопила каминъ — майскіе вечера прохладны — и вскорѣ самоварчикъ шипѣлъ, выпуская струи бѣловатаго пара.

— Заварите чай, Саша, сказалъ Уствольскій. — Мнѣ кажется, чай будетъ вкуснѣе... если вы заварите.

Она молча заварила чай.

Когда она ушла, Уствольскій подумалъ, что она не глупа. Правда, разговоръ былъ не изъ умныхъ, но онъ самъ далъ ему такое направленіе. Съ другой стороны, чего и требовать отъ крестьянской дѣвушки... да и вообще отъ женщины. Пожалуй, для женщины даже хорошо, когда она глупа; лишь бы она была здорова, красива. А Саша и здорова и красива. Постоянныя неудачи вооружили Уствольс-

скаго противъ женщинъ, и требованія, которыя онъ предъявлялъ къ нимъ нѣкогда, сильно были понижены имъ въ послѣднее время. Онъ даже къ женскому образованію сталъ относиться скептически.

Уствольскій былъ, впрочемъ, далекъ отъ мысли, что Сашу можно полюбить. Точно также ему и въ голову не приходило, что съ Сашей можно поступить непорядочно. Онъ считалъ себя въ этомъ отношеніи честнымъ человѣкомъ. Если онъ заговаривалъ съ нею, называя ее хорошенькой, то безъ всякаго разсчета. Въ самомъ дѣлѣ, она хорошенькая. И отчего же ей не сказать этого?

Позвавъ къ себѣ Василія Михайлова, онъ приказалъ ему не тѣснить Алексѣя Иваныча. Онъ отдалъ это приказаніе строгимъ голосомъ, не глядя на прикащика.

Алексѣй Иванычъ удвоилъ старанія, ухаживая за бариномъ. Онъ смотрѣлъ на него умильно, кланялся на каждомъ шагу, и словоохотливость его была безпредѣльна. Баринъ часто раздражался, слушая

его. Но все-таки сдерживалъ себя и, если приходилось ужь не въ моготу, ссылался на нездоровье, ложился и притворялся, что спитъ. Въ концѣ концовъ, онъ сталъ почти ненавидѣть Алексѣя Иваныча и блѣднѣлъ, когда тотъ появлялся. Однако же, продолжалъ поддерживать съ нимъ отношенія и каждый разъ обѣщалъ оформить уступку земли. Уствольскій могъ бы сдѣлать это въ нѣсколько дней и отвязаться отъ назойливаго мужика, который тогда, конечно, пересталъ бы ухаживать за нимъ и надоѣдать. Но онъ самъ тянулъ дѣло...

Василій Михайловъ становился между тѣмъ все угрюмѣе и неразговорчивѣе. Онъ смотрѣлъ на барина какими то мертвыми, дурацкими глазами, когда тотъ разспрашивалъ его о хозяйствѣ, бѣсилъ его упрямымъ, тупымъ выраженіемъ мучнистаго лица, а по ночамъ, когда баринъ долго не ложился, онъ вдругъ появлялся гдѣ-нибудь въ окнѣ, подсматривая, что дѣлаетъ Уствольскій.

Однажды онъ пришелъ утромъ и сталъ

требовать паспортъ. Уствольскій нахмурился, порылся лихорадочно въ дорожной шкатулкѣ и подалъ ему атестатъ о своей службѣ. Василій Михайловъ развернулъ бумагу, долго читалъ ее и, наконецъ, возвратилъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что скоро пріѣдетъ урядникъ и самъ возьметъ, а ему, Василію Михайлову, въ это дѣло мѣшаться нечего. Баринъ вспылилъ и выгналъ прикащика. Если не его дѣло смотрѣть за паспортами, какъ онъ смѣлъ приходить и тревожить барина? Ахъ, негодяй!

Онъ рѣшилъ разсчитать его и взять на его мѣсто Алексѣя Иваныча. Несмотря на свою ненависть къ послѣднему, онъ, странно сказать, былъ въ то же время и расположенъ къ нему и считалъ его преданнымъ человѣкомъ, хотя зналъ, что преданность Алексѣя Иваныча не безкорыстна. Но онъ также зналъ, что было бы смѣшно требовать отъ Алексѣя Иваныча безкорыстной преданности. Къ тому же, отвращеніе къ Алексѣю Иванычу онъ, главнымъ образомъ, чувствовалъ,

бесѣдуя съ нимъ. Когда Алексѣй Иванычъ исчезалъ, о немъ оставалось одно только представленіе въ умѣ нервнаго барина: онъ отецъ Саши.

На другой день послѣ этого рѣшенія, Уствольскій получилъ отъ Василія Михайлова толстый пакетъ. На большихъ листахъ сѣрой бумаги тѣсными рядами стояли каракульныя цифры. Изъ нихъ явствовало, что баринъ долженъ прикащику »375 ру.« За что? Уствольскій взялъ счета и оказалось, что за »попрафку« дома и »чиску« сада! Баринъ скомкалъ счета, и бросилъ ихъ на полъ. Платить, разумѣется, не слѣдовало. Но, походивъ, онъ подумалъ, что »Богъ съ нимъ«. Надо показать »хаму«, что такое великодушіе. Онъ написалъ вѣжливое, но ѣдкое письмо Василію Михайлову, объяснивши, что видитъ его насквозь, что знаетъ всѣ его продѣлки и что тѣмъ не менѣе готовъ заплатить ему требуемую сумму, но, за неимѣніемъ ея, посылаетъ росписку. Отославъ письмо съ Созономъ Горохомъ, который являлся къ нему отъ

времени до времени за полтинниками, Уствольскій сообразилъ, что поступилъ глупо. Онъ вспотѣлъ отъ досады, сталъ кашлять. Когда Созонъ возвратился съ словеснымъ отвѣтомъ отъ Василія Михайлова: кланяется, молъ, и благодаритъ, онъ чуть не поколотилъ столѣтняго старика.

— Какой низкій народъ! кричалъ онъ.— И этотъ еще народъ требуетъ искупительныхъ жертвъ! Канальи!

Но постепенно онъ успокоился. Народъ состоитъ не изъ Васильевъ Михайловыхъ и не Алексѣевъ Иванычей, и даже не изъ Созоновъ. Созонъ хоть изъ ума выжилъ, а все норовитъ вытянуть отъ барина полтинникъ-другой, увѣряя что постоянно теряетъ деньги и неводъ не подвигается. На хитрость посложнѣе не хватаетъ старика. Изъ кого же состоитъ народъ? Уствольскій не могъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Но ему неопредѣленно казалось, что народъ — это Саша.

Дни уходили. Прошелъ май, отцвѣла сирень, наступилъ іюнь, и начали цвѣсти розы. Садъ разростался все роскошнѣе и

роскошнѣе, и скоро листва его стала непроницаема, подъ его сводами вездѣ стоялъ зеленый сумракъ; лишь на лужайкахъ, въ прогалинахъ, тамъ, гдѣ отъ старости рухнуло дерево, блестѣлъ яркій солнечный свѣтъ. Сорныя травы превратились въ кустарники, въ ихъ зелени скрылся балконъ. Папоротники разрослись, по склону оврага начала созрѣвать земляника. Жаркіе дни смѣнялись душными лиловыми вечерами. Иногда небо принимало зловѣще-желтый оттѣнокъ, тучи клубились, какъ дымъ гигантскаго пожара, слабо рокоталъ громъ, пробѣгала блѣдная молнія. Вдругъ начиналась гроза. Садъ трепеталъ, шумѣлъ или ревѣлъ и стоналъ; и деревья тяжело трещали, а въ почернѣвшемъ воздухѣ крутились зеленые листья и вѣтки. Уствольскій каждый разъ съ замираніемъ сердца смотрѣлъ изъ окна на серебристый тополь, который еле выдерживалъ натискъ бури. Этотъ исполинъ могъ упасть на домъ и разрушить его до основанія.

Здоровье Уствольскаго поправилось, онъ

пополнѣлъ, но продолжалъ кашлять. Впрочемъ, мысль о смерти приходила ему теперь рѣдко, и кашель свой онъ приписывалъ дѣйствію на него Алексѣя Иваныча, который, въ качествѣ прикащика, безпрерывно мучилъ его обстоятельными разговорами.

Однажды только-что прошелъ дождь. Вечерѣло. Было необыкновенно тихо. Уствольскій сидѣлъ у открытаго окна и слышалъ, какъ падаютъ капли съ листьевъ, повисая на травѣ, на цвѣтахъ прозрачными слезинками. Деревья точно заснули. Вдали подымался сизый туманъ, и въ немъ расплывались неопредѣленныя темныя массы. Небо висѣло тяжелое, блѣдно-сѣрое, готовое снова пролиться на землю. Отчетливо звенѣли трели соловья.

Шумъ шаговъ раздался справа. Въ эту пору Саша всегда приноситъ молоко. Уствольскій поднялъ голову и ждалъ. Показалась дѣвушка, но не Саша. Это была некрасивая смуглая толстушка, съ крошечнымъ носомъ, въ синемъ сарафа-

нѣ и красномъ платочкѣ. Она поклонилась барину и подала молоко.

— Ты откуда? кто тебя прислалъ? спросилъ Уствольскій сухо.

Толстушка отвѣчала безъ передышки:

— Не сердись, баринъ, не по своей волѣ, неколи Сашѣ, меня прислала, а я у ихъ работницей, зовутъ Марѳушей; вотъ тебѣ, кушай, милый, на здоровье!

— Что-жь, можетъ, Саша больна? спросилъ Уствольскій, принимая молоко.

— Что ей станется, отвѣчала Марѳуша: — этакой-то дѣвкѣ! кровь съ молокомъ, долбней не убьешь, а неколи ей. Говоритъ мнѣ: служи барину честно, не будь дура, онъ тебѣ денегъ подаритъ; да мнѣ много ли надо, кабы на башмаки твоя милость, босая хожу!

Она показала грязную ногу. Уствольскій сказалъ:

— Значитъ, Саша не будетъ больше служить?

— Не будетъ, не будетъ, подхватила Марѳуша: — деревня на смѣхъ подни-

маетъ: къ барину ходитъ, парни злятся... неколи, неколи ей, прощай баринъ!

Она повернулась и бѣгомъ ушла.

Настала прежняя тишина. Соловей жидко щелкалъ, небо темнѣло. Вотъ капли дождя стали падать громче и чаще, барабаня по листьямъ, и, наконецъ, снова пошелъ дождь. Соловей замолкъ. Уствольскій пилъ молоко, смотрѣлъ на дождь, на туманъ, и ему было невыразимо скучно.

На другой день, на третій, Саша не являлась. Уствольскій хотѣлъ спросить о ней у прикащика, но не хватало духу. А что если Алексѣй Иванычъ станетъ что-нибудь подозрѣвать, какъ эти глупые парни? Ровно ничего нѣтъ и быть не можетъ. Саша ему нравится, но такъ ему нравятся всѣ красивыя женщины. Глубокаго чувства онъ къ Сашѣ не питаетъ. Онъ не хотѣлъ бы, чтобъ могли вывести что-нибудь обидное для бѣдной дѣвушки изъ того, что онъ иногда молча любуется ея завиднымъ здоровьемъ.

Дня черезъ три, утромъ, пришелъ Алексѣй Иванычъ и остановился у порога,

вздохнувъ и набожно возведя къ потолку очи.

— Что вамъ, Алексѣй Иванычъ? спросилъ баринъ, измѣняясь въ лицѣ.

Прикащикъ низко поклонился и тряхнулъ кудрями.

— Эхъ, Сергѣй Никоновичъ, началъ онъ восторженно: — нѣтъ души добрѣе, какъ ваша, нѣтъ, да и не будетъ!

Онъ замолчалъ, глядя на барина съ благодарнымъ изумленіемъ. Но баринъ былъ золъ.

— Ради Бога! завопилъ онъ: — безъ всякихъ предисловій! Вы мою кровь пьете! говорите прямо, что вамъ надо? Ахъ, народъ, народъ!

— Баринъ, Сергѣй Никоновичъ, отецъ родимый! произнесъ Алексѣй Иванычъ униженно. — Объ одной милости прошу...

— Ну, что такое?

— Простите меня раба смердящаго...

— Да чортъ бы васъ побралъ — къ дѣлу! крикнулъ Уствольскій, вскакивая съ дивана.

Алексѣй Иванычъ никогда еще не ви-

дѣлъ барина въ такомъ раздраженіи. Онъ ступилъ шагъ назадъ и низко кланялся.

— Нѣтъ, это невозможный человѣкъ! вскричалъ баринъ въ изнеможеніи и снова сѣлъ, потрясаемый теперь кашлемъ: — Прочь!

Алексѣй Иванычъ постоялъ, вздохнулъ нѣсколько разъ, улыбнулся въ сторону барина не то виноватой, не то пьяной улыбкой и ушолъ.

Но черезъ часъ онъ опять явился. Оказалось, что Егоръ Иванычъ Возжальниковъ увидѣлъ, проѣздомъ, козловскія травы и изъявилъ желаніе взять сѣнокосъ въ аренду за 450 рублей, на что Алексѣй Иванычъ и согласился, и даже получилъ въ задатокъ радужную. Онъ опасался, что баринъ разсердится, такъ какъ онъ поступилъ безъ его вѣдома. Въ душѣ, впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что, напротивъ, баринъ обрадуется деньгамъ. И дѣйствительно, баринъ, взявъ деньги, улыбнулся усталой улыбкой и произнесъ ласково: »Зачѣмъ же было жилы тянуть!«

Рѣшительно, Алексѣй Иванычъ былъ

распорядительный человѣкъ. Онъ изумилъ однажды барина, объявивъ, что въ Козловскомъ имѣніи лѣса тысячъ на тридцать. До этихъ поръ баринъ былъ увѣренъ, что лѣсъ его стоитъ много-много восемь тысячъ. Это богатство точно съ неба упало.

Но въ другой разъ Алексѣй Иванычъ и разочаровалъ его, сказавши, что барскій лѣсъ крестьяне давно считаютъ своею собственностью и пользуются имъ, рубятъ и продаютъ, такъ что надо съ мужиками начать дѣло.

Баринъ махнулъ рукой.

— Господь съ ними!

Алексѣй Иванычъ все-же не уронилъ этимъ своей репутаціи распорядительнаго человѣка въ глазахъ барина. Водяная мельница давно уже не работала и, естественно, не приносила никакого дохода. Но вотъ появился странствующій еврейчикъ, съ длиннымъ бѣлымъ носомъ и нервно подергивающимися худыми щеками, и предложилъ за нее аренды сто рублей. Онъ поселился на мельницѣ, кое-какъ поправилъ ее на свой счетъ и, вмѣсто

мѣшковъ, часто привозилъ къ себѣ изъ города боченки. Козловцы скоро познакомились съ еврейчикомъ, уходили отъ него пошатываясь, и носъ Алексѣя Иваныча изъ краснаго превратился въ лиловый въ какихъ-нибудь двѣ недѣли. А баринъ получилъ арендныя деньги впередъ и, въ видѣ подарка, бутылку коньяку.

Распорядительность Алексѣя Иваныча сказалась еще и въ томъ, что дѣвки стали водить хороводы въ барскомъ дворѣ, а когда баринъ захотѣлъ рисовать, то была пригнана къ нему цѣлая гурьба дѣвчонокъ и мальчишекъ, которыхъ, впрочемъ, онъ не сталъ долго рисовать — надоѣло; ребятишки ушли, получивъ по пятаку на брата, и украли кисти и краски.

Но всю эту распорядительность Алексѣя Иваныча и проистекавшія изъ нея хозяйственныя и нравственныя выгоды — въ родѣ бутылки коньяку и позирующихъ ребятишекъ — Уствольскій хоть и признавалъ, но мало цѣнилъ. Ему скучно было безъ Саши. Деревня рай; но если нѣтъ Саши, которая приходитъ три раза въ день

съ синюхой молока, завариваетъ чай, произноситъ отъ времени до времени незначительныя фразы красивымъ груднымъ голосомъ, то рай теряетъ обаяніе.

Такимъ образомъ распорядительность Алексѣя Иваныча стала казаться ему нетолько неимѣющею большой цѣны, но и крайне несносной. Ничто его не связывало теперь съ Алексѣемъ Иванычемъ. Кромѣ того, онъ былъ увѣренъ, что Алексѣй Иванычъ виноватъ въ томъ, что Саша не служитъ. Прикащикъ бѣсилъ барина, какъ только раскрывалъ ротъ. А однажды баринъ бросился къ нему съ кулаками.

Чтобъ разсѣяться, баринъ поѣхалъ въ ближайшій городъ. Городъ былъ большой, зданія въ немъ каменныя, двухъ и трехъэтажныя, много златоглавыхъ церквей. Но пыль удушающая, и въ узкихъ улицихъ застоялся раскаленный вонючій воздухъ. Уствольскій остановился въ знакомой гостиницѣ. Здѣсь онъ провелъ весною около двухъ недѣль. Половой встрѣтилъ его легкимъ фамильярнымъ покло-

номъ и, держа руку за спиной, разсказалъ городскія новости. Уствольскій лежалъ на диванѣ и пилъ чай. Его заинтересовалъ разсказъ о какой-то »учителькѣ«, Евлаліи Егоровнѣ, молоденькой и хорошенькой. Живетъ она въ этой же гостиницѣ, а пріѣхала въ городъ изъ Москвы, выписалъ ее купецъ Розговѣевъ будто для дѣтей, но умыселъ былъ у него другой. Кончилось тѣмъ, что »учителька« съ купцомъ повздорила и перебралась сюда. Отъ судьбы своей, однимъ словомъ, не ушла, и съ этой барышней легко познакомиться. Уствольскій понизилъ голосъ и сказалъ: »А что, братецъ, пожалуй«... Черезъ часъ онъ сидѣлъ уже, раздушенный и принаряженный, у Евлаліи Егоровны. Это была юная особа, съ рыжими волосами. Она говорила съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ и, когда смѣялась, то широко раскрывала мокрый ротъ, обнажая бѣлые, превосходные зубы. Но именно зубы не понравились Уствольскому. Онъ натянуто улыбался, сидѣлъ все время въ перчаткахъ и скоро ушелъ.

Затѣмъ немедленно уложился и съ ночнымъ поѣздомъ уѣхалъ въ Козловку. Ему стыдно было, что онъ познакомился съ Евлаліей Егоровной. Хотя знакомство было самое дальнее, однако же, думалъ онъ, было бы лучше совсѣмъ не ѣздить въ городъ.

На другой день, онъ поздно проснулся. Штора, съ красно-синими китайцами, опущена, и легкій вѣтеръ колеблетъ ее, потому что окно открыто. Но, кажется, это не вѣтеръ. Вонъ внизу подъ шторой мелькнула бѣлая, красивая рука, и на подоконникѣ очутилась деревянная чашка, наполненная земляникой. Уствольскій вскочилъ и, подбѣжавъ къ окну, поднялъ штору. На дворѣ никого не было. Только за кустами акацій, облитыхъ полдневнымъ солнцемъ, какъ будто кто-то стоитъ. Уствольскій ласково крикнулъ:

— Саша!

Но онъ напрасно ждалъ. Саша не пришла. Онъ улыбнулся и сталъ медленно ѣсть землянику. Это была вкусная земляника, онъ такой еще никогда не ѣдалъ.

Онъ одѣлся и вышелъ. Его тянуло на просторъ. Деревья пышно зеленѣли въ знойномъ воздухѣ. Птицы немолчно кричали. Садъ, залитый жаркимъ сумракомъ, испещренный золотыми пятнами солнечнаго свѣта, празднично глядѣлъ на него. Уствольскому чудилось, что онъ слышитъ могучіе вздохи вѣковѣчныхъ елей и сосенъ; а гигантскіе серебристые тополи, соединяющіе вверху свои вѣтви, проникнуты трепетомъ жизни. Этотъ садъ, который онъ такъ хорошо зналъ еще въ дѣтствѣ, кажется ему теперь обновленнымъ. На каждомъ шагу Уствольскій открывалъ невиданныя имъ прежде красоты. Аллеи вдругъ прерывались глубокими, узкими оврагами, гдѣ синѣлъ влажный сумракъ. Деревья упали, и оттуда торчатъ сухія вѣтки. Гнилые мостики, обросшіе мохомъ, перекинуты черезъ эти маленькія пропасти. Или вотъ бѣлѣютъ березы, и веселый свѣтъ струится сверху на траву и на зеленыя поросли. Но березы разступились, и на бугрѣ неожиданно появляются высокія пирамидальныя ели, хмурыя и граціозныя. Онѣ

принижаются, уходятъ въ глубь поперечнаго оврага и снова взбѣгаютъ по противоположному склону, образуя широкій овальный просвѣтъ. Въ немъ, точно въ колоссальной рамѣ, развертывается чудный пейзажъ съ голубымъ небомъ, яркосинимъ вверху и блѣднымъ внизу, съ свѣтло-зеленой холмистой равниной, уходящей въ безконечную даль, гдѣ чуть мерцаетъ, въ полоскѣ сизаго тумана, золотая звѣздочка — крестъ Балашовской церкви. Но ели кончились, снова зеленѣютъ березы, волшебная картина исчезла, и почти лѣсная глушь обступаетъ Уствольскаго...

Онъ чувствовалъ себя хорошо. Сегодня ему нравилась жизнь, скуки точно не бывало. Грудь не болитъ, кровь упруго струится въ жилахъ. Онъ спустился съ откоса, ему захотѣлось лечь на полянкѣ, гдѣ много солнца и воздуха, а съ озера вѣетъ прохладой. Уствольскій растянулся на мягкой травѣ, вперивъ взглядъ въ глубокую синеву небесъ, ни о чемъ не думая.

Онъ пролежалъ такъ съ полчаса, въ полузабытьи, пока не очнулся отъ шаговъ Созона Гороха.

Старикъ робко смотрѣлъ на Уствольскаго: въ послѣдній разъ баринъ прикрикнулъ на него. На плечѣ Созонъ несъ удочку, а въ рукѣ держалъ фонарь, стекло котораго блестѣло на солнцѣ.

— Дѣдушка, что ты съ фонаремъ? спросилъ Уствольскій, приподнимаясь на локтѣ.

Созонъ пожевалъ губами, поглядѣлъ на фонарь, на барина.

— Рыбу ловить.

— Щуку?

— Ерша.

— Зачѣмъ-же фонарь?

Старикъ указалъ на солнце и прошамкалъ:

— Стало больно плохо свѣтить.

— А развѣ прежде лучше свѣтило?

— Лучше, произнесъ Созонъ съ убѣжденіемъ, и на его красномъ морщинистомъ лицѣ расцвѣла задумчивая улыбка. Онъ вспомнилъ дни, когда солнце свѣтило не-

обыкновенно ярко — совсѣмъ не такъ, какъ теперь.

— Съ Богомъ! сказалъ баринъ, махнувъ ласково рукой.

Но вскочивъ на ноги, онъ догналъ старика.

— Я, дѣдушка, съ тобой пойду.

Они пошли по берегу озера, гдѣ межь орѣшниковъ вилась тропинка бѣлой лентой. Озеро было небольшое, но прозрачное и холодное. Оно выпускало изъ себя ручеекъ, струившійся у подножья оврага по камнямъ. У плотины шумѣла мельница. Въ водѣ отражались ивы. Надъ обрывомъ вытягивались въ струнку крестьянскія избы, съ высокими крышами, съ большими окнами, съ рѣзными коньками. Затѣмъ все скрывалось въ зелени.

Обрывъ становился круче, ручей шелъ зигзагами и иногда расширялся въ глубокую рѣчку съ тихимъ теченьемъ, пока опять не съуживался. Въ такихъ расширенныхъ мѣстахъ вода имѣла гладкую, зеркальную поверхность. Посредине ея блестѣло синее небо, игралъ золотой

лучъ а по краямъ лежали теплыя, прозрачныя тѣни, бѣлѣлись водяныя лиліи.

Созонъ закинулъ удочку. Уствольскій сѣлъ возлѣ него и смотрѣлъ на полоумнаго старика. Потомъ онъ вынулъ альбомъ изъ бокового кармана и сталъ Созона *зачерчивать*.

Рыба не клевала. Старикъ не поймалъ ни одного ерша и сердито ворчалъ. Ему не нравилось также, что баринъ дѣлаетъ его портретъ.

До слуха Уствольскаго долетѣлъ веселый говоръ. Со стороны деревни шли дѣвки шумной гурьбой. Говоръ становился громче. Слышались отдѣльныя восклицанія, хохотъ. Наконецъ, не доходя мѣста, гдѣ сидѣли баринъ и Созонъ, дѣвки остановились. Должно быть, онѣ будутъ купаться.

Ихъ не видно, хотя онѣ близко. Орѣшникъ растетъ на высокомъ песчаномъ мысѣ, и онѣ хохочутъ и болтаютъ за этой зеленой стѣной. Слышенъ плескъ воды, бултыханье, веселый крикъ, и

Уствольскому кажется, что онъ различаетъ красивый грудной голосъ Саши.

Онъ не могъ преодолѣть какого-то юношескаго чувства, которое вызвалъ въ немъ этотъ голосъ. Онъ покраснѣлъ и напряженно смотрѣлъ въ ту сторону.

Изъ-за орѣшника летѣли брызги, сверкавшія на солнцѣ, подобно брилліантамъ. По водѣ расплывались круги, и сквозь листву мѣстами бѣлѣли тѣла купальщицъ.

Созонъ поймалъ лягушку.

— Господи Іисусе Христе!

Дѣвки услыхали его голосъ.

— Дѣдушко! крикнула одна изъ нихъ

— А?

— Богъ въ помощь!

— Тьфу!

Смѣхъ.

— Что-такъ?

— Баринъ сглазилъ...

Опять смѣхъ.

— Развѣ онъ тутъ?

— Тутъ, чтобъ ему...

Кряхтя, всталъ Созонъ Горохъ, взялъ фонарь и ушелъ искать мѣста получше.

Дѣвки замолкли. Можно было подумать, что ихъ совсѣмъ нѣтъ. Баринъ чувствовалъ себя неловко.

Вода робко плескалась, шопотъ сталъ разноситься по водѣ. Снова все замерло. И уже издали, минутъ черезъ пять послышался прежній веселый говоръ. Дѣвки шли назадъ въ деревню.

Поднялся уходить и Уствольскій. Но онъ не сдѣлалъ и десяти шаговъ, какъ увидѣлъ на травѣ бѣленькій платочекъ Саши. Уствольскій спряталъ его въ карманъ. Сердце его странно забилось. Онъ теперь не сомнѣвался, что встрѣтитъ Сашу.

Дѣйствительно, на поворотѣ, гдѣ густо разросся орѣшникъ, онъ увидѣлъ дѣвушку, одну, со строгими глазами, но съ застѣнчивой улыбкой. Она шла съ непокрытой головой. Пальцы босыхъ ногъ ея вырѣзывались на травѣ, точно мраморные.

— Баринъ, платочка моего не видали? сказала она, покраснѣвъ.

— Платочекъ вашъ у меня, отвѣчалъ Уствольскій, но не подалъ ей платочка.

Они стояли другъ противъ друга и молчали.

— Дайте мнѣ вашу руку, молвилъ, наконецъ, Уствольскій.

Но она, казалось, не слышала его.

— Платочекъ! прошептала она: — а то меня ждутъ...

— Послушайте, вы платочекъ нарочно уронили? сказалъ Уствольскій и обнялъ ее, чтобъ поцѣловать.

Губы ея, благоухающія молодостью и здоровьемъ, коснулись его губъ, его руки держали ея могучій, гибкій станъ, и онъ чувствовалъ, что голова его кружится.

— Саша, Саша!

— Баринъ...

— Саша, отчего не ходишь ко мнѣ?

Она посмотрѣла ему въ глаза.

— Развѣ я вамъ люба?

— Саша!

— Я къ вамъ приду, баринъ, прошептала она.

— Когда?

— Сегодня вечеромъ, какъ отецъ уѣдетъ... Давайте платочекъ.

Она схватила платочекъ и убѣжала. Бѣлая фигура ея — она была въ свѣтломъ платьѣ — долго мелькала межъ кустовъ, пока не показалась въ послѣдній разъ наверху оврага и не скрылась за темной зеленью усадьбы.

Баринъ вздохнулъ. Но это былъ пріятный вздохъ. Первый разъ чувствовалъ себя Уствольскій счастливымъ. Ему хотѣлось быть теперь здоровымъ и жить безъ конца. Въ душѣ его не было злобы ни капли. Даже Алексѣй Иванычъ казался ему милѣйшимъ человѣкомъ. Вернувшись домой, онъ надавалъ ему всевозможныхъ порученій, такъ чтобъ они задержали его въ городѣ дня два, по крайней мѣрѣ; съ страшнымъ терпѣніемъ выслушалъ всѣ »рацеи« прикащика и затѣмъ слонялся по дому и саду, какъ пьяный, проклиная время за то, что оно долго тянется, и ревниво слѣдя за перемѣнами небеснаго свода, знаменующими приближеніе вечера.

Бѣлыя облака загорѣлись розовымъ огнемъ. Вотъ солнце закатилось за садъ. Оно искрится и сверкаетъ сквозь игли-

стыя вѣтви елей. Тѣни густѣютъ. Птицы замолкли. Со стороны деревни доносятся веселые крики дѣтей, мычанье стада. Но облака гаснутъ. Солнце зашло, и на мѣстѣ заката рдѣетъ рубиновая полоска. Но и она погасла. Въ сумракѣ дремлютъ сосны, березы, серебристые тополи...

Звѣзды сверкнули въ небѣ. Оно быстро темнѣетъ, звѣзды горятъ все ярче и ярче. Наступила ночь — благоуханная лѣтняя ночь.

Уствольскій нервно ходилъ по двору. Слухъ его пріобрѣлъ какую-то болѣзненную чуткость, и онъ, кажется, издали услышалъ бы дыханіе приближающейся Саши.

Домъ Алексѣя Иваныча стоялъ почти въ чертѣ барской усадьбы. Саша могла придти кратчайшимъ путемъ — черезъ черный дворъ. Но изъ предосторожности она должна была выбрать другой путь и пойти садомъ. Уствольскій боялся разминуться съ нею и пошелъ въ садъ.

Тамъ было темно. Благодаря мраку, деревья казались фантастически-громадными. Недвижно-протянутыя вѣтви по-

ходили на гигантскія руки, хоботы, крылья. Лучи какого-то изсинепепельнаго сумрака падали съ неба, но не освѣщали предметовъ. Домъ, окруженный березами и тополями, похожъ былъ на громадный гробъ, несомый безобразными косматыми гигантами. Въ настроеніи Уствольскаго произошелъ переломъ. Онъ замѣтилъ, что неопредѣленный страхъ овладѣваетъ имъ...

Однако же, Саша влекла его къ себѣ. Какъ только онъ встрѣтитъ ее, прижметъ къ груди, вся эта нервность пройдетъ, и онъ станетъ такъ же здоровъ нравственно, какъ уже здоровъ физически.

Онъ шелъ по тополевой аллеѣ, шепча: »Саша! Саша!« и садъ повторялъ его шопотъ.

Но этотъ отраженный шопотъ пугалъ Уствольскаго. Его раздражала жизнь сада. Ему казалось, что деревья хмуро смотрятъ на него и, точно люди, качаютъ головами. Тонкій ароматъ, отдѣляемый смолами, пахнулъ для него слишкомъ рѣзко. Холодомъ вѣяло отъ влажныхъ листьевъ. Небо

было безоблачно, въ саду черезъ-чуръ росно.

За каждымъ деревомъ, за каждымъ кустомъ Уствольскій подозрѣвалъ Сашу. Она могла увидѣть его и спрятаться. Съ сильнымъ біеніемъ сердца подходилъ онъ къ такому мѣсту и говорилъ робко: »Саша«! Но никого не было. Только садъ повторялъ: »Саша«!

Лихорадка начала бить Уствольскаго. Но онъ упрямо шелъ впередъ. Наконецъ, садъ сталъ рѣдѣть, онъ увидѣлъ избу Алексѣя Иваныча. Тамъ всѣ спали, огонь былъ потушенъ.

Уствольскій сѣлъ на земляную насыпь, которая окружала садъ, и долго смотрѣлъ туда. Досада и злость на Сашу терзали его. Она обманула его!?

Лихорадка усилилась. Уствольскій сердито кутался въ пледъ. И вдругъ кашель, страшный, зловѣщій кашель потрясъ его, и онъ почувствовалъ кровь на губахъ.

Тогда онъ съ ужасомъ всталъ и побрелъ домой. Онъ забылъ Сашу, онъ думалъ теперь только о самомъ себѣ.

*

Онъ шелъ, спотыкаясь, держа у рта платокъ, и ему казалось, что рядомъ съ нимъ идетъ смерть.

Онъ глянулъ на балконъ, тамъ бѣлѣли фигуры людей. Но когда онъ подошелъ ближе, то увидѣлъ, что это луна бросаетъ на балконъ свой мертвый, холодный свѣтъ, разбивающійся о вѣтви уродливыхъ березъ...

И когда, наконецъ, Уствольскій легъ въ постель, одинокій и больной, его ужаснула душевная пустота его. Куда дѣвалась любовь его къ Сашѣ? Нѣтъ здоровья, нѣтъ любви. И ничего, повидимому, не жалѣ, а глаза плачутъ.

Онъ заснулъ передъ свѣтомъ. Но сонъ былъ тяжелый, тревожный. Невольно вниманіе Уствольскаго сосредоточивалось на болѣзни, и онъ видѣлъ себя окруженнымъ странными привидѣніями, которыя озарялись тусклымъ свѣтомъ. Они выслушивали его, какъ врачи, дѣлали смѣшныя гримасы, отъ которыхъ, однако, ему смѣшно не было, стучали по немъ костлявыми пальцами, нюхали табакъ громадными до-

зами и глубокомысленно смотрѣли на него, храня молчаніе. Между ними находился и его двойникъ — Уствольскій, но въ огромныхъ черныхъ очкахъ и блѣдный, какъ смерть. Онъ кашлялъ, хватаясь за грудь, и всѣ кашляли и хватались за грудь, сочувственно глядя на больного покраснѣвшими скорбными глазами, лишенными вѣкъ, кашляли съ увлеченіемъ, точно это доставляло имъ наслажденіе. Они кашляли разомъ и въ перемежку и странно корчились. Но вотъ двойникъ досталъ изъ-за пазухи громадную синюю шаль и окутался ею. Тогда между всѣми завязалась борьба за шаль. Уроды прыгали, кашляя все громче и громче, теребя шаль, которая переходила изъ рукъ въ руки, пока двойникъ не закричалъ запыхавшимся голосомъ: »пришла Саша«! Привидѣнія бросились со всѣхъ ногъ подъ стулья, за ширмы, а двойникъ въ смертельномъ испугѣ сталъ метаться по комнатѣ.

Уствольскій проснулся.

— Саша!? произнесъ онъ.

За ширмами послышался шорохъ, и Саша осторожно вошла. Брови ея были скорбно выгнуты, безкровное лицо Уствольскаго поразило ее.

— Что вамъ, баринъ, болѣзный мой? спросила она тихо.

Онъ пристально посмотрѣлъ на нее.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы, Саша? произнесъ онъ съ улыбкой. — Ахъ, это очень хорошо! Представьте, я заболѣлъ! Скажите, вчера отчего не пришли?

Саша прошептала застѣнчиво:

— Ахъ, баринъ...

— Ну, ну, хорошо... не буду спрашивать...

— Ахъ, баринъ, я къ вамъ шла, продолжала Саша, потупляясь: — а отколь ни возьмись... этотъ...

— Кто?

— Василій Михайловъ...

Глаза барина сверкнули гнѣвомъ.

— Послушай, милая, сказалъ онъ: — мы этому негодяю зажмемъ ротъ!..

Онъ съ рѣшимостью приподнялся и обнялъ Сашу.

— Саша! началъ онъ: — Саша, знаешь что̀ — выходи за меня...

— Что вы, Сергѣй Никонычъ!..

— Выходи, ради Бога: я тебѣ все имѣніе оставлю, я скоро умру.

— Что вы, что вы!

— А мнѣ не хотѣлось бы, продолжалъ онъ: — чтобъ оно переходило въ другія руки... Понимаешь? Да и чѣмъ инымъ могу я отплатить тебѣ за твою любовь? Я вѣдь мертвецъ... Ну?

Въ отвѣтъ, Саша поцѣловала Уствольскаго.

Онъ съ трудомъ всталъ и не отпускалъ отъ себя Сашу. Молва о томъ, что баринъ женится на Сашѣ, быстро распространилась по деревнѣ. Черезъ недѣлю объ этомъ узналъ ужь весь уѣздъ. Возжальниковъ сталъ ухаживать за Алексѣемъ Иванычемъ, какъ за человѣкомъ несомнѣннаго ума и будущимъ тестемъ помѣщика. Когда рѣчь шла о Козловкѣ, то всѣ разумѣли, что имѣніе это принадлежитъ уже Алексѣю Иванычу, который не будетъ дуракъ, спуститъ его въ на-

дежныя руки, какъ только скончается баринъ.

Баринъ медленно умиралъ. Чахотка развивалась. Иногда ему становилось лучше, и онъ катался даже на лодкѣ съ Сашей. Но иногда лежалъ пластомъ, терзая невѣсту капризами, упреками, плача, проклиная болѣзнь. Уствольскій спѣшилъ съ бракомъ, и какъ только прошелъ петровскій постъ, повѣнчался съ Сашей въ Балашовской церкви. Стоя предъ налоемъ, онъ мысленно повторялъ: »Народъ... жертвы искупительныя... Вотъ и я жертва«!!. Но его непріятно поражало, что Саша нарядилась, какъ барыня. На ней было зеленое шелковое платье, на шеѣ горѣли стразовыя бусы. Въ церковь собралось много любопытныхъ. Блѣдная дѣвушка, съ большими глазами, та самая, что встрѣтилась съ Уствольскимъ въ сосновой аллеѣ на другой день послѣ его пріѣзда, пытливо смотрѣла на него и перешептывалась о чемъ-то со своимъ кавалеромъ, уже другимъ, красивымъ, но нѣсколько свирѣпымъ усачемъ, начальни-

комъ станціи. Возжальниковъ, молодой старикъ, плѣшивый и съ тусклыми глазами, снисходительно улыбался. Кто громко хвалилъ красоту невѣсты, кто соболѣзновалъ о женихѣ, о которомъ всѣ, не исключая и мужиковъ, были того мнѣнія, что онъ нетолько больной, но и слабоумный человѣкъ. Уствольскому обрядъ вѣнчанія показался страшной пыткой. Но вотъ, все окончилось, молодые сѣли въ тарантасъ и покатили. Дома ихъ встрѣтилъ Алексѣй Иванычъ, въ сюртукѣ и бѣлой рубахѣ, со стоячимъ воротничкомъ. Онъ благословилъ ихъ, началъ длинную благочестивую рацею, но зять грубо оборвалъ его, и не захотѣлъ присутствовать на вечерѣ, ссылаясь на нездоровье.

Въ самомъ дѣлѣ, ему было очень нехорошо. Созонъ подалъ ему письмо отъ Василія Михайлова. Бывшій прикащикъ напоминалъ барину о долгѣ. »Теперь, писалъ онъ дальше: — женілись вы на богачки і фзялі большое приданое то вамъ затрудненья въ капеталахъ ні придставляица

БОЛОТНЫЙ ЦВѢТОКЪ

I

Городъ Несвенцяны, переименованный въ 1863 г. въ Александрійскъ, лежалъ долгое время въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ, да и теперь къ нему съ ближайшей станціи надо ѣхать сосновымъ лѣсомъ верстъ сорокъ. Онъ окруженъ болотами. Десять лѣтъ тому назадъ, болота эти, служившія когда-то повстанцамъ, послѣ пораженія ихъ полковникомъ Новоселовымъ, мѣстомъ убѣжища — иныхъ засосала грязь, другихъ съѣли волки, а сдавшіеся были казнены — болота эти хотѣлъ осушить какой то инженеръ; но, издержавъ много денегъ (казенныхъ), пришелъ къ убѣжденію, что если осушить болота, то край лишится рѣкъ, берущихъ здѣсь начало. Болота были оставлены въ по-

коѣ, и городъ Несвенцяны, онъ же Александрійскъ, мѣсяцевъ шесть въ году, попрежнему бываетъ почти совсѣмъ отрѣзанъ отъ остального міра, и только зимою, когда морозъ сковываетъ необозримыя и непроходимыя трясины, съ городомъ устанавливается безопасное сообщеніе.

Населенъ городъ свѣтлоглазымъ и бѣловолосымъ народомъ — поляками, литовскаго происхожденія, евреями и немногими рускими. Къ послѣднимъ причисляютъ себя и бѣлоруссы православнаго исповѣданія. Въ городѣ обывателей считалось не болѣе пяти тысячъ. Дома въ немъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ казенныхъ зданій, да заброшеннаго пàлаца (зàмка), принадлежавшаго погибшему въ возстаніи графу Хронщу, неказисты; даже въ чертѣ города попадаются курныя избы, съ черными ветхими крышами и безъ трубъ, и грязь на улицахъ невылазная. Весною и осенью, когда грязь становилась даже опасною, къ услугамъ желающихъ перейти ту или другую особенно грязную улицу

являлись жидки — тощіе и бѣлолицые, съ громадными черными или рыжими пейсами — и переносили пѣшеходовъ на себѣ.

Въ описываемое время Александрійскъ находился подъ управленіемъ майора Брилліантова. Это былъ высокій старикъ, съ мутно-синими глазами и сѣдыми, по-николаевски закрученными усами. Онъ держался молодцовато, любилъ поѣсть, выпить; потихоньку отъ взрослой дочери, Леночки, ухаживалъ за польками и еврейками; распекалъ подчиненныхъ; игралъ на флейтѣ; бралъ съ жидовъ взятки, и всю свою начальственную энергію тратилъ на то, чтобъ заставить горожанъ »уважать русскую власть«, для чего требовалъ, чтобъ обыватели, всѣ безъ исключенія, когда онъ проѣзжаетъ съ конвойными казаками по городу, кланялись ему. Онъ боролся съ польскимъ »гоноромъ«, и такидобился своего, и о немъ до сихъ поръ вспоминаютъ въ Несвенцянахъ какъ о звѣрѣ, хотя звѣремъ онъ не былъ, а только пользовался властью, какъ могъ и какъ умѣлъ. Самъ онъ считалъ себя

хорошимъ человѣкомъ и ежегодно просилъ себѣ наградъ. Если же его обходили, то онъ искренно удивлялся и роптал на несправедливость начальства.

Впрочемъ, неограниченною властью онъ располагалъ недолго и долженъ былъ раздѣлить ее съ предводителемъ дворянства (по назначенію отъ правительства), Петромъ Алибеевичемъ Терюхановымъ, и съ другими лицами, и, наконецъ, когда послѣдовало полное замиреніе края, сталъ обыкновеннымъ русскимъ исправникомъ, хотя и продолжалъ ѣздить съ казаками.

Онъ жилъ въ большомъ домѣ, который былъ украшенъ мебелью и картинами, перенесенными изъ упраздненнаго замка графа Хронща. Брилліантовъ купилъ за безцѣнокъ у казны конфискованную движимость графа, и значительную часть ея перепродалъ съ большихъ барышемъ евреямъ, а часть оставилъ у себя. Домъ семиоконнымъ фасадомъ выходилъ на главную улицу города, *Маршалкову* (переименованную потомъ въ *Терюхановскую*). Изъ своей комнаты дочь майора Брилліантова

могла видѣть море грязи, брызги которой летѣли на окна, ставни и заборы, могла видѣть солдатъ, возвращавшися съ ученья и залихватски горланившихъ »Черную галку« или другую непристойную пѣсню, сопровождаемую свистомъ, могла видѣть по субботамъ евреевъ, прогуливающихся въ новыхъ длинныхъ кафтанахъ, и евреекъ въ атласныхъ капотахъ. Грязь высыхала по серединѣ улицы только въ іюнѣ и іюлѣ. Въ остальное время горожане пользовались тропинками, которыя прокладывались, послѣ долгаго и упорнаго труда, пѣшеходами на томъ мѣстѣ, гдѣ должны быть тротуары. Но такъ какъ дожди въ Несвенцянахъ очень часты, то и пользованіе тропинками было непродолжительное. Грязь вдругъ устремлялась на тротуары, заливала протоптанныя мѣста и, какъ лава, побѣдоносно текла по злополучному городу.

Заднимъ фасадомъ домъ выходилъ въ фруктовый садъ, состоявшій изъ нѣсколькихъ яблоней, грушевыхъ деревъ, кустовъ черной и красной смородины и липъ,

которыя стояли въ самомъ концѣ сада. Въ немъ было чисто, передъ окнами цвѣли георгины и левкои, и онъ разбитъ былъ на пригоркѣ, на берегу *Крулевскаго Болота* (оно теперь носитъ названіе *Брилліантовскаго*). Леночка любила гулять въ саду. Ей нравились сѣренькіе дни, когда нѣтъ ни дождя, ни солнца, небо покрыто свѣтло-свинцовыми тучами, и вѣтеръ не колеблетъ ни вершинъ деревьевъ, ни меланхолическихъ камышей Крулевскаго Болота, мѣстами заросшаго желто-зеленой ряской, мѣстами чистаго и всюду невозмутимо-спокойнаго. Вдали, на томъ берегу болота, среди высокихъ темныхъ сосенъ, въ полупрозрачномъ туманѣ, виднѣлись очертанія заброшеннаго и раззореннаго палаца, съ узенькими окнами, съ готическими башенками...

Леночкѣ шелъ двадцатый годъ. Ей кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ она пріѣхала въ Несвенцяны, окончивъ институтъ, прошло много времени — цѣлая вѣчность. На самомъ дѣлѣ, не прошло и трехъ лѣтъ. Каштановые волоса ея, мато-

вые и ровнаго цвѣта, падали двумя тяжелыми и длинными косами на узкія плечи. Кожа у ней была бѣлая съ молочнымъ оттѣнкомъ, и длинные пальцы ея тонкихъ рукъ оканчивались красивыми розовыми ноготками.. Она любила ходить въ свѣтлыхъ, легкихъ платьяхъ, и когда бродила по саду, вглядываясь въ даль, то соломенная шляпка ея, съ широкими полями и отдѣланная свѣжими блѣдно-голубыми лентами, висѣла у ней на рукѣ, а въ другой рукѣ она держала книжку французскаго романа, и непремѣнно въ чистенькой несмятой обложкѣ. Леночка, когда еще была въ институтѣ, всегда воображала себя, въ будущемъ, блѣдной, въ бѣломъ платьѣ и съ книжкой, съ распущенными волосами и съ тоской во взорѣ. Теперь она осуществляла свой идеалъ, хотя волосы распускала рѣдко. Имѣлось у ней также легонькое золотое пенснэ на тонкомъ черномъ шнуркѣ, которое она изрѣдка надѣвала, но такъ, чтобъ никто не видѣлъ, въ особенности »папочка«, и нахо-

дила, что оно къ ней идетъ, хотя была увѣрена, что носить пенснэ неприлично.

Леночка ни съ кѣмъ не сходилась, даже рѣдко съ кѣмъ знакомилась. На вечерахъ, которые изрѣдка давалъ ея отецъ, роль хозяйки играла жена ротнаго командира Юскевича, полная и расторопная пани, съ румяными щеками. Леночка не любила ея, смутно догадываясь объ отношеніяхъ ея къ отцу. Двѣ-три польскихъ семьи, гдѣ были молодыя дѣвушки, держались въ сторонѣ. Эти дѣвушки ходили въ черныхъ траурныхъ платьяхъ. Молодые офицеры успѣли какъ-то быстро переженіться въ »замиренномъ« краѣ, но жены ихъ не хотѣли говорить по-русски, и Леночка чувствовала себя неловко въ ихъ обществѣ. Русскія полковыя дамы походили на пани Юскевичъ. Была одна, жена военнаго врача, повидимому, не чета другимъ, молодая дама, Діаконова, но отецъ поссорился съ Діаконовымъ. Впослѣдствіи, Леночка узнала, что Діаконова гражданская жена доктора, а не законная, съ которой онъ не жилъ. Услы-

шавъ объ этомъ, Леночка сдѣлала строгіе глаза, но всю ночь не могла заснуть и до разсвѣта думала о Діаконовой, съ которой теперь ужь ни въ какомъ случаѣ нельзя сойтись — неприлично, даже еслибы Діаконовъ и помирился съ отцомъ... Немногіе молодые люди, остававшіеся не женатыми, не нравились Леночкѣ. Они были слишкомъ грубы, пьянствовали и буянили, и самъ майоръ Брилліантовъ находилъ, что чиновники эти »омрачаютъ русское имя«. Польскіе юноши исчезли во время повстанья. Такимъ образомъ, Леночка жила одинокой и не питала большой надежды выйти замужъ.

Нѣжность свою она изливала на отца. Послѣ обѣда, когда старикъ дремалъ въ вольтеровскомъ креслѣ (украшенномъ чеканеными бронзовыми гербами Хронщей), она подходила къ нему и съ улыбкой смотрѣла на него. Онъ открывалъ глаза, и тогда она бросалась къ нему на шею, точно дѣвочка, съ ласковымъ вскрикомъ, и цѣловала его въ морщинистыя щеки. Майоръ снова засыпалъ подъ эти поцѣлуи.

Однако, она продолжала сидѣть возлѣ отца, сторожа его сонъ, обмахивая мухъ; ей нравилась роль любящей дочери.

Поцѣлуями и ограничивались, впрочемъ, всѣ отношенія Леночки къ отцу. Майоръ рѣдко разговаривалъ съ нею. Если же начиналъ разговоръ, то всегда въ томъ тонѣ, въ какомъ бесѣдуютъ взрослые съ дѣтьми. Онъ не былъ скупъ, дарилъ Леночкѣ иногда по бѣленькой на булавки и не прочь былъ выдать ее за »порядочнаго« человѣка. Когда онъ говорилъ ей объ этомъ, она краснѣла и произносила:

— Ахъ, папочка!

Одно время Петръ Алибеичъ Терюхановъ серьезно ухаживалъ за Леночкой. Петръ Алибеичъ былъ еще молодой человѣкъ, лѣтъ тридцати, приземистый, широкоплечій, скуластый татаринъ, всегда въ пестрыхъ брюкахъ, безукоризненномъ бѣльѣ и черномъ сюртукѣ. Онъ широко улыбался, обнажая крупные бѣлые зубы, и велъ себя развязно, пристально поглядывая на Леночку; его черные масля-

нистые глаза умѣли смотрѣть какъ-то отдѣльно на каждую часть тѣла, такъ что Леночкѣ, подъ этими взглядами, становилось иногда стыдно. Человѣкомъ онъ считался умнымъ, учился даже въ университетѣ, но могъ бесѣдовать только о самыхъ незначительныхъ вещахъ, и любимою фразою его было: »А какая *мнѣ* отъ того польза?« Ему казалось, что весь міръ существуетъ для него. Майоръ снисходительно посматривалъ на Петра Алибеича и, повидимому, охотно выдалъ бы за него Леночку. Леночка съ удовольствіемъ отдала бы свою руку кому-нибудь получше. Но и Петръ Алибеичъ былъ не послѣдній женихъ. Леночка стала задумываться, и ее начало интересовать, что будетъ, если она выйдетъ замужъ — не за Петра Алибеича, а *вообще*. Петръ Алибеичъ улыбался чуть не до ушей, носилъ за Леночкой шаль, говорилъ о своихъ казанскихъ земляхъ (хорошія земли!), лошадяхъ (хорошія лошади!), но въ любви не объяснялся, а только все *по своему* смотрѣлъ на Леночку. Ухаживаніе продолжалось цѣлый мѣсяцъ.

Брилліантовъ, добывъ копію съ послужного списка Терюханова, чтобъ удостовѣриться, имѣется ли у будущаго зятя приличная недвижимость, узналъ, что Петръ Алибеичъ женатъ, хотя съ женой и не живетъ. Съ Петромъ Алибеичемъ вышло крупное объясненіе. Леночкѣ папочка нарвалъ уши и сказалъ нѣсколько такихъ словъ, которыхъ въ институтѣ ей слышать не приходилось. Леночка была оскорблена, она горько плакала и не понимала, въ чемъ она провинилась; смыслъ папочкиныхъ словъ былъ сначала не ясенъ для нея; но когда пани Юскевичъ растолковала въ чемъ дѣло, съ Леночкой сдѣлалась истерика.

Это произошло въ первый годъ по выходѣ ея изъ института. Она давно помирилась съ папочкой, избѣгаетъ встрѣчаться съ Петромъ Алибеичемъ и вообще съ мужчинами, и ей кажется, что съ тѣхъ поръ у ней на многое открылись глаза.

Даже на папочку открылись глаза...

Но папочка убѣжденъ, что она ничего не видитъ; онъ продолжаетъ смотрѣть на

нее, какъ на дѣвочку, и только иногда, встрѣтивъ загадочно устремленный на него взглядъ большихъ синихъ глазъ Леночки, вдругъ смутится и спроситъ себя: »Ужь не знаетъ ли она чего на счетъ *того* дѣла? Не познакомилась ли она съ Діаконовыми?..« Походитъ майоръ, покуритъ, ласково потреплетъ Леночку по щекѣ и успокоится. »Невинна, какъ ангелъ!« »Ну, ступай себѣ, скажетъ, въ свою комнату, не мѣшай мнѣ... А, да отстань съ своими поцѣлуями... Ну, ну, цѣлуй... На, вотъ тебѣ на булавки«... Леночка выйдетъ, бродитъ, раскраснѣвшаяся, по саду, и къ любви ея къ отцу примѣшивается горькое чувство. Сырой воздухъ вѣетъ ей въ лицо, Крулевское болото тоскливо разстилается передъ Леночкой, и ей кажется, что лучше всего быть одной.

II

Весна 1868 года была поздняя. Въ мартѣ случались снѣжныя бури. Лежали цѣлыя горы снѣгу. Волки олютѣли и кидались иногда на людей, даже въ чертѣ города. По низко-нависшему небу мчались тучи, холодный вѣтеръ зловѣще раскачивалъ сосны. Городъ Александрійскъ заметало снѣгомъ. Въ половинѣ марта стало легче. Небо засинѣло, выглянуло солнце. Но вдругъ пронесся ураганъ, поломалъ деревья, сорвалъ съ церкви Всѣхъ Святыхъ (передѣланной изъ костела) желѣзные листы, разметалъ на многихъ домахъ крыши. Послѣ этого, съ юга подуло тепломъ, снѣгъ быстро растаялъ, небо угомонилось. Мягкій, сырой туманъ поднялся надъ городомъ, надъ болотами; въ двухъ шагахъ ничего нельзя было видѣть; только слышно, какъ журчитъ вода. Постепенно журчаніе превратилось въ глухой ропотъ. Наконецъ, вода заревѣла, вздулись болота, слились съ рѣками, за-

топили окрестныя и дальнія мѣстечки и деревушки, и городъ сталъ островомъ, затерявшимся среди океана грязи и полой воды.

Ежедневно изъ затопленныхъ деревень пріѣзжали въ городъ, на паромахъ, высокіе свѣтлоглазые люди въ бѣлыхъ войлочныхъ шапкахъ (*магеркахъ*), съ дѣтьми и женами, обутые въ худые лапти. За плечами у нихъ висѣли кошели, изъ древесной коры, и они медленно ходили по городу, по колѣно въ грязи, прося милостыни подъ окнами. Леночка нѣсколько разъ подавала этимъ людямъ по копейкѣ, по двѣ. Ночевали они въ старыхъ заброшенныхъ городскихъ баняхъ, но скоро наплывъ ихъ сталъ такъ великъ, что имъ негдѣ было помѣщаться, и на одной только площади, возлѣ церкви Всѣхъ Святыхъ расположилось болѣе двадцати семействъ. Горожане волновались — они боялись, что начнутся кражи. Ворота и калитки хозяева держали вездѣ на запорѣ.

Въ одинъ особенно туманный, но теплый апрѣльскій день, Леночка надѣла мѣховую

кофточку и вышла въ садъ, гдѣ главная дорожка была устлана досками. Она стала ходить по доскамъ. На ней были варшавскіе башмаки, стукъ ихъ высокихъ каблуковъ привлекъ вниманіе майора Бриллiантова, и онъ присоединился къ дочери.

— Здравствуй, Леночка!

— Здравствуй, папочка.

Она поцѣловала у него руку и посмотрѣла ему въ лицо.

— Папочка, здоровъ?

— Надѣюсь, что здоровъ.

Въ самомъ дѣлѣ, лицо у майора было красное, даже смугло-красное, что составляло странный контрастъ съ бѣломолочной пеленой тумана, висѣвшей вокругъ. Повидимому, майоръ съ годами не старѣлъ. Только глаза становились мутнѣе, да все замѣтнѣе серебрилась сѣдина на вискахъ.

— Папочка, въ этомъ году мнѣ хотѣлось бы пунсовыхъ розъ. А тутъ я хочу посѣять душистый горошекъ. Слышишь?

— Пунцовыхъ розъ?.. А сказать тебѣ новость, Леночка?

— Скажи.

Леночка улыбнулась и, взглянувъ на отца, увидѣла, что лицо у него ласковое.

— У Петра Алебеича жена умерла. Это вѣрно. Онъ будетъ у насъ на праздникахъ, а можетъ и раньше. Можетъ, сегодня. Пріодѣнься.

Леночка вдругъ забыла о розахъ и душистомъ горошкѣ и шла, потупивъ глаза... У ней вспыхнули уши, и загорѣлось лицо.

— Конечно, я тогда хорошо сдѣлалъ, что вмѣшался, началъ майоръ. — Правда, я поступилъ жестоко, Леночка. Я солдатъ, Леночка, и всѣхъ этихъ деликатностей не понимаю. Я прямо рублю, Леночка. Ты была тогда дѣвочка неопытная, и мало ли что могло выйти. Мы мужчины — намъ пальца въ ротъ не клади! Но теперь, Леночка, продолжалъ онъ: — дѣло другое. Ты ужь взрослая... Тебѣ двадцать лѣтъ. Петръ Алибеичъ тебѣ нравится...

— Папочка!

— Хорошо, я буду скроменъ. Скажу только, что Петръ Алибеичъ — чудесная

партія. Жениховъ тутъ не скоро дождешься. Надо пользоваться случаемъ... А?

Леночка молчала.

— Увѣренъ, впрочемъ, что ты поступишь такъ, какъ прикажетъ тебѣ сердце.

Онъ лукаво прищурился. Леночка отвѣчала:

— Вы можете быть увѣрены, папочка.

— И, конечно, не захочешь огорчить меня! заключилъ онъ и самъ поднесъ Леночкѣ руку.

Въ тотъ день Леночка все послѣ-обѣда не выходила изъ своей комнаты, украшенной портретомъ папочки въ круглой золотой рамѣ и двумя межигорскими фарфоровыми вазами съ гербами Хронщей. Изъ дальнихъ комнатъ слышалась флейта майора; подъ окномъ, почти надъ самымъ ухомъ Леночки, просили хлѣба мужики. Она плотно закрыла дверь и форточку, потому что ее раздражали и флейта, и нищіе.

Вечеромъ, къ Брилліантову собрались гости. Въ залѣ горѣли лампы, симметрично висѣвшія на бронзовыхъ кронштейнахъ

вдоль стѣнъ, выкрашенныхъ свѣтло-розовой краской. Передъ окнами, съ филейными гардинами и темнаго бархата подзорами, стояли въ зеленыхъ кадкахъ большіе фикусы, пальмы, олеандры.

Когда Леночка, по требованію папочки, вышла къ гостямъ, она прежде всего увидѣла, что Петра Алибеича нѣтъ. Она съ облегченіемъ перевела духъ. Поздоровавшись съ гостями, Леночка сѣла возлѣ дамъ, и на вопросъ капитана Юскевича, какъ она поживаетъ? отвѣтила:

— Благодарю васъ! Хорошо.

Майоръ искоса посмотрѣлъ на нее — ему не понравилось, что она надѣла простенькое платье — и продолжалъ прерванный ея появленіемъ разговоръ.

Рѣчь шла о мужикахъ.

— Представьте, побросали въ деревняхъ стариковъ и старухъ! Будетъ масса мертвыхъ тѣлъ! говорилъ онъ.

— Жиды бѣгутъ тоже, замѣтилъ помощникъ исправника, Дейкуновъ.

— Вотъ что, произнесъ майоръ: — надо бы насчетъ паспортовъ. Нѣтъ паспор-

та — вонъ! проваливай назадъ, въ болото. Этакимъ способомъ мы хоть немного очистимъ городъ...

Майоръ говорилъ, какъ человѣкъ, власть имѣющій. Помощникъ исправника поддакивалъ. Но когда майоръ заговорилъ о паспортахъ, Дейкуновъ замолчалъ.

— Мертвыхъ тѣлъ тогда будетъ еще больше, сказалъ молодой человѣкъ, сидѣвшій поодаль, одѣтый во все черное, съ бритымъ блѣднымъ лицомъ и красивыми свѣтлыми волосами. Когда Леночка вошла, онъ всталъ. Но майоръ не представилъ его. Теперь Леночка невольно посмотрѣла въ его сторону.

— Господинъ Михольскій едва ли свѣдущъ въ этомъ дѣлѣ, возразилъ майоръ. — Вы извините, господинъ Михольскій, это ужь у меня такая натура: всѣмъ говорю правду-матку въ глаза. Я солдатъ.

— Да. Я не въ претензіи, проговорилъ Михольскій.

Брилліантовъ слегка покраснѣлъ. Онъ сталъ въ полголоса бесѣдовать съ судьею.

Черезъ нѣкоторое время Дейкуновъ вернулся къ прежнему вопросу.

— Во всякомъ случаѣ, надо что-нибудь предпринять. Конечно, Егоръ Егорычъ лучше меня знаетъ, что. Онъ начальникъ уѣзда. А я такъ только говорю — личное мнѣніе. Тифъ начался...

— Голодъ, замѣтилъ Михольскій.

— И голодъ. Слѣдовало бы приказать головѣ позаботиться о народѣ. Вотъ и Діаконовъ говоритъ: прежде всего размѣстить по домамъ, какъ солдатъ, а потомъ, разумѣется, донести по начальству...

— Діаконовъ сумасбродъ и опасный человѣкъ, заявилъ майоръ.

— У него маленькая квартира, возразилъ Михольскій, окидывая взглядомъ залу: — и однако же онъ пріютилъ у себя дѣтей этихъ насчастныхъ.

На послѣднемъ словѣ Михольскій сдѣлалъ удареніе. Майоръ на этотъ разъ совсѣмъ не остановилъ вниманія на Михольскомъ, но Леночка опять посмотрѣла на него. У Михольскаго былъ нѣжный,

но самоувѣренный голосъ, и онъ сидѣлъ, держа руки по-наполеоновски, заложивъ ногу за ногу.

— »Кто это?« подумала она.

— Это актеръ, шопотомъ сказала ей молоденькая жена помощника исправника, какъ бы въ отвѣтъ на ея мысль.

— »Актеръ!«

Леночка никогда не видѣла такъ близко актеровъ.

Дейкунова наклонилась къ ней и продолжала:

— Зимой онъ игралъ въ Вильнѣ. О, очень извѣстный актеръ! Здѣсь онъ пробудетъ весну. Знаете, милочка, актеры весной всегда кладутъ зубы на полку. Егоръ Егорычъ предлагалъ ему устроить здѣсь театръ. Ахъ, это было бы недурно! Русскій театръ здѣсь необходимъ! Мы начинаемъ разучиваться по-русски. Недавно я своего муженька »галганомъ« назвала. Мы полонизируемся! А Егоръ Егорычъ получилъ бы благодарность отъ начальства. Но, конечно, Михольскому невыгодно. Глушь, какіе тутъ сборы?

Помолчавъ, она опять наклонилась къ Леночкѣ.

— Надо вамъ знать, что Михольскій какой-то родственникъ или просто братъ Діаконовой, то-есть не Діаконовой, а какъ бы вамъ сказать... ну, да вы знаете, жены Діаконова.

Леночка въ третій разъ взглянула въ сторону Михольскаго. Глаза его встрѣтились съ глазами Леночки.

Вошла пани Юскевичъ, шумя шелковымъ платьемъ бураковаго цвѣта. Двѣ горничныя внесли на подносахъ чай и сухари. Егоръ Егорычъ съ нетерпѣніемъ взглянулъ на двери; Петра Алибеича нѣтъ, а между тѣмъ онъ обѣщалъ быть. Майоръ пожалъ плечами, молча взялъ стаканъ и подлилъ коньяку. Дамы, за исключеніемъ Леночки, тоже подлили себѣ коньяку.

Не смотря на интересъ, какой могло внушать несвенцянскимъ чиновнымъ тузамъ, собравшимся на вечеръ къ Бриллiантову, наводненіе, о немъ говорили недолго. Вяло поговорили о перемѣнахъ въ составѣ виленскаго генералъ-губернатор-

ства, о томъ, что поляки опять, кажется, начинаютъ шевелиться, объ интригахъ Наполеона III, о протопопѣ, которому жена измѣнила. И весьма оживились, когда были предложены карты.

Въ кабинетѣ майора началась игра. Въ пулькѣ приняли участіе помощникъ исправника, судья, капитанъ и самъ Брилліантовъ. Въ кабинетъ горничныя, то и дѣло, носили пунши.

Въ залѣ остались только дамы и Михольскій. Дамы ѣли варенье. Дейкунова взяла стаканъ, наполнила его до половины вишневымъ сиропомъ и разбавила ромомъ.

— Я такъ люблю, пояснила она Леночкѣ.

Глаза у этой барыни съузились, и носикъ покраснѣлъ. Она не стѣснялась и быстро опорожнила стаканъ.

— Присаживайтесь къ намъ! крикнула она Михольскому.

Михольскій всталъ, подошелъ и сѣлъ недалеко отъ Леночки.

— Хотите, я и вамъ варенья съ

*

ромомъ сдѣлаю? спросила его Дейкунова.

— Нѣтъ, благодарю. Я, вы знаете, не пью.

Леночка сидѣла, опустивъ глаза. Михольскій курилъ. Онъ видѣлъ, что у ней большія темныя рѣсницы, слабый румянецъ, нѣжно раздвоенный подбородокъ и мягкія очертанія груди.

— Дайте мнѣ папиросу! сказала Дейкунова.

Михольскій раскрылъ портъ-сигаръ и протянулъ его Дейкуновой. Она, прищурившись, смотрѣла на Михольскаго и улыбалась. Въ головѣ у ней уже слегка шумѣло. И едва она дотронулась до портъ-сигара, какъ портъ-сигаръ опрокинулся, и папиросы посыпались на колѣни Леночки.

Леночка смутилась. Она сидѣла неподвижно.

— Позволите? произнесъ Михольскій.

Пока она молчала, онъ сталъ собирать папиросы. Было мгновеніе, когда ей показалось, что она чувствуетъ легкое при-

косновеніе его пальцевъ. Но это только показалось. Вдругъ она вскочила, двѣ-три папиросы упали на полъ. Жена помощника исправника смѣялась и говорила:

— Ахъ, что я надѣлала, что я надѣлала!

Михольскій ловко нагнулся, не вставая со стула, и поднялъ папиросы.

— Простите, сказалъ онъ Леночкѣ: — я васъ потревожилъ.

Она покраснѣла. Въ этомъ обращеніи ей послышалось приглашеніе занять прежнее мѣсто. Она сѣла и стала поправлять волосы, хотя они были въ порядкѣ.

— Послушайте, продекламируйте что-нибудь! обратилась къ Михольскому Дейкунова, закуривъ папироску. — Нѣтъ, душечка, какъ онъ декламируетъ!

— Будете очень любезны... почти прошептала Леночка.

Она думала, что онъ станетъ отказываться, ломаться, ссылаться на то, что нѣтъ расположенія, какъ жандармскій капитанъ Буханцевъ, который, ежели бываетъ у нихъ, то всегда поетъ, и

недурно, но зато предварительно всѣхъ истомитъ тѣмъ, что заставляетъ себя упрашивать чуть не на колѣняхъ.

Но Михольскій какъ будто даже обрадовался.

— Очень хорошо!

Леночка еще сильнѣе покраснѣла, но перестала чувствовать себя неловко. Майоръ торопливо вошелъ въ залу и, посмотрѣвъ на дверь, опять ушелъ въ кабинетъ. Леночка поняла, зачѣмъ выбѣгалъ папочка. »Нѣту Петра Алибеича, нѣту!« подумала она и улыбнулась.

— Э, да здѣсь вамъ будутъ мѣшать, произнесла пани Юскевичъ. — Пойдемте, господа, въ ту гостиную! Прасковья Ивановна! Леночка!

Впереди пошла она съ Дейкуновой, позади Леночка съ Михольскимъ.

— Вы знаете, что я актеръ? спросилъ Михольскій, когда они проходили по узенькой комнатѣ, увѣшанной гравюрами и картинами и слабо освѣщенной синимъ фонаремъ.

— Знаю... Мнѣ сказали.

Слѣдующая комната была больше. Тутъ находилось фортепьяно, мебель старинная, кожанная, съ золотыми тисненіями, въ углу стояло огромное зеркало, въ которомъ, при свѣтѣ единственной свѣчи, горѣвшей въ высокомъ бронзовомъ подсвѣчникѣ, Леночка увидѣла свое отраженіе — увидѣла и пожалѣла, зачѣмъ не къ лицу одѣта.

Михольскій обратился къ ней.

— Любите вы Некрасова?

Она читала Некрасова, но многое забыла.

— Люблю.

— Я прочитаю вамъ »Парадный Подъѣздъ«, сказалъ Михольскій, закладывая руку за бортъ сюртука.

Дамы сѣли. Прасковья Ивановна полулегла на низкомъ диванчикѣ и, прищурясь, съ восторгомъ смотрѣла на молодого человѣка. Пани Юскевичъ пытливо взглянула на Леночку. А та сидѣла на стулѣ и сначала слушала, потупивъ глаза.

Михольскій читалъ по-актерски, кругло выговаривая каждое слово. Леночка удиви-

лась, что это такіе стихи. Вдругъ ей стало казаться, что рѣчь идетъ о папочкѣ и о мужикахъ, которые уже цѣлую недѣлю бродятъ по городу, въ лаптяхъ, съ голодною тоскою поворачивая направо и налѣво свои худыя мрачныя лица. Не думаетъ ли Михольскій, что вельможа, о которомъ говорится въ стихахъ, похожъ на папочку? Она подняла глаза. Теперь она все смотрѣла на Михольскаго, на его блѣдное лицо, вдругъ ставшее красивымъ. Когда Михольскій кончилъ читать, Леночка не могла удержать слезъ. Онѣ сверкали на ея ресницахъ; она улыбалась и протягивала ему руку, молча благодаря его.

Прасковья Ивановна осталась, однако, недовольна. Она стала просить Михольскаго еще что-нибудь »исполнить«. Михольскій отказался.

— Что-нибудь веселенькое!

— Въ самомъ дѣлѣ, панъ Михольскій! проговорила пани Юскевичъ.

— Что-нибудь противъ правительства!

Михольскій взглянулъ на Прасковью Ивановну.

— У, бука! проворчала она.

Пани Юскевичъ выразила надежду, что Михольскій потомъ будетъ любезнѣе. Михольскій поклонился. Она велѣла перенести въ эту комнату варенье и ромъ и ушла хлопотать объ ужинѣ.

Леночкѣ понравилось, что Михольскій не захотѣлъ больше читать...

Прасковья Ивановна ѣла варенье, поливая его ромомъ. Иногда она вмѣшивалась въ разговоръ Михольскаго съ Леночкой. Глазки у ней посоловѣли, носикъ совсѣмъ сталъ алымъ, и она оттопыривала нижнюю губу. Скажетъ что-нибудь, увидитъ, что Михольскій или Леночка на нее смотрятъ, оттопыритъ нижнюю губу и расхохочется.

Михольскій все время говорилъ. Леночка потомъ не могла припомнить, какъ завязался этотъ разговоръ. Она думала, что Михольскому скучно съ ней, и старалась показать, что цѣнитъ его вниманіе. Она слушала, улыбаясь, и когда онъ справлялся о литературныхъ вкусахъ ея, торопъ-

ливо отвѣчала, опасаясь, чтобъ онъ не принялъ ее за круглую дуру. Шекспиръ великій драматуръ, Тургеневъ достоинъ похвалы. Михольскій говорилъ о новыхъ книгахъ, журналахъ, о провинціальной скукѣ. Заговорилъ о »новыхъ« людяхъ. »Вотъ, напримѣръ, Діаконовы«. Леночка слушала и глядѣла на него. Онъ любилъ закладывать руку за бортъ сюртука и говорилъ не громко, чуть не въ полголоса, но это еще больше заставляло Леночку слушать — точно Михольскій не говоритъ, а сговаривается съ нею. Глаза у него были добрые, темно-сѣрые, выпуклые. Ему было не больше двадцати семи лѣтъ. Но вокругъ его глазъ уже легли морщины. Щеки были худыя, губы тонкія, и острый подбородокъ.

О себѣ онъ ничего не сказалъ. Но нѣсколько разъ возвращался къ Діаконовымъ и, наконецъ, спросилъ:

— Вѣдь вы не знакомы?

— Когда-то я видала m-me Діаконову...

— Познакомьтесь.

Леночка потупилась.

— Мелкое дѣло — взять нищихъ ребятишекъ, обмыть, обчесать, одѣть, накормить... Да вѣдь здѣсь никого въ городѣ не найдется, кто бы на это рѣшился. А они рѣшились, себя стѣснили... Нѣть, это люди!

— Мнѣ хотѣлось бы принять участіе въ этихъ дѣтяхъ, сказала Леночка въ волненіи.

— Превосходно. Вотъ вы съ Діаконовой на этомъ и сойдитесь. Хотите, я завтра приду съ ней?

— Къ намъ?

— Къ вамъ. Она мнѣ близкій человѣкъ. Ей тяжело одной. Будетъ хорошо, если вы раздѣлите съ ней матеріальныя заботы...

Леночка колебалась. Но Михольскій пристально смотрѣлъ на нее.

— Хорошо.

— Не бойтесь, добавилъ Михольскій съ улыбкой: — возиться съ дѣтьми придется не долго. Черезъ нѣсколько дней, вода начнетъ убывать. Родители возвратятся къ своимъ пепелищамъ и, разумѣется, дѣтей не бросятъ.

— Я не боюсь... этого, отвѣчала Леночка.

Пулька была сыграна рано. И пока Юскевичъ съ помощникомъ исправника выводилъ мелкомъ на зеленомъ сукнѣ цифры, сосчитывая проигрышъ и выигрышъ, майоръ озабоченно прошелъ въ третью комнату, туда, гдѣ бесѣдовали молодые люди. Онъ спросилъ, гдѣ пани Юскевичъ. Леночка машинально указала на боковую дверь. По уходѣ отца, она страшно покраснѣла. Сердце ея билось отъ неопредѣленнаго испуга. Она подсѣла къ Прасковьѣ Ивановна и обняла ее. Та дремала, но вдругъ проснулась, тупо взглянула на Леночку, на Михольскаго и, потянувшись, сказала:

— А, какая скука!

Въ залѣ уже накрыли столъ большой бѣлой скатертью. Старое серебро, граненый хрусталь и голубая сталь ножей сверкали при свѣтѣ лампъ. Въ графинахъ переливались топазами и рубинами меды и наливки. Въ красивой суповой вазѣ, расписанной пестрыми маками, дымился

супъ. Всю эту трапезную обстановку Леночка хорошо знала — это была торжественная обстановка, и дорогая посуда выносилась только для рѣдкихъ и дорогихъ гостей. Очевидно, папочка ждалъ Петра Алибеича до послѣдней минуты. Теперь папочка стоитъ и сердито крутитъ усъ. Но надо быть гостепріимнымъ. Вотъ онъ вѣжливо приглашаетъ судью, помощника исправника, Михольскаго, капитана. Пани Юскевичъ занимаетъ мѣсто хозяйки передъ суповой вазой. Прасковья Ивановна, слегка пошатываясь, помѣщается между мужемъ и Михольскимъ. »Садись, Лена«, говоритъ папочка. И Леночка садится. Налѣво отъ Леночки — никѣмъ не занятое мѣсто. На этомъ стулѣ, вѣроятно, сѣлъ бы Петръ Алибеичъ, еслибы пришелъ. Черезъ столъ Леночка могла видѣть, какъ Михольскій подноситъ ко рту ложку. Ѣстъ онъ съ большимъ аппетитомъ, и Леночка сама находитъ, что супъ вкусный.

За ужиномъ Михольскій мало говорилъ. Онъ только сказалъ нѣсколько словъ сосѣдкѣ. Папочка спорилъ о чемъ-то съ

судьею, и нельзя было разслышать, что такое сказалъ Михольскій. Но почему Прасковья Ивановна закрыла молодому человѣку ротъ рукой? Странныя отношенія. Въ свою очередь, Прасковья Ивановна сказала Михольскому что-то, и онъ улыбнулся.

Ужинъ кончился, и мужчины перешли въ кабинетъ майора, гдѣ сѣли за новую пульку, снявъ сюртуки. Михольскій взялся за шапку. Прасковья Ивановна тоже собралась домой. Мужъ игралъ, и некому было бы проводить ее, еслибъ не Михольскій.

— Намъ вмѣстѣ. — До свиданія, Елена Егоровна!

Прасковья Ивановна долго цѣловала Леночку.

— Приходите, душечка, къ намъ. — Какъ будетъ весело! А его заставимъ сказать что-нибудь этакое...

Она подмигнула и расхохоталась.

— Не правда ли?

Михольскій стоялъ поодаль и молчалъ.

Леночка льстиво сказала Михольскому:

— Никогда не забуду вашего чтенія.

Онъ вскинулъ на нее глаза, большіе и добрые, и поклонился. Кажется, онъ самъ не сомнѣвался, что читаетъ хорошо.

Затѣмъ онъ помогъ Прасковьѣ Ивановнѣ завязать оренбургскій платокъ и, надѣвъ барашковое пальто, изрядно поношенное, еще разъ простился съ Леночкой.

Въ залѣ пани Юскевичъ суетилась около стола. Эта комната вдругъ опустѣла. Въ слѣдующей комнатѣ догоралъ синій фонарь, и стекла гравюръ, и золоченыя рамы картинъ то вспыхивали, то потухали въ волнахъ трепетнаго сумрака. Тамъ, гдѣ читалъ Михольскій, слышался еще запахъ табаку. На полу бѣлѣла папироса, и Леночка вспомнила, какъ уронилъ папиросы Михольскій. У ней щеки загорѣлись. Она подняла папиросу и спрятала въ карманъ.

Въ ея спальнѣ штора была опущена. Но лунный свѣтъ острыми зеленоватыми полосками пробивался по бокамъ шторы, изъ щелей. Леночка услышала шумъ голосовъ, доносившихся съ улицы. Она

быстро откинула штору и, отворивъ форточку, стала смотрѣть на улицу.

Легкій туманъ серебрился, разстилаясь по землѣ. Было свѣтло. Вправо темнѣлъ силуэтъ медленно удалявшихся дрожекъ, съ двумя сѣдоками, и слышался смѣхъ Прасковьи Ивановны, добрый, безсмысленный, странно звучавшій среди ночного безмолвія, въ которое былъ погруженъ городъ.

Леночка нѣсколько минутъ смотрѣла въ ту сторону. А когда все стихло, она оставила окно и сѣла на кровать. Пришла горничная со свѣчей, чтобъ раздѣть барышню. Барышня машинально позволила себя раздѣть, легла, но долго не могла заснуть.

III

Леночка встала поздно. Майоръ уже уѣхалъ въ свое управленіе. Горничная

принесла ей чай въ спальню, но Леночка до чая не дотронулась. Она причесала передъ зеркаломъ волосы и вынула изъ шкафа свѣтлое платье. Она сама пришила къ нему чистенькій воротничекъ и, когда одѣлась, то долго смотрѣлась въ зеркало. День былъ пасмурный. Леночка осталась довольна осмотромъ. У ней сегодня очень блѣдное лицо. Приказавъ горничной уйти, Леночка заперла на ключъ дверь и достала изъ шкатулки пэнснэ. Она примѣрила его. Пэнснэ странно измѣняло выраженіе ея лица. Это задумчивое лицо вдругъ дѣлалось безпечнымъ. Леночка улыбнулась.

— Христа радзи... раздался подъ окномъ жалобный возгласъ.

Сердце у Леночки тревожно забилось. Она сбросила пэнснэ и стала искать денегъ. Но мелкихъ не было, и въ серебряномъ портмонэ лежали все крупныя деньги: десятирублевая бумажка, три зелененькихъ, сотенная и два полуимперіала. Былъ, впрочемъ, серебрянный пятачокъ. Но она пожалѣла пятачка. Ле-

ночка схватила крендели и сдобный хлѣбецъ съ лоточка и подала нищему.

Послѣ чего она спрятала пэнснэ и отперла дверь.

— Если кто придетъ съ дамой... сказала она горничной, потупивъ глаза: — то проси прямо въ маленькую гостиную и сейчасъ же мнѣ доложи... Слышишь — сейчасъ же?! Мнѣ!

Подойдя къ окну, Леночка долго смотрѣла въ открытую форточку. Въ лужахъ мутной воды отражалось сѣрое небо, по которому вѣтеръ гналъ облака. Гуськомъ, вооруженные длинными палками, переходили улицу мужики въ своихъ бѣлыхъ свитахъ и магеркахъ. Вдругъ, разбрызгивая грязь и звеня наборной сбруей, показалась тройка; лошади были всѣ въ мылѣ. Мужики посторонились. Въ бричкѣ сидѣлъ Петръ Алибеичъ. Увидѣвъ Леночку, онъ поклонился ей. Она откинулась назадъ, лицо у ней вспыхнуло. »Что онъ, мимо проѣдетъ?« задала она себѣ вопросъ. Нѣтъ, Петръ Алибеичъ, очевидно, пріѣхалъ къ нимъ. Бричка останови-

лась, и лошади храпятъ у самаго крыльца. Вотъ звонокъ. Леночка приложила руку къ сердцу и испуганно смотрѣла на дверь.

Вбѣжала горничная.

— Терюхановъ!

— Скажи ему, начала Леночка шопотомъ: — что папочка въ канцеляріи...

— Говорятъ, что васъ хотятъ видѣть...

Леночка встала.

— Иду...

Но она не сейчасъ вышла. Ее кидало въ жаръ и въ холодъ.

Терюхановъ сидѣлъ въ залѣ и игралъ толстой золотой цѣпочкой часовъ. Леночка подошла къ нему, и онъ, улыбнувшись и медленно осмотрѣвъ ее съ ногъ до головы, пожалъ ей руку долгимъ пожатіемъ.

— Давно мы не видались съ вами, Лена Егоровна, заговорилъ онъ. — Страхъ какъ похорошѣли, но только надо пополнѣть.

Она сѣла возлѣ него.

— Вы меня ждали вчера, и вашъ папенька гостей созывалъ, началъ Терюха-

*

новъ: — однакоже я не могъ быть, оттого, что нездоровилось, и вы ужь, пожалуйста, Лена Егоровна, не сердитесь на меня.

Онъ самодовольно посмотрѣлъ на дѣвушку.

— Болѣзнь не шутка! Теперь здѣсь эпидемія, и такъ у меня голова горѣла весь вечеръ, и даже всю ночь, а сердцу было холодно, что я подумалъ: навѣрное, это горячка...

— Сегодня здоровы?

— Какъ васъ увидѣлъ, то сейчасъ сталъ здоровъ! любезно сказалъ онъ.

Леночка почувствовала, что онъ смотритъ на ея талію, и нахмурилась.

— Теперь голова холодна, продолжалъ онъ: — а сердце горячее... Ха-ха!

Леночка молчала.

— Беречься надо, заявилъ Терюхановъ серьезно. — Когда живешь, то радуешься, пьешь вино и кушаешь бифштексъ, а умрешь, то черви тебя будутъ кушать. Отчего вы не полнѣете? спросилъ онъ и взглянулъ на Леночкины ноги.

— Папочка еще не скоро! покраснѣвъ, произнесла дѣвушка.

— Я не про это васъ спрашиваю, объяснилъ Петръ Алибеичъ съ улыбкой. — Я зналъ, что вашъ папенька теперь въ канцеляріи дѣломъ занятъ. Я спрашиваю...

— Мнѣ кажется, это праздный вопросъ.

— Почему же?

— Такъ.

— О! Вотъ вы какъ научились теперь говорить!

Онъ крутилъ золотую цѣпочку.

— Былъ я недавно, началъ онъ: — въ имѣніи, которое мнѣ пожаловано отъ казны. Хорошее имѣніе! Тысяча десятинъ! Лѣсъ! Озеро! Рыба — такая! Недалеко. Надѣялся, что вотъ въ маѣ мѣсяцѣ вы бы съ папенькой пріѣхали ко мнѣ въ гости... или безъ папеньки... въ качествѣ...

Но онъ не договорилъ и сталъ барабанить пальцами по столу.

— Ну, да успѣемъ еще потолковать!

вскричалъ онъ, вставая. — Теперь — до свиданія!

Онъ взялъ Леночку за обѣ руки и долго держалъ ихъ въ своихъ.

— Папенька позвалъ! тянулъ онъ: — Я ему опять другъ. Баальшой другъ!! Не могъ вчера быть — пускай не сердится на меня. Чѣмъ больше себя беречь, тѣмъ больше пользы можно получить. А что съ вами дольше не сижу, то и у меня служба. Но не безпокойтесь. Часто къ вамъ буду теперь навѣдываться. Вы мнѣ опять понравились. Только повторяю — надо пополнѣть, молоко надо пить, сыворотку; надо ѣсть сметану, бифштексъ, на конѣ верхомъ ѣздить.

На крыльцѣ онъ встрѣтился съ Михольскимъ. Молодой человѣкъ снялъ передъ Терюхановымъ свой цилиндръ. Но Терюхановъ не узналъ Михольскаго, хоть и встрѣчался съ нимъ. Узкіе глаза его самодовольно блестѣли изъ-подъ круглой куньей шапки, и, при помощи лакея, онъ важно сѣлъ въ бричку. Михольскому показалось, что онъ нарочно не узналъ его. Актеръ

поблѣднѣлъ, челюсть его затряслась отъ гнѣва, и, глядя Терюханову въ слѣдъ, онъ проворчалъ по-польски:

— Psia krew.

Леночка еще не ушла изъ залы. Она увидѣла Михольскаго и удивилась, что онъ одинъ. Но она не стала спрашивать его о сестрѣ. Она указала ему на кресло, въ которомъ сейчасъ сидѣлъ Терюхановъ, а сама сѣла поодаль и ждала, что онъ скажетъ.

— Діаконова страшно занята, началъ Михольскій. Простите ее. Въ самомъ дѣлѣ, ей нельзя отлучиться. У ней теперь цѣлая дюжина чужой дѣтворы!

Волненіе его еще не совсѣмъ прошло, и когда онъ закуривалъ папиросу, пальцы его, желтые отъ табачнаго дыма, дрожали.

Леночка подумала, что еслибы папочка засталъ ее съ Михольскимъ, то не очень былъ бы доволенъ, и что благоразумнѣе было бы пригласить его въ маленькую гостиную, куда папочка рѣдко заходитъ. Но она это только подумала и спросила:

— Вы говорили вчера о матеріальной помощи. Много надо?

— Сколько можете?

Леночка раскрыла серебряный бумажникъ и подала Михольскому три зелененькихъ.

— Мало. Увѣряю васъ, умираютъ съ голоду.

Леночка покраснѣла и къ тремъ зеленькимъ прибавила десятирублевую бумажку.

Михольскій поблагодарилъ и спряталъ деньги.

»Ну, что? какъ Прасковья Ивановна«? съ улыбкой хотѣла спросить Леночка. Но слова не шли съ языка. Михольскій тоже молчалъ.

— Очень жаль, что Діаконова должна будетъ отложить на нѣкоторое время визитъ къ вамъ, началъ Михольскій. — Но еслибы — вы къ ней?..

Леночка робко произнесла:

— Со временемъ.

Михольскій закурилъ новую папиросу и сказалъ:

— Хотѣлось бы въ пользу этихъ несчастныхъ устроить какой-нибудь вечеръ. Я говорилъ съ Егоромъ Егорычемъ, и онъ разрѣшаетъ — но на праздникахъ. А теперь, говоритъ, вербная недѣля, потомъ страстная — нельзя...

— Ужъ папочка такой... замѣтила Леночка.

— Набожный?

— Да.

Михольскій посидѣлъ.

— Имѣю честь кланяться.

— Куда же вы?

— Надо уходить. Во-первыхъ, передать Діаконовой деньги, а во-вторыхъ — Прасковья Ивановна взяла съ меня слово, что не опоздаю къ завтраку. Есть, впрочемъ, и въ-третьихъ: желаніе не надоѣдать вамъ.

Леночка встала. Она его не удерживала. Ей хотѣлось пожелать ему хорошаго аппетита. Но она ничего не сказала. Можно сказать, она была холодна. Только, когда она протянула на прощанье руку молодому человѣку, взглядъ

ея красивыхъ глазъ безпокойно загорѣлся.

— Конечно, мы еще увидимся, произнесъ Михольскій.

— Вы не скоро уѣзжаете?

— Не такъ скоро.

— До свиданія...

Онъ ушелъ. Она глазами проводила его. Потомъ забралась въ свою комнату и цѣлый часъ сидѣла въ раздумьи. Она осталась недовольна своимъ поведеніемъ. Ей было стыдно вспомнить, какъ фамильярно обращался съ нею Петръ Алибеичъ. И она досадовала на себя, что такъ непривѣтлива была съ Михольскимъ. Наконецъ, ей было совѣстно, что она такъ мало дала денегъ. У ней мелькнула мысль положить въ конвертъ радужную и, при коротенькомъ письмѣ, послать Михольскому. Но жаль стало: эту сторублевку она ужь полгода бережетъ.

Папочка за обѣдомъ узналъ, что пріѣзжалъ Петръ Алибеичъ.

— А, татаринъ! губа не дура! сказалъ папочка и ущипнулъ Леночку за подбородокъ.

— Папочка! безсовѣстный!

— Вотъ сегодня — одѣта. Премило одѣта, Леночка!

— Барышни знаютъ, когда и что надѣть, замѣтила пани Юскевичъ значительно.

Леночка низко наклонила лицо надъ тарелкой.

Но майоръ былъ человѣкъ опытный. Отъ него нетолько не ускользнуло, что Леночка покраснѣла, но онъ поторопился даже объяснить себѣ причину этого смущенія. Онъ подмигнулъ пани Юскевичъ и сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ.

IV

Прошло нѣсколько дней. Надъ Несвенцянами продолжалъ стоять легкій туманъ; было сыро, но тепло. Люди умирали отъ тифа и, можетъ быть, отъ голода. Прогнанные съ улицъ и площади, что возлѣ церкви Всѣхъ Святыхъ, мужики почти насильно расположились на еврейскихъ дворахъ и

заняли всѣ помѣщенія, какія только могли: амбары, сараи, пустыя лавки. Послѣднія, впрочемъ, были предоставлены имъ самимъ городомъ. На базарѣ мужики собирались большими кучками противъ лавокъ и столиковъ съ съѣстными товарами и жадно смотрѣли на хлѣбъ, рыбу, лукъ, соль, крупу. Торговцамъ казалось, что въ томъ, какъ смотрятъ мужики, есть что-то угрожающее. Тѣмъ не менѣе, торговля велась бойко и, по случаю наводненія, все продавалось въ три-дорога.

У евреевъ наступали праздники Пасхи. Тѣсно и особенно грязно было въ той части города, гдѣ сосредоточивались евреи. Изъ затопленныхъ деревень въ городъ прибыло болѣе пятидесяти еврейскихъ семействъ, съ дѣтьми и перинами. Мужики, которыхъ собралось тысячи полторы, страшно стѣсняли и безъ того стѣсненное населеніе еврейскаго квартала. Евреи роптали, бранили и даже били мужиковъ, хотя и умудрялись взимать съ нихъ какіе-то гроши за постой. Мужики вздыхали или угрюмо молчали, апатично глядя на своихъ

бабъ, прижимавшихъ къ груди завернутыхъ въ тряпки младенцевъ. Ломиться въ дома они не рѣшались, да и мысль эта, кажется, не приходила имъ въ голову.

Однако, не было дома, гдѣ бы не боялись мужиковъ или »хлоповъ«. Думали, что они станутъ »пошаливать«. И евреи, какъ встревоженные муравьи, снуя по городу, поддерживали это опасеніе.

Дня за три до еврейскихъ праздниковъ, вдругъ пропала крестьянская дѣвочка, и слухъ объ этомъ съ странной быстротой облетѣлъ городъ. Описывали примѣты дѣвочки. Ей было тринадцать или четырнадцать лѣтъ, хорошенькая, волосы у ней бѣлые, глаза сѣрые, на щекѣ двѣ родинки, она глухонѣмая. Леночка вспомнила, что она видѣла такую дѣвочку наканунѣ, и подала ей копейку, а папочка сказалъ еще: »какая миленькая«.

Леночка напомнила ему объ этомъ. Но папочка не сталъ ее слушать и, махнувъ рукой, уѣхалъ. Ему надо было спѣшить, потому что слухъ о пропажѣ дѣвочки начиналъ сильно тревожить городъ.

Между тѣмъ кто-то, глядя на огромную партію *мацы*, которую везли евреи черезъ базарную площадь, сказалъ: »можетъ, жиды убили дѣвочку, потому что безъ крови имъ нельзя печь мацы, и кровь должна быть невинная«. Сказалъ онъ это зря, хотя и былъ убѣжденъ, наравнѣ съ другими несвенцянскими обывателями, что въ мацу евреи кладутъ христіанскую кровь, которую проливаютъ, впрочемъ, гдѣ-то очень далеко. Но сказанное зря подхватилось всѣми и дошло до Леночки уже въ утвердительной формѣ. Наводненіе помѣшало евреямъ добыть крови въ другомъ мѣстѣ... Дѣвочку истыкали иглами...

Вечеромъ, къ майору Брилліантову явились представители мѣстнаго кагала. Они стояли въ передней у порога и, при свѣтѣ стѣнной лампочки, можно было видѣть, какъ блѣдны и вытянуты ихъ лица. Они вздыхали и, пока майоръ сидѣлъ въ кабинетѣ и пилъ чай, евреи въ полголоса совѣщались между собой.

Наконецъ, вышелъ майоръ. Леночка, сидѣвшая въ это время въ залѣ, слышала,

какъ папочка сталъ кричать на евреевъ. Она замерла; ей всегда становилось страшно, когда папочка закричитъ. Въ отвѣтъ на какую-то угрозу папочки, одинъ изъ евреевъ униженно сказалъ:

— Ваше высокое высокородіе, мы ничего больше не хочемъ, какъ, чтобы сдѣлали слѣдствіе.

Потомъ всѣ вдругъ загалдѣли, и папочка, и евреи; и Леночка поняла, что они просятъ папочку распечатать синагогу. Папочка затопалъ ногами; но черезъ минуту онъ сталъ кротче. А еще минутъ черезъ пять онъ вошелъ въ залу съ высокимъ лысымъ евреемъ. Еврей, мокрый отъ пота, отправилъ руку въ боковой карманъ. Но тутъ папочка увидѣлъ Леночку и нетерпѣливо сказалъ:

— Уйди, пожалуста!

На другой день съ утра въ городѣ началось необычное движеніе. Мѣщане и мужики торопливо шлепали по грязи. Слышались громкіе крики, оживленные разговоры. Какая-то жидовка голосила. Что это такое? Прошла рота солдатъ, подъ

командой капитана Юскевича. Онъ держалъ саблю на-голо. У него былъ испуганной видъ. Вдали затрещалъ барабанъ. Въ сѣромъ воздухѣ, точно снѣгъ, носились бѣлыя пушинки, медлительно падая въ грязь.

Майора не было дома. Леночка еще не одѣвалась. Накинувъ на плечи платочекъ, она смотрѣла въ окно. Возлѣ нея стояла горничная и разсказывала, что мужики взбунтовались и »разбиваютъ« жидовъ. У Леночки стали дрожать губы.

Народъ валилъ. Ударили въ набатъ. Горничная захлебывалась отъ страннаго восторга.

— Барышня! Побѣгу я!

Леночка не успѣла отвѣтить, какъ она уже исчезла. Всѣ разбѣжались изъ дома. Не было ни дежурнаго полицейскаго, ни дворника. Кухарка старуха и та ушла. Леночка осталась одна.

Шумъ на улицахъ росъ. Это былъ отвратительный глухой шумъ, похожій на стонъ. Мимо окна проносились люди въ картузахъ, бѣлыхъ магеркахъ, кепи, грязныя

брызги летѣли на стекла. Слышались отдѣльныя фразы, восклицанія, и сейчасъ же пропадали въ общей путаницѣ звуковъ. Страшно, и ничего не поймешь: точно кошмаръ.

Но вотъ улица стала пустѣть. Шумъ прекратился какъ-то сразу. Напряженная тишина. Но раздался жидкій трескъ выстрѣловъ, и шумъ возобновился. Теперь онъ былъ протяжнѣе. Опять зашлепала грязь, и опять повалилъ народъ, уже назадъ. Зазвенѣли стекла. Въ залѣ разбито окно. У Леночки подкосились ноги, и она упала.

Когда она очнулась, то увидѣла Петра Алибеича со стаканомъ въ рукѣ и въ шапкѣ. Онъ усердно брызгалъ на нее водой. Грудь у ней была раскрыта, и она чувствовала холодъ въ плечахъ. Первымъ ея движеніемъ было закрыть грудь.

— Ради Бога, что съ папочкой?

— О, ничего! произнесъ Терюхановъ. Не безпокойтесь, придите въ себя; выпейте воды...

Леночка глотнула воды.

— Ахъ, Боже мой! что же случилось? Насъ ограбили?

— Нѣтъ, нѣтъ. Все благополучно. Только Лена Егоровна испугалась. Пейте воды.

Леночка еще глотнула.

— Мужиковъ убили?

— Одного — убили, а могли бы многихъ убить, и меня тоже могли бы убить, хотя я не бунтовалъ.

Онъ улыбался. Леночка машинально взглянула на него. Терюхановъ былъ весь въ грязи. Она содрогнулась отъ непріятнаго чувства, которое внушалъ ей этотъ человѣкъ. И тутъ только она вспомнила, въ какомъ видѣ она сама. Изъ мертвенно-блѣдной она сдѣлалась красной; и, закрывъ лицо обѣими руками, стыдливо прошептала:

— Уйдите, Петръ Алибеичъ.

Петръ Алибеичъ, въ свою очередь, покраснѣлъ. Ему не хотѣлось уходить. Нерасчесанные волосы Леночки темной гривой падали на ея плечи и спину; и изъ-подъ вышитаго подола ея юпки виднѣл-

ся кончикъ желтой туфельки. Но когда Леночка повторила приглашеніе, онъ повиновался.

— Буду въ залѣ ходить, сказалъ онъ, осклабляясь: — буду вашъ часовой...

По улицѣ гуськомъ шли люди. Кто несъ узелъ съ добромъ; у иного лицо было въ крови. Дождь сталъ накрапывать. Вскорѣ онъ зачастилъ, забарабанилъ по крышамъ, по стекламъ.

Этотъ дождь положилъ конецъ неурядицѣ.

Разсказывали, что несвенцянскіе мѣщане первые напали на евреевъ. Еще не разсвѣло, когда окна и двери въ домѣ *цадика*, еврейскаго »святого«, были выломаны и произведенъ тщательный обыскъ, причемъ многое было испорчено и перебито, а перины распороты, и пухъ изъ нихъ выпущенъ. Все искали дѣвочку или ея трупъ. Потомъ бунтовщики точно также обыскали еще нѣсколько домовъ. Распространился слухъ, что евреи подкупили Брилліантова, который велѣлъ снять печати съ синагоги.

*

Послѣднимъ сами евреи хвастались еще до распоряженія Брилліантова и раздражили народъ, увѣряя, что они всемогущи: захотятъ, такъ самого губернатора купятъ. Утромъ къ мѣщанамъ присоединились мужики. Дѣвочка была ихъ. Бросились они, впрочемъ, главнымъ образомъ, на базаръ, куда влекли ихъ лавки и кабаки. Лавки они разбили и что нашли въ нихъ съѣстного — рыбу соленую, муку, конопляное масло — все похватали. Рыбу они съѣли тутъ же: были голодны. Въ кабакахъ выпили всю водку. Площадь бѣлѣла отъ муки, смѣшавшейся скоро съ грязью. Брилліантовъ пріѣхалъ часовъ въ восемь, сначала съ двумя конвойными, но былъ встрѣченъ насмѣшками, бранью, свистками. Тогда онъ послалъ за военной командой. Юскевичъ увѣряетъ, что солдаты стрѣляли холостыми зарядами, самъ же Брилліантовъ выстрѣлилъ два раза изъ револьвера и убилъ мужика. Толпа дрогнула и бросилась »утекать«. Нѣкоторые бѣжали, нацѣпивши на себя »вѣнки« луку, сушеную рыбу, грибы; нашлись храбрые

евреи, которые все это отнимали у нихъ по дорогѣ. Интереснѣе всего, что къ вечеру, когда все уже успокоилось и еврейки перестали голосить, по городу, лишь только стихъ дождь, пронесся слухъ, что пропавшая глухонѣмая дѣвочка отыскана и находится въ квартирѣ исправника. Этому также быстро повѣрили, какъ раньше повѣрили противоположному слуху. А на другой день въ этомъ убѣдились окончательно. Самъ майоръ досадовалъ на себя, что »раздѣлялъ суевѣріе черни«. Дѣвочку онъ велѣлъ пустить по городу просить милостыню, чтобы всѣ могли ее видѣть, и принялся составлять донесеніе по начальству, причемъ выставлялъ себя и свою распорядительность »съ отличной стороны«, такъ-какъ »быстрымъ натискомъ и не щадя живота«, »можно сказать, личнымъ мужествомъ своимъ«, подавилъ опасное »возстаніе«, »почти безъ пролитія крови«. Почта не ходила по случаю половодія, и въ ожиданіи, пока можно будетъ послать краснорѣчивую бумагу, майоръ прочитывалъ ее близкимъ

людямъ. Онъ не сомнѣвался, что получитъ награду или, по крайней мѣрѣ, благодарность, и Леночка радовалась за него.

Но ей было непріятно, что папочка убилъ человѣка. Вотъ эта самая рука, которую она цѣлуетъ... убила!..

Въ страстной четвергъ Леночка поѣхала къ Прасковьѣ Ивановнѣ. Ей казалось, что надо побывать у этой дамы, которая такъ къ ней расположена. Простое приличіе требуетъ. Помощникъ исправника жилъ въ небольшомъ каменномъ домѣ, съ очень толстыми стѣнами и маленькими окнами. Во дворѣ, въ деревянномъ флигелѣ, жили Діаконовы. Леночка не могла достучаться, звонокъ былъ оборванъ; она отворила калитку и вошла въ домъ черезъ какія-то сѣни, грязныя и неопрятныя. Служанка, съ бѣльмомъ на глазу, проводила ее, темнымъ и вонючимъ коридоромъ, въ гостиную. Леночка первый разъ была у Прасковьи Ивановны. Притускломъ свѣтѣ дня, она увидѣла самоваръ и неубранную посуду на преддиванномъ столѣ. Михольскій въ сѣренькомъ

пиджакѣ поднялся ей на встрѣчу. Прасковья Ивановна лежала, положивъ на ручку дивана босыя ноги. На скрыпъ двери, она повернула голову, чтобъ посмотрѣть, кто вошелъ. Леночка смутилась и не знала, оставаться ей или, можетъ быть, уходить. Но Михольскій, улыбаясь, взялъ ее за руку, а Прасковья Ивановна стала кричать:

— Ахъ, Боже, Леночка, это вы? Вотъ сюрпризъ!

Леночка сняла пальто и шапочку. Щеки ея горѣли. Въ своемъ свѣтломъ платьѣ, стройная, свѣжая, она рѣзко выдѣлялась на грязномъ фонѣ душной комнаты, гдѣ все было гадко и пахло табакомъ и пивомъ. Михольскій не могъ оторвать отъ Леночки глазъ.

Прасковья Ивановна трещала:

— А мы по домашнему! Не хотите ли чаю? Холодненькаго? Впрочемъ, можно подогрѣть. Ахъ, какая же вы душечка! Цвѣточекъ! Гдѣ вы были во время этихъ ужасовъ? Представьте, мужъ, гадкій мужъ не пустилъ меня посмотрѣть! Говорятъ —

простите, душечка — васъ таки помяли? Но Терюхановъ спасъ? Неправда? Да я и не вѣрила. Знаете, въ чай можно подлить ложечку чего-нибудь. Это лучше, чѣмъ подогрѣвать. Какъ вы находите, Осипъ Антонычъ? О, да вы извѣстный аскетъ! Леночка, мнѣ отъ него житья нѣтъ... Постоянно съ замѣчаніями, съ выговорами. Зачѣмъ дочку бью, зачѣмъ то да сё. Противный!

Она сдѣлала гримасу, оттопыривъ губу.

— Грубитъ, а живетъ у насъ, продолжала она. — Вотъ его комната. Вы этого не знали? Не краснѣйте, милочка, тутъ ничего такого нѣтъ. Ему тѣсно у своихъ. Главное, не подумайте, что мы въ близкихъ отношеніяхъ.

— Едвали кому-нибудь это пришло бы въ голову, сказалъ Михольскій грубо.

— Пожалуйста! произнесла Прасковья Ивановна, махнувъ рукой. — Всякому! Но только на самомъ дѣлѣ этого нѣтъ. Если что̀ услышите, Леночка, не вѣрьте.

— Послушайте, что̀ это вы? произнесъ Михольскій.

— Можете не слушать... Леночка. пекутъ у васъ *пасхи*? Я ужь начала. Спекла бабу. Но сегодня половину съѣли. Осипъ Антонычъ, а гдѣ-жь другая половина?.. Вотъ она... Кушайте, Леночка. Не хотите? Ну, такъ выковыривайте изюмъ и ѣшьте. Я нарочно много кладу изюму.

Черезъ нѣкоторое время она начала:

— Мука вздорожала. Слыхали, что мужики разсыпали пропасть муки? Осипъ Антонычъ увѣряетъ, что вышло просто тѣсто. И бабы приходили и собирали. Съ грязью!

Леночка посмотрѣла на Михольскаго.

— Да, это вѣрно, проговорилъ онъ. — Я самъ видѣлъ.

— Только онъ часто вретъ...

Михольскій пожалъ плечами.

— На той недѣлѣ онъ далъ Діаконовой на бѣдныхъ девятнадцать, кажется, рублей и увѣрялъ, что это отъ васъ... Правда?

Леночка покраснѣла.

— Да, я просила Осипа Антоныча — передать, сказала Леночка.

— А правда, что дѣвочка, которую

сначала жиды зарѣзали, а потомъ она воскресла — все время у васъ жила?

Леночка широко раскрыла глаза.

— Душечка, это сплетня, но всѣ говорятъ, что Егоръ Егорычъ держалъ эту дѣвочку у себя въ кабинетѣ за перегородкой. Ужь нечего грѣха таить, онъ извѣстный...

Прасковья Ивановна подмигнула.

— Теперь дѣвочка больна. Діаконовъ лечитъ. Осипъ Антонычъ думаетъ, что тутъ, впрочемъ, какое-нибудь недоразумѣніе.

Леночка сидѣла, блѣдная, какъ полотно. Неужели папочка могъ это сдѣлать? И хотя не было никакихъ прямыхъ уликъ противъ папочки, однако она не находила словъ въ защиту его, да и стыдно было говорить объ этомъ. Она могла только прошептать:

— Я не люблю сплетенъ... Это ложь.

Прасковья Ивановна напрасно старалась развеселить ее. Она разсказала нѣсколько смѣшныхъ анекдотовъ, которые слышала отъ Михольскаго. Леночка улыба-

лась напряженной улыбкой и, наконецъ, встала — уходить. Цѣлуясь съ Прасковьей Ивановой, она замѣтила, что у той подъ глазами очень сине и лицо неумыто. И вмѣсто губъ, она подставила Прасковьѣ Ивановнѣ щеку.

— А къ Діаконовой не зайдете? спросилъ Михольскій.

Леночка подумала и сказала:

— Нѣтъ.

— Когда разнеслось, что вы больны, я сейчасъ же навѣдался. Но слухъ оказался ложнымъ. Тѣмъ не менѣе, я не смѣлъ потревожить васъ.

— Благодарю васъ.

На обратномъ пути, Леночка, сидя на дрожкахъ, все думала о папочкѣ. Ей хотѣлось плакать отъ досады. Ей было стыдно. Если это въ самомъ дѣлѣ не ложь, значитъ, папочка во всемъ виноватъ. *Онъ* вызвалъ бунтъ. Потому что изъ-за чего же другого стали бунтовать мужики? Тутъ у ней снова мелькнула мысль о ста рубляхъ, которые лежали у ней въ карманѣ, о мукѣ, превратившейся въ грязное тѣсто, которое

собирали съ земли бабы, о человѣкѣ, котораго убилъ папочка. Папочку наградятъ, и тогда онъ дастъ ей на платье пятьдесятъ рублей. Онъ ужь обѣщалъ. И она, вѣроятно, возьметъ. Какъ это все согласить? Думала она и о Михольскомъ. Думы были неясныя. Она оборачивалась и смотрѣла назадъ. Въ туманѣ бѣлѣлись дома. Грязь блестѣла, какъ рѣка. Людей не было видно.

V

Свѣтлый праздникъ весело былъ встрѣченъ въ Александрійскѣ. На тротуарахъ тамъ и сямъ по мосткамъ ходили солдаты съ *крашенками* въ рукахъ и христосовались, собираясь иногда въ кучки и зубоскаля. Дѣвки въ пестрыхъ платкахъ протискивались между ними, отвѣчая на ихъ заигрыванія смѣхомъ или скромно краснѣя. Русскій мастеровой, съ гармони-

кой и въ шапкѣ на бекрень, пьянымъ голосомъ воспѣвалъ свою любовницу и, въ знакъ особенной нѣжности, называлъ ее »шельмой«. Чиновные обыватели ѣздили другъ къ другу съ визитами. Леночка видѣла изъ окна, какъ эти господа, мертвецки пьяные, клевали носомъ, сидя на дрожкахъ, иногда безъ шапокъ. На первый день даже папочка подпилъ. Онъ со всѣми цѣловался, кричалъ, что онъ русскій, игралъ на флейтѣ »Коль славенъ« и былъ такъ веселъ и счастливъ, что Леночка подумала: »кажется, я напрасно папочку виноватила«. Когда онъ крикнулъ: »поцѣлуй меня, дрянь!« — *дрянь* это было самое нѣжное у папочки слово, — Леночка горячо его поцѣловала. Но она невольно сравнила ласкательное слово папочки съ ласкательнымъ словомъ мастерового, которое слышала не такъ давно. Потомъ папочкѣ сдѣлалось дурно...

Въ залѣ былъ накрытъ длинный столъ большими, бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, спускавшимися до земли. На столѣ высились бабы съ темными выпуклыми

горбушками. Баранъ изъ масла, окорока, поросята, индѣйка, всевозможныя закуски, вина въ бутылкахъ съ раззолоченными ярлычками, сыры, цвѣты, маленькія шелковыя знамена, горѣвшія алыми и синими пятнами въ косомъ лучѣ блѣднаго апрѣльскаго солнца — все это было разставлено со вкусомъ и свидѣтельствовало о большихъ хозяйственныхъ способностяхъ пани Юскевичъ. Однако, роль хозяйки пришлось пока играть Леночкѣ, потому что у пани Юскевичъ свой домъ и, слѣдовательно, свои гости, которыхъ надо же было принимать. Леночка чрезвычайно стѣснялась, въ особенности, когда папочка напился. Она просила гостей ѣсть и пить весьма робко, почти сухо. Но, слава Богу, гости не церемонились.

Къ часу дня Леночка замѣтила, что гостей становится все меньше и меньше. Папочка залегъ спать. Въ это время, вѣроятно, весь городъ спитъ, утомленный безсонной ночью и пьяный отъ разговѣнныхъ возліяній. Визиты, повидимому, кончились. Послѣдній гость ушелъ.

Леночка вздохнула съ облегченіемъ. Чтобъ не разбудить папочку, она ходила на цыпочкахъ. Ей было скучно. Но такъ какъ впереди предстоитъ еще цѣлая недѣля праздниковъ, то ей казалось, что потомъ будетъ веселѣе. Подойдя къ столу, она вооружилась ножомъ и отрѣзала крыло индѣйки.

Только что принялась она ѣсть, какъ звонокъ въ передней возвѣстилъ, что визиты еще не совсѣмъ окончились. Она съ досадой отодвинула тарелку.

Но она покраснѣла отъ смущенія, смѣшаннаго съ удовольствіемъ, когда увидѣла Михольскаго. Онъ былъ во фракѣ и свѣжихъ перчаткахъ.

— Осипъ Антонычъ! произнесла она, улыбаясь.

Они сѣли на диванъ и стали разговаривать. Михольскій не спросилъ ничего о папочкѣ и, должно быть, сообразилъ самъ, что тотъ спитъ, потому что, какъ и Леночка, старался говорить негромко.

— Дѣлать визиты на праздникахъ, сказалъ онъ: — отличный обычай. Благо-

даря ему, я имѣю удовольствіе видѣть васъ.

Леночка опустила глаза.

— Приэтомъ я не могу не воспользоваться случаемъ вручить вамъ отчетъ о тѣхъ девятнадцати рубляхъ, которые вы, помните, пожертвовали на голодныхъ дѣтей.

Онъ досталъ изъ бокового кармана аккуратно сложенный листокъ почтовой бумаги и подалъ Леночкѣ.

— Зачѣмъ?

— Ничего, прочитайте. Полезно узнать, на что пошли ваши деньги.

— Это вы писали? спросила Леночка, и щеки ея зарумянились.

— Діаконова.

Леночка спрятала бумагу въ карманъ.

— Можетъ, еще надо?

— Теперь всѣ мужики *водворены*. Дѣти тоже. Экстренная надобность прошла.

— Не хотите ли закусить? спросила она.

— О, нѣтъ!

Наступило молчаніе. Леночка украдкой

взглянула на Михольскаго. Его бѣлокурые волосы слегка золотились на солнцѣ, и глаза были устремлены на нее. Она снова потупилась.

— А что Прасковья Ивановна?

— Прасковья Ивановна, какъ Прасковья Ивановна, отвѣчалъ Михольскій.

— Здорова?

— Должно быть.

— Вы развѣ ея не видѣли!

— О, даже христосовался! Но это было рано утромъ, а съ тѣхъ поръ много воды утекло... Она такъ пила, что, дѣйствительно, могла заболѣть.

Михольскій пристально посмотрѣлъ на Леночку и, попросивъ позволенія, закурилъ папиросу.

— Мы рѣдко видимся, Елена Егоровна.

— Да, рѣдко.

— Я дорого далъ бы, чтобъ это *рѣдко* превратилось въ *часто*. Все-таки я васъ немного уже знаю.

— Немного, прошептала Леночка и покраснѣла.

— Вы какъ будто жалѣете? Но отъ васъ зависитъ, чтобъ я узналъ васъ ближе.

Леночка затруднялась что̀ сказать. Михольскій курилъ, глядя на нее.

— Я тоже васъ совсѣмъ не знаю, произнесла, наконецъ, Леночка, поднимая на него свои красивые, безпокойные глаза.

— Чтожь, ежели интересно, постарайтесь узнать.

Но въ передней зазвенѣлъ колокольчикъ, и разговоръ молодыхъ людей былъ прерванъ появленіемъ Терюханова.

Леночка встала. Михольскій сильно затянулся и прищурился на гостя.

Рядомъ съ тонкой, граціозной Леночкой, въ бѣломъ платьѣ, съ бѣлыми шелковыми лентами, короткая, плотная фигура Петра Алибеича, въ просторномъ фракѣ и узкихъ темно-кофейныхъ брюкахъ съ лампасами, показалась ему карикатурной. Голова Терюханова, низко остриженная, рельефно выдѣлилась на свѣтлыхъ филейныхъ занавѣскахъ, пронизываемыхъ

солнцемъ, и его скуластое лицо пріятно улыбалось.

— Какая вы сегодня нимфа! началъ Петръ Алибеичъ, разсматривая Леночку и держа ее за руку. — Похристосуемся?

— Нѣтъ...

— Отчего нѣтъ?

— Я ни съ кѣмъ не христосуюсь.

— И со мной не хотите? Ежели хорошенькія барышни не будутъ христосоваться, то какая намъ, мужчинамъ, польза отъ свѣтлаго праздника? произнесъ онъ съ хохотомъ и, притянувъ къ себѣ дѣвушку, хотѣлъ поцѣловать ее въ губы; но она отвернулась; Петръ Алибеичъ, послѣ небольшого сопротивленія, звонко чмокнулъ ее пониже уха.

Михольскій видѣлъ напряженно улыбающееся лицо Леночки; пальцы его затряслись, и онъ едва могъ удержать папиросу.

Вырвавшись изъ рукъ Петра Алибеича, Леночка продолжала улыбаться. Но вдругъ она заплакала и убѣжала.

Терюхановъ пожалъ плечами и расте-

*

рянно взглянулъ на Михольскаго. Тотъ, въ свою очередь, взглянулъ на него — холоднымъ рѣжущимъ взглядомъ. Нѣкоторое время они молчали и смотрѣли другъ на друга.

— Вы нехорошо поступили, началъ Михольскій, вставая. Петръ Алибеичъ побагровѣлъ.

— Какъ вы это можете мнѣ говорить?! Вы... актеришка??! Ничтожный человѣкъ!!?

— Увѣряю васъ, вы поступили, какъ негодяй, сказалъ Михольскій и подошелъ къ нему.

Блѣдное лицо его испугало Терюханова. Терюхановъ раскрылъ ротъ и ничего не могъ сказать. Они стояли другъ противъ друга, и локти ихъ дрожали, кулаки были сжаты.

— Подожди, я съ тобой раздѣлаюсь! прошепталъ Петръ Алибеичъ и, повернувшись, исчезъ въ передней.

Михольскій посмотрѣлъ ему въ слѣдъ, улыбнулся и, овладѣвъ собой, успѣлъ выкурить папироску, въ ожиданіи Ле-

ночки. Но Леночка выслала горничную съ извиненіемъ, что не можетъ больше выйти. Онъ взялъ шляпу, подарилъ горничной денегъ, прошелся по залѣ, что-то обдумывая, и уѣхалъ.

VI

До 23-го апрѣля Леночка никуда не показывалась. Прасковья Ивановна пріѣзжала къ ней; пріѣзжали и другія дамы, которымъ надо было сдѣлать дочери исправника оффиціальный визитъ; но Леночка визитовъ не отплатила.

Она боялась встрѣчи съ Терюхановымъ; и не столько съ Терюхановымъ, сколько съ Михольскимъ. Ей казалось, что онъ, какъ увидитъ ее, то какъ-то странно посмотритъ. Непремѣнно *странно*. Она мучительно краснѣла, представляя себѣ этотъ »странный« взглядъ.

Но хотя она боялась встрѣтиться съ

Михольскимъ, однако, сама не прочь была бы увидать его; только такъ, чтобы онъ не замѣтилъ. По цѣлымъ часамъ просиживала она у окна, подъ прикрытіемъ шторы, и глядѣла на улицу. Терюханова она видѣла, но Михольскій ни разу не проѣхалъ и не прошелъ. Леночка грустила, вздыхала, задумывалась, плохо спала по ночамъ.

23-го апрѣля, въ день папочкиныхъ имянинъ, рано утромъ, когда еще папочка спалъ — наканунѣ онъ былъ въ гостяхъ и игралъ въ карты — Леночка, взявъ горничную, поѣхала на Кожелевку. Такъ называлась часть города. Накрапывалъ дождь. Вонючая грязь плескалась кругомъ, и еврейскіе дома, которыхъ много на Кожелевкѣ, представляли жалкій видъ. Возлѣ одного изъ нихъ, сильно покосившагося и печально глядѣвшаго въ лужу маленькими тусклыми окнами, дрожки остановились. Леночка приказала горничной сойти и вызвать поскорѣе переплетчика Лейбу. Сама она осталась сидѣть на дрожкахъ, подъ большимъ шол-

ковымъ зонтикомъ. Капли дождя уныло барабанили по зонтику, и Леночка злилась, что Лейба не идетъ. Изъ низкихъ темныхъ сѣнецъ, выходившихъ на улицу, никто не показывался. Мокрая спина кучера, облекшагося съ головой въ кожаный плащъ, тяжелой, плотной массой выдѣлялась на зыблющемся фонѣ дождливаго утра, и рядъ низенькихъ домовъ туманной полосой уходилъ въ неопредѣленную даль. Но вонъ тамъ показался какой-то силуэтъ. Леночка вскорѣ различила тарантасъ. Онъ приближается. Леночка надвинула капюшонъ своего непромокаемаго бурнуса и закрылась зонтикомъ.

Вышла, наконецъ, горничная. Храбро ступая по грязи, она подошла къ Леночкѣ и подала ей завернутую въ сахарную бумагу вещь. Леночка быстро спрятала вещь подъ полой бурнуса. Лейба выбѣжалъ. Онъ извинялся, что не успѣлъ сдѣлать работу раньше, и подобострастно смотрѣлъ на Леночку. Она махнула рукой, горничная сѣла рядомъ, и кучеръ повернулъ лошадь.

Въ это время подъѣхалъ тарантасъ, маленькій, паршивенькій, извѣстный всему городу, потому что въ немъ, въ ненастную погоду, разъѣзжаетъ докторъ Діаконовъ. Однако, Леночкѣ показалось, что въ тарантасѣ мелькнуло чье-то знакомое лицо съ бѣлокурыми волосами. Она еще больше ушла въ свой капюшонъ. Но неудержимое любопытство заставило ее оглянуться. Тарантасикъ остановился, и она видѣла, какъ Михольскій, въ короткомъ пальто и высокихъ сапогахъ, выскочилъ изъ экипажа и подошелъ къ Лейбѣ, послѣ чего повернулъ голову въ ея сторону. Между тѣмъ, дождь пошелъ сильнѣе. Предметы расплылись въ сѣренькой полупрозрачной мглѣ. Михольскій исчезъ. И Кожелевка утонула въ туманѣ.

Вернувшись домой, Леночка торопливо переодѣлась. Было десять часовъ, но майоръ продолжалъ еще спать. Освободивъ отъ сахарной бумаги узкій черный футлярчикъ, на которомъ золотыми буквами было изображено: »Папоцкѣ отъ Леноцки«, и мысленно побранивъ Лейбу за такое

небрежное обращеніе съ буквой Ч, Леночка вложила въ футляръ массивный серебряный карандашъ, давнымъ давно купленный для сегодняшняго случая, и вышла со своимъ подаркомъ въ залу ждать пробужденія папочки. Въ кабинетъ его или въ спальню она безъ зова ни за что не вошла бы. Въ залѣ она застала пани Юскевичъ. Капитанша подала ей руку.

— Спитъ нашъ папочка, сказала она: — спитъ, *для того*, что такая погода! Съ папочкинымъ ангеломъ, Леночка, поздравляю васъ!

Леночка уклонилась отъ ея поцѣлуя.

Пани Юскевичъ слегка усмѣхнулась. Засучивъ рукавъ и обнаживъ по локоть жирную и бѣлую, какъ тѣсто, руку, украшенную золотымъ браслетомъ, она протянула ее къ серебряной сахарницѣ и принялась осторожно бросать въ стаканы сахаръ, дѣлая это граціозно и съ достоинствомъ нѣсколько оскорбленной, но все же доброй женщины. Въ сущности, она замѣняетъ Леночкѣ мать, но Леночка не

хочетъ этого видѣть. Нѣкоторое время пани Юскевичъ сидѣла молча.

Леночка почти непріязненно смотрѣла на нее. Пани Юскевичъ открыто у нихъ не жила, но верховная власть въ домѣ принадлежала ей. Она все умѣла, а Леночка ничего. Она знала, какъ дѣлать польскій борщъ, бигосъ, колдуны, сдобныя печенья, а Леночка не знала. Да и не старалась знать, ибо не это одно знаніе закрѣпляло за капитаншей власть въ домѣ. Капитанша вечеромъ, обыкновенно, уходила домой, вмѣстѣ со своимъ маленькимъ пузатенькимъ мужемъ. Но для Леночки было загадкой, когда же пани Юскевичъ вновь приходитъ къ нимъ. И всякій разъ, какъ по утру она встрѣчалась съ капитаншей въ залѣ или на черной половинѣ, она не могла не потупить глазъ съ выраженіемъ легкаго отвращенія.

— Сегодня, Леночка, вы рано встали, начала пани Юскевичъ. — Чтожь! Кто рано *встàе*, тому панъ-Богъ *дàе*.

Леночка подумала, что пословицу эту

капитанша могла бы съ успѣхомъ примѣнить къ себѣ. Но она вспомнила, что видѣла Михольскаго, и покраснѣла.

— Подарокъ папочкѣ? спросила пани Юскевичъ и указала глазами на футляръ въ рукахъ Леночки.

— Да.

Пани Юскевичъ съ любопытствомъ смотрѣла на футляръ. Она ожидала, что Леночка, по крайней мѣрѣ, покажетъ, что такое въ футлярѣ. Но Леночка положительно избѣгала сближенія съ пани Юскевичъ. Она прикрыла футляръ чайной салфеточкой.

Капитанша сжала губы.

— Что у васъ, душечка, вышло съ Терюхановымъ? спросила она вдругъ.

— Ничего...

— Ой??

Леночка молчала. Уши ея загорѣлись, она наклонила лицо.

— Леночка, я все знаю, а папочка еще ничего не знаетъ. Правда, что не вышло особеннаго, но дурно то, что Михольскій съ Терюхановымъ изъ-за васъ

поругались въ вашемъ же домѣ. Злые языки...

— Какъ, поругались? вскричала Леночка, которая первый разъ слышала объ этомъ.

Пани Юскевичъ недовѣрчиво посмотрѣла на нее и разсказала, что произошло между Петромъ Алибеичемъ и Михольскимъ.

Леночка слушала съ напряженнымъ вниманіемъ, и глаза ея странно блистали.

— А вы откуда же узнали?

Пани улыбнулась.

— То уже мое дѣло. Первѣе всего, надо скрыть это отъ папочки. А потомъ я вамъ сказала-бъ, что за человѣкъ Михольскій.

Но Леночка потрясла головой.

— Нѣтъ, мнѣ... не интересно, произнесла она.

За стѣной послышался голосъ папочки. Онъ ходилъ и кого-то бранилъ. Дамы притихли. Леночка стала смотрѣть на дверь.

Вошелъ черезъ минуту майоръ въ мундирѣ: мундиръ разстегнутъ, и изъ подъ

него виднѣется бѣлый жилетъ. Леночкѣ всегда нравилось, когда папочка надѣвалъ бѣлый жилетъ. Но лицо у него было недовольное, и онъ сухо взглянулъ на дочь.

— Bonjour, папочка... начала она, нерѣшительно подходя къ нему. — Вотъ...

— Что?

— Это тебѣ... съ ангеломъ...

Майоръ взялъ футляръ.

— Очень благодаренъ, сказалъ онъ. — Но еще благодарнѣе былъ бы, еслибъ ты чѣмъ свѣтъ не разъѣзжала по городу! Лошадь совсѣмъ заморила. Знаешь, какъ я люблю эту лошадь? Больше тебя люблю!

Онъ сѣлъ къ столу. Футляра онъ не раскрылъ и не полюбопытствовалъ, что въ немъ такое. Пани Юскевичъ сидѣла, опустивъ свои большія вѣки. Леночка была уничтожена.

Ей хотѣлось уйти, но она боялась оставить капитаншу и папочку вмѣстѣ. Теперь, когда онъ не въ духѣ, больше всего надо, чтобы онъ не узналъ о ссорѣ Михольскаго съ Терюхановымъ, если только ссора эта, дѣйствительно, произошла, въ чемъ, по-

видимому, нельзя сомнѣваться. Пожалуй, Михольскому этого папочка не проститъ. Леночка старалась не обижаться и робко ласкалась къ папочкѣ. Она разсказала, зачѣмъ ей такъ рано понадобилась лошадь. Майоръ слушалъ разсѣянно. Выпивъ чай, онъ вынулъ изъ футляра карандашъ. Леночка тревожно слѣдила за нимъ, за выраженіемъ лица пани Юскевичъ, и губы ея слабо улыбались.

Въ двѣнадцать часовъ начались визиты. Пріѣзжали чиновники, офицеры, священники и поздравляли майора. Появлялись и евреи, съ осклабленными лицами, но дальше передней не шли. Иныхъ гостей Брилліантовъ приглашалъ на вечеръ, двухъ — Юскевича и Дейкунова — оставилъ обѣдать. Терюханова не было.

Майоръ завезъ Терюханову на праздникахъ карточку. Вчера также заѣзжалъ къ нему, хотя опять не засталъ. »Если Терюхановъ сегодня не явится, значитъ, онъ просто свинья.«

Однако, передъ обѣдомъ майоръ послалъ Петру Алибеичу любезную записочку и

просилъ его вспомнить, что сегодня 23-го апрѣля. Онъ будетъ очень счастливъ, если Петръ Алибеичъ заѣдетъ хоть вечеркомъ...

Отправивъ записку, Егоръ Егорычъ почувствовалъ нѣжность къ Леночкѣ. Онъ потрепалъ ее по щекѣ, далъ ей поцѣловать руку. За обѣдомъ онъ вынулъ серебряный карандашъ и показалъ гостямъ, какой подарокъ сдѣлала ему дочь. Гости ничего не подарили Брилліантову. Имъ стало неловко. Но они хвалили карандашъ, съ улыбкой смотрѣли на Леночку и усердно ѣли. Щеки у Леночки горѣли, она радовалась, что папочка больше не сердится.

Для виду она подносила ко рту ложку, погрызла крылышко цыпленка. Глядя, какъ звѣрски ѣстъ капитанъ Юскевичъ, какъ у Дейкунова вытягиваются губы, покрытыя черными неопрятными волосами, она теряла аппетитъ и съ отвращеніемъ думала о мужчинахъ. И только мысль о Михольскомъ примиряла ее съ ними.

Гдѣ онъ обѣдаетъ? У сестры или у Прасковьи Ивановны?

Когда перемѣнили тарелки, и гости въ

ожиданіи слѣдующаго блюда, молча посматривали на гладкій бѣлый фаянсъ и слегка отдувались, Леночка робко справилась у Дейкунова о здоровьи его жены.

— Благодарю васъ — нездорова, отвѣчалъ онъ, наливая стаканъ вина.

— Какъ, неужели? Что же съ нею?

— Нервы.

Онъ замолчалъ.

— У насъ Михольскій жилъ, обратился онъ къ Брилліантову: — а вчера повздорилъ съ Прасковьей Ивановной, да и съѣхалъ. Онъ славный малый и образованный. Но зазнался.

Леночка затаила дыханіе. Глаза у ней повеселѣли. Подали пончки съ кремомъ. Она набрала ихъ столько, что не могла съѣсть, и подняла за здоровье папочки бокалъ шампанскаго.

— Полячокъ, этотъ вашъ Михольскій, брезгливо промолвилъ майоръ и чокнулся съ Леночкой.

Затѣмъ онъ чокнулся съ пани Юскевичъ, съ ея мужемъ, съ Дейкуновымъ.

— Бунтовщикъ! продолжалъ Брилліантовъ и налилъ новые бокалы.

— Теперь позвольте съ вами чокнуться, Елена Егоровна, и пожелать нашему дорогому имянинникy поскорѣе увидѣть васъ замужемъ! сказалъ, вставая, Юскевичъ.

Леночка должна была протянуть свой бокалъ. Поднялся Дейкуновъ, встала пани Юскевичъ, даже папочка всталъ. Руки перепутались, стекло звенѣло, вино проливалось на столъ.

— Урааа! гаркнули мужчины и осушили бокалы.

Деньщикъ принесъ ящикъ съ сигарами. Гости и папочка, громко разговаривая, стали курить. Обѣдъ кончился.

Леночка все не покидала отца. Наконецъ, онъ предложилъ гостямъ идти въ кабинетъ — валяться на софѣ и пить кофе съ коньякомъ. Оставшись одна съ пани Юскевичъ, Леночка вопросительно посмотрѣла на нее.

— Держитесь меня, Леночка, и ничего не бойтесь, дружелюбно произнесла пани, закупоривая недопитыя бутылки.

Леночка стояла въ нерѣшимости. Можетъ быть, слѣдуетъ подойти и пожать руку доброй женщинѣ. Но она не могла этого сдѣлать. Она робко вздохнула и ушла.

Дождь нагонялъ тоску. То онъ переставалъ, то опять принимался хлестать по стекламъ. Леночка сидѣла въ креслѣ и смотрѣла въ окно. Мало-по-малу, небо изъ блѣдно-оловяннаго стало темно-свинцовымъ. »Смеркается«, подумала Леночка. »Скоро опять гости«. Въ послѣдній разъ хлынулъ дождь. По ту сторону улицы дома слились въ черную массу. Въ окнѣ, что́ напротивъ, сверкнулъ огонь яркой звѣздой, и капли дождя играли въ его лучахъ, достигавшихъ до Леночки. Въ гостиной послышались голоса. Леночка вздрогнула. Она различила голосъ Терюханова.

VII

Леночку долго упрашивали выйти и папочка, и пани Юскевичъ. Она говорила, что у ней голова болитъ.

Она думала, что когда войдетъ въ гостиную и увидитъ Петра Алибеича, то съ ней Богъ знаетъ что сдѣлается. Но вошла, увидѣла Петра Алибеича и не испытала даже того волненія, какое прежде при немъ испытывала. Онъ былъ ей только противенъ.

По обѣимъ сторонамъ дивана, на палисандровыхъ тумбахъ, горѣли высокія бронзовыя лампы, и ихъ свѣтъ умѣрялся матовыми шарами. При этомъ свѣтѣ фигура Терюханова не особенно много выигрывала въ глазахъ Леночки.

Онъ, по обыкновенію, не сейчасъ всталъ. Онъ до боли сжалъ руку Леночкѣ и, когда она сѣла, смотрѣлъ на нее во всѣ глаза. Майоръ оставилъ ихъ вдвоемъ и пошелъ въ кабинетъ, гдѣ его ожидалъ Буханцевъ.

*

— О чемъ грустите? справился Петръ Алибеичъ.

Леночка молчала.

— Вы не должны сердиться на меня, сказалъ Петръ Алибеичъ. — Мало ли что! Во всякомъ случаѣ, у меня хорошія намѣренія.

Онъ выпятилъ грудь, и его широкое лицо казалось открытымъ и честнымъ.

— Позвольте мнѣ, Лена Егоровна, сказать вамъ нѣсколько словъ, началъ онъ. — Рѣчь моя будетъ очень серьезная.

Леночка подняла голову, нахмурившись. Терюхановъ сильно потянулъ воздухъ и, упершись въ колѣни кулаками, причемъ дугой изогнулъ руки, сталъ говорить:

— Я не глупъ, я учился въ университетѣ и окончилъ курсъ кандидатомъ. Мое сочиненіе всѣ профессора очень хвалили. Затѣмъ я поступилъ на службу и черезъ пять лѣтъ получилъ орденъ Станислава третьей степени. Я былъ женатъ. Я былъ очень несчастливъ съ женою. Потомъ жена заболѣла, я не могъ быть

ея мужемъ. Тутъ меня назначили въ Несвенцяны. Я познакомился съ вами и очень заинтересовался вами. Но мы поругались съ вашимъ папочкой, оттого что жена еще не умерла. Однако же, теперь, когда жена умерла, мы опять съ нимъ большіе друзья. Между тѣмъ, я получилъ Станислава на шею, Анну, имѣніе, у меня должность первая въ уѣздѣ. Еслибъ я не имѣлъ ума, то ничего не имѣлъ бы и никакой пользы не получилъ бы ни откуда. Теперь мнѣ тридцать-три года. Я не пьяница, не картежникъ, я не уродъ. Многія прекрасныя и знатныя барышни не отказали бы мнѣ въ своей рукѣ, и я могъ бы жениться даже съ большущей для себя выгодой и взять приданаго, можетъ, двадцать, а можетъ, и тридцать тысячей рублей серебромъ. Но у меня были и есть другія намѣренія. Женись на дочери небогатаго человѣка, сказалъ я себѣ, и даже если пять тысячей онъ тебѣ дастъ въ приданое, то это ничего не значитъ, а главное, чтобъ была нѣжная, изящная и цѣломудренная дѣвушка, дабы

она могла украсить тебѣ жизнь. Не все одна польза, есть кое-что и кромѣ пользы: есть еще и удовольствіе. Правда, Лена Егоровна?

Леночка молчала. Въ простѣночномъ зеркалѣ она видѣла Петра Алибеича, освѣщеннаго матовыми шарами. У него былъ смѣшной видъ.

— Скажите же?!

— Я, право, не знаю, къ чему вы это все говорите, сказала Леночка.

— Дѣвушки никогда ничего не знаютъ, а когда дойдетъ до дѣла, то оказывается, обыкновенно, что онѣ и нашего брата научатъ, возразилъ Петръ Алибеичъ съ легкой досадой. — Ахъ, Лена Егоровна! Вы должны догадаться, какую дѣвушку я имѣю въ виду. Только эта одна дѣвушка, милая и граціозная, можетъ быть для меня истиннымъ удовольствіемъ. Лена Егоровна!

— Что, Петръ Алибеичъ?

— Ежели вы не хотите со мной ссориться, то догадайтесь, кто эта дѣвушка?

Леночка пожала плечами. Но улыбка скользнула по ея губамъ. Петръ Алибеичъ захохоталъ съ торжествомъ и схватилъ ее за руку. Однако, замѣтивъ, что Леночка вдругъ поблѣднѣла, онъ пустилъ ее и сказалъ:

— Вы какая-то странная... Ну, хорошо! Даю вамъ на отвѣтъ три дня сроку!

Леночка хотѣла уйти.

— Нѣтъ, нѣтъ, я прошу васъ остаться, произнесъ Петръ Алибеичъ. — Есть маленькое обстоятельство, и мнѣ хочется его выяснить. Мнѣ кажется, я имѣю на это право. Лена Егоровна, пока вы будете ломать голову надъ тѣмъ, кто эта особа, которая мнѣ такъ нравится, — онъ самодовольно улыбнулся, — будетъ большая польза для насъ *обѣихъ*, ежели вы теперь дадите мнѣ слово честной дѣвушки, что никого не любите, кромѣ *одного* человѣка.

У Леночки заблистали глаза. Она промолвила:

— Прекратимъ этотъ разговоръ.

— Ни за что въ мірѣ! произнесъ Те-

рюхановъ. — Я съ этимъ разговоромъ давно ношусь. Я весь обдумалъ его, какъ шахматную игру. И такъ, слово честной дѣвушки, что сердце ваше...

— Послушайте...

— Лена Егоровна, это не болтовня на вѣтеръ, это не смѣхъ, это не *шуры-муры*, это очень и очень серьезная вещь, наставительно сказалъ Терюхановъ. — Дѣло въ томъ, что я здѣсь видалъ одного молодого нахала и не хотѣлъ бы, чтобы онъ стоялъ мнѣ поперекъ дороги. Я говорю о господинѣ Михольскомъ, который, не знаю почему, посмѣлъ мнѣ тогда сдѣлать замѣчаніе... Я бы его уничтожилъ, но что пользы? И такъ, Лена Егоровна, что вы мнѣ скажете о вашемъ сердцѣ?

Леночка гнѣвно молчала.

— Я понимаю, для васъ оскорбительно мое подозрѣніе, но я и не подозрѣваю ничего такого... Я просто хочу знать: *это* — онъ фамильярно указалъ на грудь дѣвушки: — вздыхаетъ о комъ-нибудь или нѣтъ?

Леночка молчала.

— И если вздыхаетъ, продолжалъ Терюхановъ, понизивъ голосъ: — то кто счастливецъ?

Онъ улыбался. Леночка продолжала молчать.

VIII

По ярко освѣщенной залѣ ходили гости — офицеръ, становой, какіе-то молчаливые молодые люди во фракахъ. Брилліантовъ вышелъ съ Буханцевымъ изъ кабинета, и лицо его, незадолго передъ тѣмъ веселое, омрачилось. Леночка видѣла его въ просвѣтѣ, образуемомъ драпировкою, что на дверяхъ. Папочка сгорбился и растерянно крутилъ усъ. Что произошло?

Буханцевъ влетѣлъ въ гостиную, расшаркался передъ Леночкой и пожалъ руку Терюханову, который посмотрѣлъ на

него, однако, весьма недружелюбно. Жандармскій капитанъ шутилъ, былъ милъ и любезенъ, пріятно возбужденъ, можно сказать — счастливъ. Но то, что онъ былъ такъ веселъ, а папочка, побесѣдовавъ съ нимъ, сталъ угрюмъ, не понравилось Леночкѣ, и она тоже недружелюбно посмотрѣла на Буханцева.

Звонокъ въ передней, женскій смѣхъ — дамы пріѣхали. Леночка обрадовалась случаю уйти отъ Терюханова и Буханцева и бросилась туда. Прасковья Ивановна, въ ярко синемъ шелковомъ платьѣ, охорашивалась передъ зеркаломъ. Толстая мамаша и двѣ барышни съ скромными, нѣсколько испуганными лицами, осторожно снимали пальто.

— Какъ я рада, что вы здоровы!

Поцѣлуи.

— Онъ здѣсь?

— Кто?..

— Михольскій!?

Леночка сжала руку Прасковьѣ Ивановнѣ, какъ бы приглашая ее замолчать, и, застѣнчиво улыбаясь, повела дамъ

въ залу. Майоръ, при видѣ барышенъ, осклабился, но отъ Леночки не ускользнуло, что папочка притворяется: взглядъ у него былъ грустный. И въ то же время вопросъ Прасковьи Ивановны еще звучалъ въ ея ушахъ, и она волновалась при мысли о Михольскомъ.

— Нѣтъ? произнесла Прасковья Ивановна, глядя по сторонамъ.

Толстая барыня громко поздравляла майора. Леночка поспѣшила сказать полушопотомъ:

— Нѣтъ. Можетъ быть, папочка не пригласилъ его.

Новый звонокъ.

— Вы знаете, милочка, мы теперь враги. Но все-же я съ удовольствіемъ встрѣтилась бы съ нимъ.

— Вашъ мужъ что-то говорилъ...

— Мой мужъ дуракъ! съ убѣжденіемъ сказала Прасковья Ивановна.

Вошелъ Юскевичъ.

— Вообразите, я была убѣждена, что *онъ* явится, начала Прасковья Ивановна со смѣхомъ. А за что мы по-

ссорились? Этого никто не знаетъ. — За васъ!

У Леночки глаза загорѣлись. Она взяла Дейкунову подъ руку. Онѣ прошлись по залѣ и, черезъ гостиную, направились въ спальню. Прасковья Ивановна сѣла на кровать.

— За васъ, мой другъ! Я ему, знаете, что брякнула? Вамъ, говорю, также мало дѣла до этихъ голодныхъ дѣтей, какъ и мнѣ. А девятнадцать рублей у Леночки вы взяли, чтобъ только познакомиться съ нею. Вотъ и вся гуманность. А между тѣмъ, жениха у нея отобьете...

— Прасковья Ивановна, неужто это сказали!?

— Честное слово, сказала! Да мнѣ что! Да нѣтъ, выслушайте, что онъ мнѣ на это. Я ему такъ, а онъ мнѣ: Прасковья Ивановна, у васъ вѣтерокъ... и на лобъ указалъ. Я ему все терпѣла, но тутъ меня взорвало. »Вонъ изъ моего дома«! Мнѣ, Леночка, стыдно теперь вспомнить, что я его такъ оскорбила....

Она закрыла лицо руками.

У Леночки щеки горѣли, и она съ недоумѣніемъ смотрѣла на молодую женщину.

— Ахъ, онъ меня оскорбилъ, начала Прасковья Ивановна: — но надо было простить ему! Можетъ быть, это было бы во *многихъ* отношеніяхъ лучше. А?

— Но о какомъ женихѣ говорили вы ему, Прасковья Ивановна? спросила Леночка.

— О какомъ? Весь городъ... Разумѣется, объ этомъ... о татаринѣ...

Она указала рукой на гостиную.

— Онъ мнѣ не нравится, прошептала Леночка.

Дейкунова въ отвѣтъ подозрительно посмотрѣла на Леночку. И, взявъ за талію, она поцѣловала дѣвушку, и онѣ пошли назадъ.

Гостей обоего пола набралось уже немало. Дамы, въ пестрыхъ узкихъ платьяхъ, обступили Леночку, выдѣлявшуюся среди нихъ бѣлымъ цвѣтомъ своего наряда. Мужчины въ мундирахъ, фракахъ и черныхъ сюртукахъ, гнули спины. Леночка

робко улыбалась гостямъ. Глазами она искала отца и Терюханова. Она увидѣла ихъ вмѣстѣ, въ освѣщенномъ корридорѣ, куда двери изъ залы были отворены. Онъ говорилъ о чемъ-то съ Петромъ Алибеичемъ и хмурилъ брови.

Гостей было около двадцати душъ. Бесѣдовали сначала солидно, и только иногда вырывалась рѣзкая нота молодого голоса, или кто-нибудь смѣялся. Старухи сплетничали. У всѣхъ лица праздничныя, и въ комнатахъ жарко; пахло табакомъ, одеколономъ, помадой.

Пани Юскевичъ, въ своемъ бураковомъ платьѣ и золотыхъ браслетахъ, нѣсколько разъ проходила по залѣ съ заботливымъ выраженіемъ лица. Толстая барыня, мать двухъ барышенъ, пожала ей руку и удивилась, что есть еще благородныя натуры. Потому что пани представляетъ рѣдкій образецъ благородства. Она замѣнила неопытной институткѣ мать! Она смотритъ за чужимъ хозяйствомъ, какъ за своимъ собственнымъ! Обѣ дамы взглянули въ сторону Леночки, съ выраженіемъ участія и даже

любовно. Послѣ чего, пани, вздохнувъ, продолжала путь, а толстая мамаша сдѣлала на ея счетъ женѣ судьи нѣсколько злыхъ замѣчаній.

Гости видѣли, что майоръ скученъ. Леночка чувствовала, что по временамъ онъ пристально смотритъ на нее. Кровь у ней стыла; ложечка, которою она ѣла варенье, дрожала въ ея пальцахъ.

Въ первый разъ случилось, что Брилліантовъ ни для кого изъ гостей не служилъ центромъ. Его голоса не было слышно, и мало-по-малу на него перестали обращать вниманіе. Ѣли, пили и играли въ карты — точно въ гостиницѣ. Душой общества сталъ Буханцевъ. Терюхановъ напрасно ждалъ случая еще переговорить съ Леночкой безъ свидѣтелей. Когда онъ подходилъ къ ней, она вставала, брала подъ руку какую-нибудь барышню и исчезала. Красный и злой, онъ долго сидѣлъ въ кабинетѣ и, наконецъ, уѣхалъ незамѣтно.

До сихъ поръ въ домѣ Брилліантова всѣ ходили по струнке, и свои, и чужіе.

Но эта струна вдругъ порвалась. И Брилліантовъ,—когда Прасковья Ивановна сѣла за фортепіяно, а молодые люди стали танцовать,—съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на пестрый вихрь платьевъ, чуть не бившихъ его по лицу, на гостей, смѣявшихся уже непринужденно, споривших и курившихъ. Онъ точно не былъ хозяиномъ дома, а первый разъ пришелъ самъ въ гости и робко затерялся въ толпѣ. Стыдъ жегъ его. Ему казалось, что всѣ узнали объ его несчастьи и радуются.

А несчастье у него было большое. Первая догадалась Юскевичъ.

Она ласково поманила къ себѣ Леночку и, уведя ее въ корридоръ, сказала опасливо:

— Что это съ папочкой, Леночка?

— Я сама смотрю. Ему что-нибудь на меня наговорили?..

— Ой, нѣтъ, не то! Ужь я знаю его натуру. Онъ вышелъ и руки сталъ ломать... Онъ никогда рукъ не ломалъ!

Обѣ помолчали. Изъ залы неслись звуки фортепіяно, голоса гостей. Голосъ Буханцева покрывалъ другіе голоса.

— Тутъ что-нибудь очень серьезное! сказала Юскевичъ, сосредоточенно глядя на Леночку.

Та стояла блѣдная и тоже сосредоточенно глядѣла на нее.

— Что-же?

Юскевичъ развела руками. Потомъ, увидѣвъ повара въ дверяхъ, она бросилась къ нему, а Леночка постояла и вернулась въ залу. И хотя неизвѣстное горе отца, какъ туча, висѣло теперь надъ нею, но ей стало легче. Руки у ней перестали дрожать, и она смотрѣла смѣлѣе.

Безконечно длился вечеръ. Запахъ жаренаго мяса и тѣста проникалъ въ комнаты. Накрыли столъ. Явилась Юскевичъ и попросила гостей садиться. Разговоры стихли.

Громадный пирогъ былъ поставленъ на большомъ столѣ. Вилки и ножи потянулись къ пирогу. Тутъ только гости вспомнили о Брилліантовѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось ему. Онъ увидѣлъ улыбающіяся лица, благодарные взоры. Мы-

сленно онъ назвалъ гостей скотами: онъ становился уже философомъ.

Когда захлопали пробки и полилось шампанское, всѣ принялись кричать. По предложенію Буханцева, майора подняли и качали. Мелкія деньги посыпались у него изъ кармана. Его пустили — онъ кланялся, долженъ былъ благодарить за честь.

Онъ много пилъ, но хмель его не бралъ. Послѣ ужина жандармскій капитанъ участливо пожалъ майору руку. Молодежь хотѣла еще танцовать, но дамы постарше стали прощаться. Ихъ не удерживали, примѣръ ихъ заразительно подѣйствовалъ на другихъ, и гости скоро ушли.

Въ пыльномъ воздухѣ тускло догорали свѣчи и лампы. Проводивъ въ переднюю Прасковью Ивановну, Леночка поспѣшила къ отцу. Онъ сидѣлъ на диванѣ и исподлобья смотрѣлъ на дочь.

— Папочка, что съ тобою?

Пани Юскевичъ подбѣжала. Подошелъ ея мужъ.

— Егоръ Егорычъ, что съ вами?

— Что со мною?

Онъ всталъ, выпрямился.

— Подъ судъ, съ устраненіемъ отъ должности! крикнулъ онъ истерически.

И видя, что всѣ замерли, пораженные новостью, онъ усмѣхнулся, укоризненно покивалъ головою передъ портретомъ генералъ-губернатора, занимавшимъ въ залѣ почетное мѣсто, ударилъ себя въ грудь, ушелъ и заперся въ кабинетѣ.

IX

На другой день вѣсть, которую Буханцевъ принесъ Бриллiантову на именины, разнеслась по городу и получила оффиціальное потвержденіе. Изъ Вильно пришла бумага, по которой начальникъ несвѣнцянскаго округа предавался суду. Но отстраненіе отъ должности было временное. Узнавъ объ этомъ, Леночка хо-

тѣла сказать папочкѣ, что вотъ и слава Богу! — есть возможность оправдаться и нечего особенно печалиться. Но папочка такъ посмотрѣлъ на нее, что она фразу свою не кончила.

Обидно было Брилліантову. На улицѣ онъ чувствовалъ себя униженнымъ — ему вдругъ почти всѣ перестали кланяться. Дома его раздражали сочувственные взгляды Леночки. Дѣвчонка, которую онъ высѣчь можетъ, смѣетъ *сочувствовать*, »то-есть« заявлять какъ бы о своемъ нравственномъ превосходствѣ надъ отцомъ. Но когда онъ увидѣлъ, что Леночка взялась за книгу и, слѣдовательно, не все намѣрена сочувствовать, то опять возмутился. У отца горе, а дочь читаетъ! Онъ мучилъ прислугу и даже пани Юскевичъ; но передъ послѣдней скоро смирился; та пригрозила ему какими-то векселями.

Нѣсколько часовъ провелъ онъ въ управленіи. Вдругъ, онъ вернулся домой съ крикомъ и бранью. Леночка давно не видала его такимъ. Онъ прямо вбѣжалъ въ ея комнату и больно схватилъ за руку.

Смеркалось. Но можно было различить, какъ зло горятъ его глаза.

— Папочка!

— Я тебѣ дамъ — »папочка!« Я тебѣ дамъ — »папочка!!«

Онъ задыхался. Полился потокъ словъ, которыя Леночка давно окрестила »папочкиными словами«.

— Говори, какія шашни завелись у тебя съ Діаконовыми?

Леночка въ страхѣ молчала. Она не понимала вопроса. Папочка приблизилъ къ ея лицу свое лицо и выразительнымъ шопотомъ произнесъ:

— Убью!

Леночка зарыдала.

— Слышишь? Знаешь, на что пошли твои деньги? На мою погибель! ты помогала копать мнѣ яму! Ты, моя дочь! Ты! Я тебя вскормилъ, воспиталъ...

Папочка произнесъ цѣлую рѣчь. Весьма естественныя заботы, которыя обязательны по отношенію къ дѣтямъ, онъ выставлялъ, какъ акты высокой добродѣтели. Леночка находила, что, въ са-

момъ дѣлѣ, когда-то папочка былъ добръ къ ней.

— И чѣмъ ты мнѣ за все это заплатила? заключилъ папочка съ гнѣвнымъ презрѣніемъ и потрясъ дочь за руку.

Леночка сквозь слезы спросила:

— Да въ чемъ дѣло, ради Бога?

— Не притворяйся! Когда успѣла ты познакомиться съ Діаконовыми?

— Папочка, я нѣсколько лѣтъ не видѣла ихъ...

— Врешь.

— Папочка, я дѣйствительно передала немного денегъ черезъ Михольскаго мадамъ Діаконовой, но это на голодныхъ дѣтей... Право, это ужасно жестоко... такія обвиненія...

Она опять расплакалась. Майоръ затопалъ ногами, закричалъ. »Папочкины слова« перемѣшивались съ такими словами, какъ »гуманность«, »нигилизмъ«, »обличители«, »развратъ«. У Леночки въ головѣ шумѣло, горло истерически сжималось, она чувствовала, что папочка несправедливъ, что онъ придирается, и ее

оскорбляло, что онъ такъ грубъ. Она хотѣла возражать и не могла.

Брилліантовъ, видя, что пронялъ Леночку, слегка стихъ. Онъ впалъ въ тонъ проповѣдника. Онъ говорилъ, что есть люди, цѣль которыхъ пакостить ближнему. Таковы всѣ эти Діаконовы, Михольскіе. Они »подвели« Леночку, и она — увы! — очутилась въ рядахъ заклятыхъ враговъ своего собственнаго отца. Голодныя дѣти! Да вѣдь это ложь. Не было ни одного голоднаго случая. У мужиковъ деньги зарыты въ землѣ, а что они лопаютъ всякую гадость — »макуху, картошку цѣлыми корытами« (майоръ голосомъ старался изобразить, какая это гадость) — такъ кто же виноватъ? Скоты скотами всегда останутся. »Леночка! заключилъ онъ грозно: знай, ты вооружилась противъ меня. И не забывай, что ты мнѣ дочь. Я не посмотрю на то, что у тебя длинное платье«.

Съ этими словами онъ вышелъ.

Леночка была поражена не столько па-

почкиной угрозой — потому что знала, »папочка сдѣлать этого не посмѣетъ« — сколько обвиненіемъ, что она способствовала папочкиной »погибели«. Это было нелѣпое обвиненіе. Онъ самъ во всемъ виноватъ. Развѣ она не понимаетъ? Слава Богу, ей двадцать лѣтъ. Нарыдавшись въ волю, она стала соображать, какъ могъ узнать папочка о томъ, что она жертвовала деньги. Пани Юскевичъ сказала? Эта дама все знаетъ. Леночка вспомнила о счетѣ, который принесъ ей Осипъ Антонычъ. Она бросилась къ шкафу и, открывъ его, стала искать въ карманахъ платьевъ тотъ счетъ — нащупала его и успокоилась. Или, пожалуй, Прасковья Ивановна сказала? Леночка терялась въ догадкахъ.

Совсѣмъ стемнѣло. Во мракѣ утонули всѣ предметы — и вазы съ гербами Хронщей, и портретъ папочки, и туалетное зеркало, и постель. Леночка сидѣла печально въ креслѣ, уронивъ на колѣни руки, опустивъ голову. И вотъ точно также, какъ вчера, на противоположной

сторонѣ улицы вспыхнулъ огонь. Леночка вздрогнула. Свѣтлый лучъ упалъ на ея колѣни и руки, и онѣ выступили изъ темноты. Она подняла голову. Огонь весело горѣлъ. Еслибы не запотѣли окна, можно было бы различить, кто тамъ сидитъ, при этомъ огнѣ. Леночка была увѣрена, что во всякомъ случаѣ — человѣкъ, который счастливѣе ея.

Въ тотъ вечеръ, за чаемъ, — Леночка должна была выйти заварить чай, потому что Юскевичъ ушла рано — папочка опять придирался. Онъ сдѣлалъ выговоръ, зачѣмъ бѣлый хлѣбъ покупаютъ. Теперь можно и черный ѣсть; нечего »пановать«. И потребовавъ чернаго хлѣба, онъ раскрошилъ цѣлый ломоть, но не съѣлъ. »На макуху сядемъ скоро, благодаря тебѣ«, сказалъ онъ и хрустнулъ пальцами. Леночка, у которой лицо распухло отъ слезъ, съ упрекомъ взглянула на отца.

Онъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Чего смотришь! — Породилъ этакое чудовище! Это, видите ли, дочь честнаго солдата! Разъѣзжаетъ чуть свѣтъ, можетъ

быть, Богъ знаетъ зачѣмъ! А я, старый дуракъ, не надышусь на нее! Невиннымъ ангеломъ считаю! Вотъ времена!

Онъ прошелся по комнатѣ и, вынувъ вдругъ изъ бокового кармана сложенную какъ-попало газету, швырнулъ ее Леночкѣ.

— Читала?

Леночка подняла газету и боязливо покосилась на папочку.

— Читай, что отмѣчено синимъ карандашомъ, читай вслухъ!

Онъ сѣлъ и приготовился слушать, съ недоброй улыбкой.

Леночка развернула газету. Это были »С.-Петербургскія Вѣдомости«. Она отыскала отмѣченное синимъ карандашемъ мѣсто. »*Александрійскъ* (*корреспонденція С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*«)... Буквы прыгали въ глазахъ, она не могла читать.

— Папочка, я потомъ...

Но ему хотѣлось, чтобъ она теперь прочитала. Онъ настаивалъ, она отерла слезы и снова взяла газету.

»Въ нашемъ богоспасаемомъ градѣ разыгралась недавно одна изъ тѣхъ драмъ, которыя, къ счастію, будучи весьма рѣдки, наводятъ тѣмъ не менѣе на тяжелыя размышленія. Хотя, съ одной стороны, уединенное положеніе Александрійска, окруженнаго лѣсами и болотами, предохраняетъ его отъ слишкомъ частаго административнаго воздѣйствія центра, но съ другой, отсутствіе этого воздѣйствія даетъ черезчуръ много простора произволу мѣстныхъ предержащихъ властей. Нашъ александрійскій преторъ, майоръ*** давно уже возбуждаетъ справедливое негодованіе въ средѣ мѣстнаго населенія, какъ крайнею безцеремонностью своихъ воззрѣній на права личности и сопряженныя съ этими правами гарантіи, такъ и широкимъ примѣненіемъ этихъ воззрѣній на практикѣ. Въ текущемъ году наводненіе«... Тутъ слѣдовало описаніе наводненія и печальнаго пребыванія мужиковъ въ Несвѣцянахъ, кончившагося еврейскимъ погромомъ. »Въ городѣ всѣ увѣрены, читала Леночка, что вышеназванный преторъ,

главнымъ образомъ, виновенъ въ возникновеніи безпорядковъ и осложненіи экономическихъ причинъ этого бунта религіозными. Утверждаютъ, что имъ была спрятана въ своей квартирѣ необыкновенной красоты дѣвочка и затѣмъ самолично пущенъ слухъ о закланіи ея евреями, результатомъ чего и было, между прочимъ, пріумноженіе преторскихъ сокровищъ, сдѣланное на счетъ еврейскихъ кармановъ. Дѣвочка была выпущена, но... въ такомъ состояніи, что многіе александрійскіе обыватели были до глубины души этимъ возмущены. Докторъ Д. и его жена приняли искреннее участіе въ несчастной, слишкомъ рано сдѣлавшейся жертвой сластолюбиваго произвола, а собственная дочь майора *** поспѣшила прислать въ пользу бѣднаго существа 19 р. Если послѣднее справедливо, то можно порадоваться этому, какъ утѣшительному явленію, доказывающему, что замѣчающаяся въ послѣднее время рознь между отцами и дѣтьми не всегда можетъ быть порицаема«. »Будемъ надѣяться,

во всякомъ случаѣ, продолжала читать Леночка: — что двусмысленная дѣятельность майора *** на поприщѣ управленія ввѣренною ему частью края обратитъ на себя вниманіе начальства, и такимъ образомъ русская пословица: *не все коту масляница,* пріобрѣтетъ и у насъ право гражданства«.

Окончивъ чтеніе, Леночка подняла глаза на отца.

— Ну, что, нравится? спросилъ онъ.

— Папочка, неправда, что я послала деньги *для этой* дѣвочки, сказала она. — Я вообще послала. Объ ней я тогда и не знала... — Но, папочка, я этому не вѣрю!

Въ ея голосѣ послышалось раздражительная нотка. Майору показалось, что дочь скорѣе вѣритъ, чѣмъ не вѣритъ. Слишкомъ выразительно взглянула она на него своими большими заплаканными глазами. Такъ глядѣла когда-то покойница жена.

— Значитъ, ты нехотя повредила мнѣ?

— Мнѣ жаль, что это напечатали, отвѣтила Леночка, беря чайникъ.

— Ну, а еслибы вся эта ложь... не была ложью? спросилъ майоръ и, взявъ Леночку за подбородокъ, поворотилъ къ себѣ ея лицо. — Какъ бы ты отнеслась?

— Папочка, не надо задавать такихъ вопросовъ...

Майоръ больно сдавилъ ей подбородокъ.

— Отвѣчай.

Она опять посмотрѣла на него. Но теперь ему стало совѣстно; онъ не выдержалъ этого взгляда и слегка оттолкнулъ ее.

Конечно, Леночка проплакала весь остальной вечеръ. Она достала изъ шкафа счетъ. »Четыре посконныя сорочки... свитка... платки... на руки предполагается дать десять рублей«... Кому? Наоборотѣ приписано: »справедливо было бы, по нѣкоторымъ причинамъ, деньги ваши употребить исключительно въ пользу глухонѣмой дѣвочки, можетъ быть, не безъизвѣстной и вамъ. Но если вы противъ этого, то поспѣшите увѣдомить«. Стыдно сдѣлалось Леночкѣ. »Можетъ быть, не

безъивѣстной и вамъ«... повторила она шопотомъ. Какъ жестоко! Леночка не раздѣвалась, сидѣла до двухъ часовъ, устремивъ глаза въ пространство и прислушиваясь къ шуму шаговъ папочки, гулкихъ, мѣрныхъ, какъ ходъ тяжелаго маятника, утомительно-однообразно звучавшихъ въ ночной тишинѣ. Свѣча догорала, и надо было потушить ее. Но мракъ едва окуталъ комнату, какъ изъ противоположнаго дома на Леночку опять упалъ лучъ свѣта. И странно — этотъ лучъ благотворно подѣйствовалъ на нее. Почудилось ей что-то ласковое въ немъ, дружеское. Она раздѣлась въ темнотѣ и не спускала глазъ съ привѣтливаго огонька. И мало-по-малу заснула.

X

Потянулись тоскливые дни. Леночка боялась отца и радовалась, когда онъ не

бывалъ дома. Она боялась и Терюханова. Онъ пріѣзжалъ два раза, и хотя пріятно разочаровалъ ее, не заговоривъ о *томъ*, да и сидѣлъ, по обыкновенію, очень недолго (»что пользы напрасно время тратить?«), однако Леночка ждала, что вотъ выйдетъ какая-нибудь непріятность, потому что глаза его смотрѣли черезчуръ безстыдно и съ торжествомъ. Боялась Леночка и пани Юскевичъ. Капитанша »полюбила« Леночку, о чемъ и заявляла ей при всякомъ случаѣ, и потихоньку осуждала папочку. Многое хотѣлось ей разсказать Леночкѣ. Пусть Леночка увидитъ, что пани Юскевичъ всегда вела себя благородно, а папочка, разумѣется, какъ мужчина... Леночку жгло любопытство, но она краснѣла и отказывалась слушать.

Чтобы не раздражать отца, Леночка никуда не выходила. Онъ не могъ не видѣть, что вина ея ничтожна, хотя и ни за что не далъ бы ей этого понять. Впрочемъ, онъ скоро пересталъ относиться къ ней со злобой. Визиты Терюханова

примирили его съ Леночкой. Онъ даже иногда заговаривалъ съ нею, но холодно.

Въ началѣ мая Брилліантовъ долженъ былъ ѣхать въ Вильно. Леночкѣ пришло въ голову, что папочка можетъ взять ее съ собою. Она молилась, чтобы этого не случилось. Но Брилліантовъ надѣялся, что безъ него Леночка съумѣетъ крѣпче привязать къ себѣ Терюханова. Онъ уполномочилъ пани Юскевичъ смотрѣть за Леночкой »въ оба«, оставилъ денегъ, разсчиталъ лишнюю прислугу и цѣлый вечеръ приводилъ въ порядокъ бумаги и укладывался съ тѣмъ, чтобы рано утромъ тронуться въ путь.

Жаль было отца Леночкѣ; однако, она съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ожидала его отъѣзда, все не вѣря, что она остается одна и будетъ на волѣ цѣлый мѣсяцъ, а можетъ и больше. Ранехонько вскочила она съ постели и, накинувъ пальто, выбѣжала въ туфляхъ на крыльцо посмотрѣть, не закладываютъ ли уже лошадей. Въ мутномъ свѣтѣ занявшагося дня спокойно чернѣлъ среди двора

дорожный тарантасъ, съ торчавшимъ кверху дышломъ, и подъ нимъ, свернувшись въ клубочекъ, спала дворняжка.

Но вотъ зачирикали воробьи, скрыпнули ворота. Пастухъ заигралъ на рожкѣ и громко хлопнулъ бичемъ. Вышелъ кучеръ и сталъ подмазывать тарантасъ. Потомъ онъ повелъ поить лошадей, одѣтыхъ въ сѣрыя съ краснымъ попоны. Леночка сказала кучеру: »Здравствуй!« — Онъ снялъ картузъ, не глядя на барышню. На востокѣ золотились облака, дулъ теплый вѣтеръ. Леночка радовалась: »Папочкѣ хорошо будетъ ѣхать«.

Она сбѣгала на кухню и увидѣла, что уже самоваръ шумитъ. Поваръ, получившій вчера отставку, сердито дулъ на блюдечко съ горячимъ кофеемъ. Но старая кухарка весело хлопотала возлѣ печи и жарила на вертелѣ цыплятъ. Она почтительно привѣтствовала Леночку.

— Скоро будетъ готово?

— Зàразъ, милая паненка, зàразъ!

Леночка вернулась назадъ. Деньщикъ,

съ рѣдкимъ усердіемъ, чистилъ на крыльцѣ папочкины ботфорты.

— Ты съ папочкой поѣдешь?

— Точно такъ!

Но прошелъ еще цѣлый часъ, прежде чѣмъ уѣхалъ папочка.

Пани Юскевичъ, въ шляпкѣ и шали, вбѣжала къ Леночкѣ и объявила, что уже лошади запряжены.

Леночка поблѣднѣла.

— Папочка хочетъ съ вами, милочка, поговорить на прощанье.

Въ залѣ за чайнымъ столомъ, гдѣ кипѣлъ самоваръ, майоръ сидѣлъ въ патріоткѣ, въ высокихъ сапогахъ и съ сакъ-вояжемъ черезъ плечо. Увидѣвъ дочь, онъ протянулъ ей руку.

— Господь съ тобой, я на тебя не сержусь, сказалъ онъ. — Я, Леночка, солдатъ и привыкъ рубить прямо. Что было, то было — не исправить, а что будетъ — посмотримъ. Садись и мирно напьемся вмѣстѣ чаю.

Леночка нѣсколько разъ поцѣловала руку отца. Отъ папочкиной ласки и от-

того, что папочка уѣзжаетъ, она улыбалась.

— Ты радуешься, что я уѣзжаю? сказалъ папочка.

— Я, папочка, радуюсь, что ты меня простилъ, отвѣчала Леночка покраснѣвши.

Напившись чаю и позавтракавъ, Бриллiантовъ помолился на иконы и молча сѣлъ. Сѣла Юскевичъ, Леночка. Позвали деньщика, горничную и тѣмъ приказали сѣсть. Послѣ чего папочка стремительно всталъ и, поцѣловавъ у пани Юскевичъ руку, крѣпко обнялъ Леночку, кивнулъ головой горничной и прибѣжавшей кухаркѣ и вышелъ на крыльцо. Всѣ пошли за нимъ. Леночка вспомнила, что папочка забылъ на окнѣ трубку и сама бросилась за нею. Отецъ уже сѣлъ въ тарантасъ. Она, запыхавшись, подала ему трубку, ставъ на подножку. Изъ подъ военнаго козырька ласково посмотрѣли на нее папочкины глаза. Она заплакала. Папочка благословилъ ее и, когда она соскочила съ подножки, приказалъ трогать.

Лошади мягко рванули экипажъ, за-

звенѣлъ колокольчикъ. Брилліантовъ высунулся и нѣсколько разъ поклонился. Леночка побѣжала въ комнаты, къ своему окну и, раскрывъ его, смотрѣла въ слѣдъ удалявшемуся тарантасу.

Скоро онъ исчезъ изъ виду. Леночка вздохнула всей грудью.

Въ домѣ раздались шаги, безцеремонная суетня. Гдѣ-то была отворена дверь, и струя свѣжаго воздуха пронеслась по комнатамъ. Леночка стояла на сквозномъ вѣтрѣ, и пряди ея волосъ мягко, точно паутина, били ее по лицу. Пріятная слабость разлилась по тѣлу. Ей казалось, что она не ложилась еще спать. Она бросилась на кровать, голова кружилась, вѣки смыкались.

Вошла, стуча каблуками, пани Юскевичъ и наклонилась къ Леночкѣ. Что съ Леночкой? Но Леночка сонно улыбнулась. Она не могла сказать ни слова. Юскевичъ о чемъ-то говорила, но уже нельзя было разобрать о чемъ. Наконецъ, она ушла, на цыпочкахъ, и свинцовый сонъ сковалъ Леночку.

Часа четыре спала она въ одной и той же позѣ, въ платьѣ, слегка закинувъ голову, полураскрывъ губы, блѣдная, и грудь ея дышала безшумно.

Когда она проснулась, виски и лобъ у ней были въ поту. Солнце било прямо въ глаза. Который часъ? Скоро двѣнадцать.

Она вскочила и опустила штору. Еще хотѣлось спать; она чувствовала страшную усталость. Но она вспомнила, что папочка уѣхалъ, и чувство усталости какъ-то разомъ исчезло. Она подошла къ зеркалу, причесала волоса, умылась, надѣла блѣдноголубое барежевое платье. Горничной она приказала приготовить чай въ маленькой гостиной. Леночка сидѣла на диванѣ, пила чай и думала, что теперь уже папочка сдѣлалъ, вѣроятно, верстъ пятьдесятъ. Окончивъ чай, она сѣла за фортепіано и сыграла »Пробужденіе льва«. Она давно не играла. Потомъ, узнавъ, что пани Юскевичъ придетъ только въ два часа — объ этомъ, должно быть, капитанша и говорила, ко-

гда являлась къ ней въ спальню — Леночка обрадовалась, захлопнула крышку, такъ-что струны зазвенѣли, и побѣжала въ папочкинъ кабинетъ. Крѣпко ей хотѣлось осмотрѣть его. Она больше двухъ лѣтъ не была здѣсь. Уходя, папочка всегда запиралъ двери. Но и теперь онѣ заперты. Леночка разочарованно постояла возлѣ нихъ. Двери обыкновенныя, но кажутся массивными, и мѣдныя части замка, вычищенныя мѣломъ, таинственно сіяютъ. Леночка нагнулась и стала смотрѣть въ замочную скважину. Въ кабинетѣ темно, ставни закрыты. Услышавъ шаги кухарки, Леночка покраснѣла и пошла назадъ.

Въ спальнѣ уже было прибрано: штора поднята, и узенькая желѣзная кровать застлана розовымъ одѣяломъ. Въ вазахъ благоухали весенніе цвѣты. Старинное бѣлое кресло съ спинкой въ формѣ лиры съ бронзовыми гвоздиками, обитое присиженнымъ алымъ бархатомъ, стояло у окна, и на кругломъ столикѣ лежала голубенькая французская книжка.

— Надо почитать, подумала Леночка и сѣла въ кресло.

Но не читалось. Ей было досадно, что кабинетъ запертъ.

Она стала соображать, не поѣхать ли послѣ обѣда къ Прасковьѣ Ивановнѣ, отомкнула шкатулку и долго искала листикъ почтовой бумаги съ картинкой. У ней имѣлся такой листикъ. На немъ она хотѣла написать нѣсколько словъ Прасковьѣ Ивановнѣ и предупредить ее. Можно было и не предупреждать, но въ этомъ, какъ ей казалось, есть что-то »самостоятельное«. Въ шкатулкѣ былъ большой безпорядокъ, и отъ кучи писемъ, футляровъ съ цѣнными вещицами, ленточекъ, перчатокъ и хорошенькихъ коробочекъ пахло сухими цвѣтами и мускусомъ. Наконецъ, она нашла листикъ въ конвертѣ съ зелеными арабесками, и когда вынимала его, то изъ шкатулки выпало пенснэ. Леночка схватило пенснэ.

Но послышался колокольчикъ. У ней затряслись руки. И на докладъ горничной,

что пріѣхалъ Терюхановъ, она сердито сказала:

— Безъ папочки я никого не принимаю. Нѣтъ дома!

Горничная ушла.

Леночка надѣла пенснэ и поглядѣла на улицу. Она видѣла, какъ проѣхалъ, улыбаясь, Петръ Алибеичъ. Окно въ домѣ, что напротивъ, было открыто и сквозь пенснэ казалось маленькимъ и искривленнымъ. Тамъ сидѣлъ Михольскій и, облокотившись на подоконникъ, пристально смотрѣлъ на Леночку.

Этого Леночка меньше всего ожидала. Жаркій румянецъ залилъ ея лицо, сердце забилось, какъ отъ испуга. Стремительнымъ движеніемъ руки она скинула пенснэ, опустила штору и потомъ долго стояла посреди комнаты, не шевелясь, затаивъ дыханіе.

И стоя такимъ образомъ, съ стыдливо потупленными глазами, она думала о томъ, что теперь ужь не зачѣмъ ѣхать къ Прасковьѣ Ивановнѣ.

XI

День этотъ былъ жаркій — первый жаркій день. Леночка вышла въ садъ. Молодые листочки на деревьяхъ ярко зеленѣли. Тамъ и сямъ пестрѣли цвѣты. Крулевское болото синѣло, точно озеро. И башенки на палацѣ Хронща вырисовывались на блѣдной лазури безоблачнаго неба.

Леночка распустила зонтикъ и шла. Мотыльки кружились въ воздухѣ. Птицы кричали. Весна! И Леночка, съ блистающими глазами, съ разгорѣвшимся лицомъ, глядѣла вдаль, гдѣ хмурилась зелень сосноваго бора.

На берегу была устроена, подъ липами, скамейка со столикомъ. Леночка сѣла.

Пани Юскевичъ издали увидѣла дѣвушку. Она долго смотрѣла на нее. Леночка сидѣла неподвижно, погруженная въ неопредѣленныя думы, и капитанша улыбнулась.

— Леночка!

Но та не слышала.

— Леночка!

Леночка оглянулась, и губы ея сложились въ холодную улыбку.

— О папочкѣ замыслились? Ахъ, нашъ папочка! Гдѣ-то онъ, Леночка, теперь?

Пани сѣла рядомъ съ Леночкой и поднесла платокъ къ глазамъ.

— Хорошо, если все это кончится благополучно! А ежели же нѣтъ? Бѣдныя мои денежки — ищи вѣтра въ полѣ!

— Вамъ папочка долженъ?

— Восемь тысячъ, Леночка, ни гроша меньше.

Пани задумчиво посмотрѣла вдаль.

— За что вамъ папочка долженъ?

— Какъ за что! *Отъ* такъ вопросъ!

Она пожала плечами и не отвѣтила.

Молча сидѣли онѣ нѣсколько минутъ. Леночку мучило, что папочка столько долженъ. И прежняя непріязнь ея къ капитаншѣ ожила съ новой силой.

Но пани Юскевичъ, спрятавъ платокъ въ карманъ, посмотрѣла на Леночку съ нѣжностью. Она взяла ее за талію,

и на ея лицѣ, широкимъ розовымъ пятномъ, разлился румянецъ. Пани стала говорить, что есть на свѣтѣ глупые люди, полагающіе все свое счастье въ заботѣ о ближнихъ. Къ такимъ людямъ принадлежитъ она. Папочка очень мало оставилъ денегъ. И чтобъ дешевле выходило, она придумала свое хозяйство соединить на время съ папочкинымъ. Завтра переберется къ нимъ и капитанъ, потому что ему скучно будетъ одному на квартирѣ. Она пытливо глядѣла на Леночку, та молчала.

— Леночка, сказала пани Юскевичъ: — ежели-бъ вы знали, какъ я искренно желаю вамъ всего лучшаго. Повторяю — держитесь меня. Я опытнѣе *отъ* васъ. Что случится, то я первая выручу васъ изъ бѣды и папочку уговорю не сердиться.

— Хорошо, переѣзжайте, прошептала Леночка.

Пани пожала ей руку.

Солнце грѣло по лѣтнему. Онѣ встали и пошли къ дому, между кустовъ сморо-

дины, которыми обсажена была дорожка. Дома ихъ ожидалъ обѣдъ. Проходя по корридору, Леночка почувствовала, какъ забилось ея сердце возлѣ кабинета. Она искоса глянула на двери. Пока онѣ заперты, она не можетъ считать себя совершенно свободной.

— Гдѣ ключъ отъ кабинета? спросила она, покраснѣвъ.

— Спрятанъ вонъ тамъ... Я вамъ дамъ его, милочка, отвѣчала Юскевичъ.

Леночка за обѣдомъ думала о Михольскомъ. Вдругъ пани Юскевичъ стала говорить, опустивъ свои большія вѣки, что напрасно Леночка отталкиваетъ отъ себя Терюханова. Конечно, Леночка не любитъ его, для нея это ясно. Но любовь одно, а замужество другое. Слѣдуетъ держать Петра Алибеича въ запасѣ, на всякій случай, по крайней мѣрѣ. Къ тому же, надо подумать, въ какомъ положеніи папочка. Леночка оторвалась отъ мыслей о Михольскомъ и слушала капитаншу.

— Можно, Леночка, любить, продол-

жала та, все не поднимая глазъ: — но случается нерѣдко такъ, что полюбишь кого, а замужъ за него никакъ нельзя выйти...

Тутъ она разсказала, какъ въ Минскъ пріѣхалъ, лѣтъ десять тому назадъ, красивый и богатый молодой человѣкъ. Одинъ у него былъ изъянъ: лобъ былъ покрытъ какою-то сыпью, и онъ носилъ шелковую повязку. Влюбляется онъ въ вице-губернаторскую дочку, и та отвѣчаетъ ему взаимностью. Онъ добился свиданія, и дѣло у нихъ пошло такъ, что надо было поспѣшить свадьбой. Были сдѣланы всѣ приготовленія, но наканунѣ — женихъ исчезъ... Что же вы думаете? Онъ оказался бѣглымъ клейменымъ каторжникомъ. »Однимъ словомъ, Леночка,« заключила пани: — »надо очень опасаться мужчинъ, прошлое которыхъ намъ неизвѣстно«.

Дѣвушка молчала. Она вспомнила о восьми тысячахъ и подумала, что нѣкоторыя женщины тоже опасны.

Послѣ обѣда явился капитанъ Юскевичъ, съ худымъ молоденькимъ офицеромъ.

Для нихъ опять накрыли столъ. Капитанъ велъ себя скромно, ходилъ на цыпочкахъ. Офицеръ краснѣлъ, но, глядя на Леночку, крутилъ усики и надувалъ грудь.

Когда они стали ѣсть, Леночка ушла въ садъ и долго бродила по дорожкамъ. Она не хотѣла бы встрѣтиться теперь съ капитаншей.

Эта женщина казалась ей безсовѣстной. »Я не стану съ ней церемониться«, говорила она себѣ. — »Она изъ всего хочетъ извлечь выгоду. Она, кажется, обѣщаетъ, что не будетъ доносить на меня. Но я ничего дурного и не дѣлаю«.

Солнце стояло уже низко, и отъ Крулевскаго болота вѣяло прохладой. Весенній ароматъ нѣжилъ грудь. Но Леночка не успокоивалась. Нервы ея, напротивъ, раздражала эта ласкающая обстановка. Утромъ она чувствовала усталость. Теперь кровь упруго струилась въ жилахъ, и ей хотѣлось ходить безъ конца, щеки ея горѣли.

Но постепенно она забыла о капитан-

шѣ. Терюхановъ промелькнулъ тусклымъ, непріятнымъ воспоминаніемъ. Вспомнила она о папочкѣ, но безъ страха. Всѣ ея помыслы сосредоточились на человѣкѣ, съ бѣлокурыми волосами, съ пристально устремленнымъ на нее взглядомъ темно-сѣрыхъ глазъ.

Въ золотистомъ сумракѣ потухающаго дня ей чудились эти добрые глаза, и по мѣрѣ того, какъ блѣднѣли тѣни и небо становилось безцвѣтнѣе, усиливалось ея волненіе.

Солнце зашло. Леночка обернулась и смотрѣла на закатъ, гдѣ погасало желтое зарево. Вѣтерокъ поднимался. Страстная тоска овладѣвала ею.

Бѣлыя сумерки долго стояли надъ садомъ. Похолодѣло и было уже темно, когда Леночка покинула садъ.

Въ корридорѣ горѣла лампочка. Юскевичи ушли со своимъ гостемъ.

Леночка зажгла въ домѣ всѣ свѣчи, всѣ лампы. Горничная пришла съ самоваромъ и глазѣла на комнаты, принявшія праздничный видъ.

— Я тебя не люблю, объявила Леночка горничной. — Ты все передаешь пани Юскевичъ.

— А что-бъ же я лопнула, барышня!

Напрасно барышня уличала ее. Горничная божилась, смотрѣла на иконы, плакала.

— Хорошо, я тебя когда-нибудь испытаю, Марися. Измѣнишь — прогоню и возьму другую. — Завари чай.

Марися заварила чай и, хлопоча возлѣ самовара, съ покорнымъ и невиннымъ видомъ, со слезами, сверкавшими еще на глазахъ, утащила нѣсколько кусковъ сахара и торопливо сунула ихъ за пазуху.

Леночка задумчиво ходила по залѣ. Яркій свѣтъ огней странно дѣйствовалъ на Леночку. Вотъ-вотъ придутъ гости и въ числѣ ихъ одинъ, которому она крѣпко пожметъ руку. Въ большомъ зеркалѣ, что въ маленькой гостиной, отражались комнаты съ синимъ фонаремъ и лампами. И эти комнаты казались призрачными, какъ и гости, которыхъ ожидала Леночка.

— Барышня, чай готовъ.

Леночка вернулась въ залу и приказала потушить свѣчи. Она выпила чашку чая, съѣла кислаго молока. Зала была теперь полуосвѣщена, въ остальныхъ комнатахъ чернѣлъ мракъ.

— Неужели мы, Марися, однѣ съ тобой въ залѣ? спросила Леночка.

У Мариси былъ ротъ набитъ булкой. Одна щека смѣшно раздулась, Марися молчала.

— Пани Юскевичъ обѣщала придти? спросила Леночка.

Марися кивнула головой.

Леночка встала, взяла свѣчку и пошла въ спальню. На голубенькой книжкѣ французскаго романа лежалъ ключъ. Конечно, это положила пани Юскевичъ. Леночка схватила ключъ. Посидѣвъ немного и подумавъ, что Юскевичъ бываетъ иногда милая, она направилась къ кабинету.

Она нерѣшительно вдвинула ключъ въ замокъ. Когда онъ щелкнулъ съ двойнымъ звономъ, она вздрогнула. Дверь

отворилась, и Леночка вошла въ кабинетъ.

Свѣтъ упалъ на письменный столъ, за которымъ стояла широкая софа съ пестрыми подушками. Надъ софой блестѣло продольное зеркало. Кресло, обитое краснымъ сукномъ, стояло въ сторонѣ. Въ шкафахъ, въ тяжелыхъ переплетахъ, тянулись толстые томы »Свода Законовъ«, съ безчисленными »Приложеніями«. У майора другихъ книгъ не было.

Леночка поставила на столъ свѣчку. Въ кабинетѣ — ничего особеннаго. Дверь изъ кабинета вела въ спальню майора. На полуторной кровати лежалъ обнаженный матрацъ, неопрятный, съ красными бахромчатыми пуговицами; на стѣнѣ прибитъ стриженый коврикъ, а на немъ развѣшаны ружья, кинжалы, нагайки, сабли.

Но вотъ налѣво, въ простѣнкѣ, бѣлѣетъ что-то овальное. У Леночки сердце учащенно забилось. Она взяла свѣчу и увидѣла, что это картина, закрытая кисеею. Когда Леночка подняла кисею, на нее глянуло изъ подъ стекла блѣдное,

печальное лицо молодой женщины въ локонахъ, въ кружевной бѣлой мантильи.

Леночка ахнула. То былъ портретъ ея матери, которую она едва помнитъ. Онъ былъ писанъ акварелью, и краски слегка выцвѣли.

Зачѣмъ папочка закрываетъ его?

Она смотрѣла на портретъ и сравнивала эту красивую, граціозную женщину съ пани Юскевичъ. И ей казалось, что портретъ печально улыбается.

. . . . . .

Она ушла изъ кабинета. Руки ея дрожали, когда она запирала двери.

Юскевичъ явилась поздно. Леночка молча возвратила ей ключъ.

— Были въ кабинетѣ?

— Нѣтъ.

— Значитъ, папочкина альбома не видѣли?

— Какого альбома?

— Такого!

Капитанша спрятала ключъ и улыбнулась. Леночка покраснѣла.

Разставшись съ пани Юскевичъ, Ле-

ночка пошла въ свою спальню и сѣла у окна. Голова у ней кружилась, она жадно вдыхала холодный воздухъ ночи.

Пробилъ часъ. Она легла, и спать ей не хотѣлось. Странные образы толпились вокругъ ея постели. Бѣлье казалось ей горячимъ. Во мракѣ ей улыбались знакомые глаза, и чудилось, что *онъ* наклоняется къ ней. И, закинувъ голову, она беззвучными губами, стыдясь самой себя, возвращала поцѣлуи милому призраку.

XII

Леночка заболѣла. Болѣзнь пустая, но Леночка не покидала спальню. Штора на окнѣ была все время опущена, и въ комнату свѣтъ проникалъ изъ стеклянныхъ дверей, выходившихъ въ садъ, на терасу. Зимою онѣ наглухо забивались, теперь же Леночка приказала ихъ открыть, а другія двери держать на замкѣ. Она

сидѣла въ своемъ бѣломъ креслѣ, въ бѣлой кофтѣ, обшитой кружевами, въ туфляхъ, съ книгой въ рукѣ, лицомъ къ раскрытымъ дверямъ, и по цѣлымъ часамъ глядѣла на садъ. Садъ зеленѣлъ въ лучахъ майскаго солнца, и деревья шумѣли молодой листвой.

Пани Юскевичъ поселилась въ домѣ съ мужемъ и деньщикомъ, и каждый день у капитана бывали гости. Леночка слышала ихъ голоса, и ей не нравилось, что пани обратила папочкинъ домъ въ какой-то трактиръ. Скоро она узнала, что гости эти, дѣйствительно, платятъ деньги капитаншѣ за столъ.

Деньщикъ капитана, Янъ, блѣдный заморенный солдатикъ, проходилъ иногда черезъ садъ, недалеко отъ терасы, и Леночка видѣла, какъ набрасывалась на него пани Юскевичъ и какъ онъ трепеталъ передъ нею. У него смѣшно торчали вихры, пуговицъ на мундирѣ недоставало. Юскевичъ тыкала его кулакомъ куда попало и кричала, что онъ ничего не дѣлаетъ. Но Янъ работалъ безпрестанно,

потому что политика у пани была такая, чтобъ руки деньщиковъ не оставались ни на минуту праздными. Янъ выбивалъ ковры, мылъ полы, бѣгалъ на базаръ, стиралъ, какъ баба, бѣлье, а по вечерамъ штопалъ чулки.

Прасковья Ивановна, узнавъ, что Леночка нездорова, пришла навѣстить ее. Она увидѣла почти цвѣтущія щеки дѣвушки. Леночка холодно приняла гостью. Прасковья Ивановна очень похудѣла, и это къ ней шло. О Михольскомъ не было сказано ни слова, хотя, по выраженію глазъ Дейкуновой, Леночка заключила, что она хочетъ сообщить ей что-то именно о Михольскомъ. Прасковья Ивановна подержала руку Леночки въ своей рукѣ, перебирая ея пальцы; а затѣмъ вдругъ встала съ рѣшительнымъ видомъ и простилась. Впрочемъ, она скоро вернулась — забыла зонтикъ.

— А что, Леночка, сказала она: — исторія-то съ глухонѣмой нищенкой?.. Я вѣдь говорила, а вы не вѣрили... Мнѣ жаль Егора Егорыча...

Леночка поблѣднѣла.

— Папочку обвиняютъ въ превышеніи власти...

— Не въ одномъ превышеніи!

— Все равно, папочка оправдается.

Въ тотъ же день, передъ вечеромъ, Юскевичъ принесла Леночкѣ отъ Терюханова красивую коробку конфектъ и букетъ фіалокъ. Она не приняла. Юскевичъ долго уговаривала Леночку. Уговаривая, она ѣла конфекты и прихваливала. Леночка схватила букетъ фіалокъ и, покраснѣвъ отъ внезапнаго гнѣва, замахнулась, чтобъ бросить букетъ на полъ. Но капитанша спасла цвѣты отъ поруганія. Она первый разъ видѣла Леночку такой сердитой. Пани думала, что Леночка неспособна на такія выходки. Она покачала головой и, нюхая фіалки, молча удалилась съ оскорбленнымъ видомъ.

Но такъ какъ Леночка была больна, то она рѣшилась простить ей эту вспышку и вскорѣ опять пришла въ спальню.

Леночка протянула ей руку.

— Что значитъ — папочкина кровь! сказала капитанша, цѣлуя дѣвушку.

Леночка вяло улыбнулась.

Юскевичъ сѣла на кровать и цѣлый часъ провела у Леночки, жалуясь на трудныя времена, на то, что теперь командовать ротой не такъ выгодно, какъ прежде, что мужчины »поумнѣли« и не охотно женятся, и насплетничала на Прасковью Ивановну, поклявшись, что та постоянно измѣняетъ мужу.

Леночкѣ было стыдно, но она спросила:

— И теперь измѣняетъ?

— Конечно.

Леночка молчала.

— Можетъ, хотите знать, кто ея милый?

Леночка замахала рукой и такъ посмотрѣла на капитаншу, что та ничего больше о »миломъ« Прасковьи Ивановны не сказала. Вздохнувъ, пани произнесла:

— Чтобъ вы знали, Леночка, я не виновачу мадамъ Дейкунову.

— Какимъ образомъ?!

— Да безъ всякаго образа. Она имѣетъ

на то право. Женщина молодая, замужняя...

— Никакого права!

Леночка стала говорить, что если разъ полюбишь, то ужь никого больше нельзя любить. Будь Прасковья Ивановна дѣвушкой... Сердце дѣвушки свободно... Но... замужняя женщина!

Юскевичъ согласилась, что сердце дѣвушки свободно, только дѣло не въ сердцѣ. Леночка упрямо стояла на своемъ.

Тогда Юскевичъ запальчиво сказала:

— Да что вы мнѣ говорите, Леночка! Мы замужемъ, такъ ужъ намъ свѣтъ завязаный! Ну, хорошо. А ежели дѣвушка да полюбитъ женатаго человѣка?

Она съ торжествомъ смотрѣла на Леночку. У той загорѣлись уши. И она вспомнила, какъ, три года назадъ, папочка разрѣшилъ этотъ вопросъ.

— Никогда я не полюблю женатаго человѣка!

— Не про васъ рѣчь...

— Никогда! Никогда! повторила Леночка.

Споръ ничѣмъ не кончился. Леночка топала ногой, дошла до слезъ. Юскевичъ сдерживала себя, приводила доказательства, и внутри ея все клокотало. Наконецъ, она стремительно ушла.

Но и за этой ссорой послѣдовало примиреніе. Пани Юскевичъ сама принесла Леночкѣ ужинъ. Обѣ женщины мирно поговорили о новыхъ модахъ, и, разставаясь, капитанша пожелала молодой дѣвѣшкѣ »розовыхъ сновъ«, и поцѣловала ее въ лобъ.

Черезъ недѣлю отъ папочки пришло письмо. Майоръ въ правописаніи былъ твердъ, но Леночка обратила вниманіе на множество прописныхъ буквъ и отсутствіе точекъ. Прежде въ его письмахъ, которыя онъ присылалъ иногда во время разъѣздовъ своихъ по округу, этого не замѣчалось. Папочка извѣщалъ, что утромъ пріѣхалъ въ Вильно и тотчасъ же явился къ генералъ-губернатору. Генералъ-губернаторъ принялъ его сурово, и надежды на безпристрастіе и справедливость начальства мало. »Однако, Уповаю

писалъ майоръ: На Господа Бога И Его Неисчерпаемую Милость«. Онъ сообщалъ. что здоровъ; выйдя отъ генералъ-губернатора, правда, онъ чувствовалъ головокруженіе, и въ глазахъ рябило, такъ что даже предметы были видимы только до половины; но вскорѣ это прошло. Онъ спрашивалъ, бываетъ ли Терюхановъ и просилъ напомнить ему, что онъ обѣщалъ прислать адресъ отъ несвенцянскихъ дворянъ и чиновниковъ »Невинно Страдающему« и »Всѣми Любимому и Уважаемому« »Начальнику и Другу«. »Адресъ Этотъ Очень Мнѣ Пригодился Бы«. Въ заключеніе, майоръ приказывалъ Леночкѣ вести себя какъ можно любезнѣе съ Петромъ Алибеичемъ.

Леночка спрятала папочкино письмо въ шкатулку, вздохнула и скоро забыла о немъ. Леночка была уже совсѣмъ здорова. Въ этотъ день былъ праздникъ, и она нарядилась. Она надѣла шляпку и, глядя на себя въ зеркало, радовалась, что лицо у ней такое свѣжее. Ея глаза блистали.

Звонили къ обѣднѣ. Леночка бросила робкій взглядъ на окно противоположнаго дома: оно открыто, у окна никого нѣтъ. Михольскій могъ жить въ этомъ домѣ, но могъ и не жить, а лишь иногда приходить въ гости къ старичкамъ, которымъ принадлежалъ домъ. Такъ разсуждала Леночка. Но она чувствовала сердцемъ, что Михольскій въ этомъ домѣ живетъ.

Пани Юскевичъ отправилась въ костелъ, а Леночка подумала, что надо пойти въ церковь. Она вышла изъ дома и, идя, поглядывала на окно. Она видѣла только, какъ чьи-то руки захлопнули его.

На улицѣ грязи было много, блестѣли огромныя лужи, и небо отражалось въ нихъ желто-зелеными пятнами. Половину дороги Леночка прошла благополучно по тротуарамъ, и вдали уже бѣлѣлся соборъ Всѣхъ Святыхъ, съ невысокими колоколенками по обѣимъ сторонамъ огромнаго красноватаго купола, увѣнчаннаго маленькимъ крестомъ.

Но тротуары кончились, и Леночка

остановилась. Тощій еврей переносилъ черезъ лужу офицера. Леночка улыбнулась и пошла назадъ.

Она не сдѣлала и десяти шаговъ, какъ встрѣтила Михольскаго. Ей показалось, что онъ застѣнчиво смотритъ на нее. Сердце у ней шибко забилось. Они подали другъ другу руки, и она стала объяснять, куда шла, и какая »ужасная« грязь.

Онъ замѣтилъ: »Въ Несвенцянахъ какой хотите грязи много«. И, въ свою очередь, объяснилъ, что вышелъ подышать чистымъ воздухомъ.

— Впрочемъ, сказалъ онъ: — мнѣ больше всего хотѣлось встрѣтить васъ.

Онъ въ полъ-оборота глянулъ на Леночку. Тонкій профиль ея хорошенькаго личика былъ слегка наклоненъ, бѣлыя ленты шляпки оттѣняли блѣдный румянецъ ея щекъ.

Они шли и чѣмъ ближе подходили къ дому, тѣмъ шаги ихъ становились медлительнѣе. Наконецъ, они разстались. Но пожатіе руки, которымъ они обмѣнялись,

было такое дружеское, что оба они почувствовали, какъ что-то ихъ сблизило. Стоя у калитки, Леночка хотѣла крикнуть ему, чтобъ онъ вернулся, и спросить, отчего онъ не заходитъ. Но сдѣлалось стыдно, и она промолчала.

Весь день ходила она по саду, тревожно улыбаясь, иногда сбивая зонтикомъ бутоны съ цвѣтовъ и подолгу просиживая на своей любимой скамеечкѣ, на берегу Крулевскаго болота, слѣдя полетъ птицъ, исчезавшихъ въ голубой дали.

XIII

Съ этихъ поръ Леночка стала часто выходить изъ дома, и передъ обѣдомъ ее почти всегда можно было встрѣтить на тротуарѣ одну или съ Михольскимъ. Однажды, возвратившись съ такой прогулки, розовая и необыкновенно похорошѣвшая, она застала въ маленькой гостиной

Терюханова. Онъ сидѣлъ съ пани Юскевичъ и пилъ кофе. При видѣ Леночки, Терюхановъ широко улыбнулся. Леночка сухо поклонилась и быстро прошла мимо. Однако, вспомнивъ, что папочка уже два раза просилъ ее напомнить Петру Алибеичу объ адресѣ, она сняла шляпку и вышла къ гостю. Пани Юскевичъ бросила дѣвушкѣ дружескій взглядъ.

Леночка, краснѣя, объяснила Петру Алибеичу, что ей надо. Онъ заложилъ руки въ карманы и устремилъ глаза на ея грудь.

— И самъ папенька, и Олимпія Михайловна (онъ кивнулъ головой въ сторону пани), и вотъ теперь вы просите объ этомъ адресѣ. Этотъ адресъ очень нуженъ, папенька пишетъ. Безъ этого адреса, какъ безъ двухъ рукъ! Сядьте, Лена Егоровна, и поболтаемъ объ этомъ адресѣ.

Леночка сѣла.

— Этотъ адресъ, Лена Егоровна, готовъ, продолжалъ Петръ Алибеичъ, немного опуская пристальные глаза: — и

лежитъ у меня на столѣ. Сто одна подпись, какъ сто одинъ пушечный выстрѣлъ!

— Вотъ будетъ папочка благодаренъ!

— Но я не знаю, будетъ ли благодарна дочь...

— О! разумѣется, будетъ благодарна! поспѣшила сказать пани Юскевичъ.

Леночка тревожно взглянула на капитаншу. Терюхановъ засмѣялся.

— Испугались?

— Разумѣется, буду благодарна.

— Дайте поцѣловать ручку...

Леночка спрятала руку. Терюхановъ наклонился къ ней, но она встала, чтобъ уйти.

У Терюханова лицо исказилось. Онъ вскочилъ, загородилъ Леночкѣ дорогу и хриплымъ голосомъ сказалъ:

— Я знаю, на кого вы промѣняли меня... На полячишку, на мятежника!.. Но онъ въ моихъ рукахъ... ха-ха!

Леночка поблѣднѣла.

— Лена Егоровна! съ тоской произнесъ Терюхановъ.

Леночка ушла.

Обѣдать Леночка не захотѣла. Она волновалась неизъяснимо. Она обошла садъ и затѣмъ, войдя въ домъ, взяла пани Юскевичъ за руку и голосомъ, который казался ей твердымъ, объявила, что вечеромъ будутъ гости.

— Какіе гости?

— Михольскій и Діаконова.

У капитанши глаза округлились. Но въ послѣднее время Леночка ведетъ себя такъ странно, что она не стала возражать. Впрочемъ, она упомянула о папочкѣ. Что, если вдругъ папочка пріѣдетъ?.. Леночкѣ предположеніе это показалось несбыточнымъ. И она, въ первый разъ обнявъ и поцѣловавъ Юскевичъ, предложила ей денегъ.

Юскевичъ слегка обидѣлась; но согласилась, что на угощеніе деньги понадобятся; и взяла на этотъ предметъ у Леночки десять рублей.

О Терюхановѣ пани промолчала. Она »знала, что знала«. И не хотѣла Леночкѣ »портить кровь«.

Стало смеркаться. Леночка не спу-

скала глазъ съ окна противоположнаго дома.

Потухало майское небо, краски и очертанія предметовъ становились неопредѣленнѣе. И чтобы лучше видѣть, Леночка надѣла пенснэ.

На желтомъ фонѣ яркаго свѣта вырѣзывалась чернымъ крестомъ рама окна. Тамъ мелькала знакомая тѣнь. Сердце Леночки тревожно билось.

— Боже мой! Его надо предупредить! шептала она, вспоминая угрозу Терюханова.

Марися зажгла огонь въ залѣ, въ гостиной, и суетилась, обращая иногда къ барышнѣ смѣющееся плутовское лицо. Янъ помогалъ ей ставить стулья на мѣста, боязливо, какъ заяцъ, прислушиваясь къ голосу Юскевичъ, гремѣвшему вдали.

Свѣтъ въ окнѣ Михольскаго потухъ, и вскорѣ въ передней послышался звонокъ.

Леночка выбѣжала навстрѣчу гостямъ.

Она пожала руку Діаконовой, маленькой дамѣ въ темномъ шерстяномъ платьѣ, въ подрѣзанныхъ завитыхъ волосахъ, чер-

*

ныхъ какъ смоль, и съ покровительственной улыбкой на лицѣ, уже слегка увядшемъ. Другую руку Леночка протянула Михольскому. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Какъ это хорошо, что вы пришли! сказала она торопливо.

Они, разговаривая, вошли въ гостиную, и тутъ Леночка, сравнивъ мелькомъ своихъ гостей, увидѣла, какъ мало они похожи другъ на друга.

Она нѣсколько разъ собиралась говорить и робѣла. Она играла пенснэ, которое висѣло у ней на груди, и не рѣшалась его надѣть. Эти гости казались ей высшими натурами, и она не знала, какъ вести себя съ ними. Авдотья Сергѣевна — такъ звали Діаконову — производила на нее впечатлѣніе женщины идеальной и умной; и только на этомъ основаніи сожительство ея съ человѣкомъ, съ которымъ она не вѣнчана, было простительно въ глазахъ Леночки. Но, поставивъ себя мысленно на мѣсто Авдотьи Сергѣевны, Леночка покраснѣла, и все

время румянецъ игралъ на ея лицѣ ярче обыкновеннаго. Впрочемъ, она не могла дать себѣ отчета, почему у ней такъ горятъ щеки; сердце трепетало въ ея груди, не то отъ счастья, не то отъ ужаса. А когда она произносила короткія фразы въ отвѣтъ на длинныя и красивыя фразы Авдотьи Сергѣевны, губы ей плохо повиновались.

Авдотья Сергѣевна была деликатна и ничего не сказала о дѣлѣ Егора Егорыча. Михольскій, скрестивъ руки, смотрѣлъ на Леночку. Ея румянецъ, тревожный взглядъ ея блистающихъ глазъ приковывали его вниманіе.

Подали чай. Авдотья Сергѣевна не любила банальныхъ разговоровъ. Она сострадательно улыбнулась, когда Леночка сказала, что »погода, кажется, измѣняется«. Она завела рѣчь о томъ, какая необразованность въ Несвянцянахъ, а отсюда перешла къ литературѣ и одобряла только тѣхъ писателей, которые сочувствуютъ женщинамъ.

— Женскій вопросъ, Елена Егоровна,

сказала она съ горячимъ убѣжденіемъ: — выше всѣхъ вопросовъ...

Марися принесла подносъ съ апельсинами. Леночка испугалась. Что если Авдотья Сергѣевна осудитъ угощеніе? Да и Марися явилась съ апельсинами некстати: перебиваетъ Авдотью Сергѣевну.

Но Авдотья Сергѣевна взяла апельсинъ и продолжала:

— Женщины Тургенева, женщины Шевченки, женщины Жоржъ-Зандъ, безсмертные женскіе типы Шекспира, наконецъ, Марка Вовчка...

— Мицкевича, подсказалъ Михольскій.

— Мицкевича, повторила Авдотья Сергѣевна, очищая апельсинъ: — ничто въ сравненіи съ тѣмъ великимъ женскимъ типомъ, который пока составляетъ достояніе будущаго. На нашей обязанности, Елена Егоровна, лежитъ...

Леночка не могла сосредоточиться долго ни на чемъ. Она продолжала дрожать всѣмъ тѣломъ. Схвативъ апельсинъ, она подала его Михольскому. Онъ украдкой пожалъ ей пальцы. И Леночка не слы-

шала, что лежитъ на »нашей обязанности«.

Но вскорѣ она поймала нитъ разговора. Авдотья Сергѣевна распространилась о мѣстномъ дамскомъ обществѣ и вернулась къ несвянцянской необразованности. »Помилуйте! здѣсь даже нѣтъ библіотеки!« Она стала горячиться, ударила о подносъ апельсинной коркой. »Слѣдуетъ похлопотать! Слѣдуетъ устроить библіотеку!« Она первая жертвуетъ всѣ свои книги. Михольскій съ доброй улыбкой посмотрѣлъ на нее. Леночка ревниво сказала:

— Я тоже...

И подала новый апельсинъ Осипу Антонычу. Онъ перевелъ глаза на нее, и пальцы ихъ, какъ и тотъ разъ, встрѣтились.

Мысль о библіотекѣ заняла Авдотью Сергѣевну. Она говорила, какой подборъ книгъ надо сдѣлать и какъ написать уставъ библіотеки. Она попросила карандашъ и бумаги и стала набрасывать параграфы устава.

— Библіотека должна быть общественная...

— Да, Терюхановъ... Онъ сегодня кричалъ... грозилъ... Я не подозрѣвала, что это такъ серьезно! Осипъ Антонычъ, берегите себя!

Осипъ Антонычъ былъ тоже блѣденъ. Но вдругъ онъ выпрямился и спокойно и надменно сказалъ:

— Я не боюсь этого татарина...

Леночка крѣпко сжала деревцо.

— Не уѣдете!??

— Можетъ быть... Надо чрезъ Прасковью Ивановну навести справку у Буханцева... Она вхожа къ нему, замѣтилъ онъ съ непріятной улыбкой. — Во всякомъ случаѣ, *Елена*, намъ пора объясниться... объясниться серьезно.

Онъ впервые назвалъ ее Еленой. У ней сердце загорѣлось. Она жадно прислушивалась.

— Утромъ, когда солнце взойдетъ, вы застанете меня на плотинѣ, отчетливымъ шопотомъ произнесъ онъ, наклонившись къ дѣвушкѣ.

Плотина раздѣляла Крулевское болото на двѣ неровныя половины и вела къ

замку Хронщей. Тамъ росли высокія вербы, и мѣсто было пустынное. Леночка вспомнила это. Она стыдливо посмотрѣла на Михольскаго. Взглядъ у него былъ пристальный, повелительный.

Яркій румянецъ снова разлился на щекахъ Леночки. Она молча кивнула головой.

— Вотъ, господа, главные параграфы нашего устава... обратилась къ нимъ Авдотья Сергѣевна, вставая и подходя съ бумагой въ рукѣ.

Они должны были прослушать проэктъ устава. »Членомъ библіотеки можетъ быть всякій«. Леночка сдѣлала внимательное лицо. И такъ же внимателенъ былъ Михольскій. Но они оба почти ничего не слышали.

Около получаса длился скучный общій разговоръ. Изъ залы донесся голосъ пани Юскевичъ и вѣжливый смѣхъ капитана. Авдотья Сергѣевна сложила проэктъ устава, спрятала его въ карманъ и стала прощаться. Леночка смотрѣла на нее съ прежнимъ почтеніемъ, но въ то

же время и съ какимъ-то новымъ непріязненнымъ чувствомъ. Ужь не потому ли, что Леночка подозрѣвала въ ней автора корреспонденціи, погубившей папочку? Нѣтъ, это чувство зародилось сейчасъ, въ теченіе этого вечера, и то, что вызвало его, сознаніе еще не уловило.

Когда Авдотья Сергѣевна подошла къ зеркалу, чтобы надѣть шляпу, Осипъ Антонычъ поцѣловалъ у Леночки руку. »Полно, не сонъ ли это?« Знойный трепетъ, охватившій ее, снова мѣшалъ ей говорить, снова не повиновались ей губы. А къ этому присоединился страхъ, что она видитъ любимаго человѣка, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

Гости ушли.

Леночка, проводивъ ихъ, вернулась въ гостиную. Въ залѣ находился еще какой-то офицеръ и прилежно курилъ. Юскевичъ побѣжала за дѣвушкой.

— Выйдите, милочка, къ намъ!

Леночка потрясла головой.

— Не могу!

Держа на затылкѣ руки, она, въ

истомѣ, счастливыми и разомъ тревожными глазами смотрѣла на капитаншу.

— Жаль!.. А какъ же, Леночка, намъ съ адресомъ быть?

— Потомъ, Олимпія Михайловна, не сегодня!

— Бѣдный нашъ папочка!

Но Леночка улыбнулась. Мысли ея были далеко.

— Откуда у васъ очки, Леночка?

И на это Леночка не отвѣтила. Она все улыбалась, точно въ экстазѣ, и Юскевичъ, нагнувшись и посмотрѣвъ въ пенснэ, оставила ее.

Тогда Леночка вышла на терасу и долго стояла тамъ. Деревья шумѣли въ темнотѣ, на черномъ небѣ мерцали блѣдныя звѣзды. Ночь была холодная, Леночка жадно вдыхала сырой воздухъ. Когда же мѣсяцъ блеснулъ изъ-за тучи, онъ освѣтилъ на минуту уже не улыбавшееся и счастливое, а задумчивое, съ широко раскрытыми глазами, лицо молодой дѣвушки.

XIV

Раннее утро сѣрой мглой окутывало липы, и птицы еще молчали, когда Леночка проснулась и вышла въ садъ. Она такъ спѣшила, что не расчесала даже волосъ. Не оглядываясь, прошла она по аллеѣ и по берегу дымящагося болота. Столѣтнія вербы выступали изъ прозрачнаго тумана. Леночка шла по плотинѣ. Между стволами деревьевъ, бросавшихъ сумеречныя тѣни, виднѣлась даль, на востокѣ блѣднорозовыми струями переливался мутный воздухъ.

Михольскій уже ходилъ по плотинѣ. Въ рукѣ у него бѣлѣла красивая водяная лилія, только что сорванная. Онъ былъ одѣтъ по дорожному, въ ботфортахъ съ сакъ-вояжемъ. Синяя триковая шапочка прикрывала его волосы.

Онъ взялъ Леночку за руку и глянулъ ей въ глаза, испуганно смотрѣвшіе, съ потемнѣвшими отъ безсонной ночи вѣками.

Она была блѣдна, и даже губы ея были блѣдны, тревожно-сжатыя.

— Вы уѣзжаете? боязливо спросила она.

— Пришлось! произнесъ онъ съ торопливой улыбкой.

— Ахъ, Боже мой! сказала она: — значитъ, въ самомъ дѣлѣ... я не ошиблась?.. Я васъ больше не увижу? Осипъ Антонычъ! не увижу я васъ больше?..

— Успокойтесь, Елена, проговорилъ онъ.

Взявъ ее за талію, онъ въ другой рукѣ вертѣлъ цвѣтокъ, и они шли такъ вверхъ по плотинѣ, къ замку Хронщей.

— Представьте, какая подлость... Я-таки узналъ вчера, уже поздно вечеромъ, что меня, дѣйствительно, хотятъ арестовать, подозрѣвая во мнѣ... совсѣмъ, впрочемъ, другое лицо... Сейчасъ за пàлацомъ ждетъ съ лошадьми знакомецъ вашъ Лейба. Онъ мой кредиторъ, славу-Богу, и изъ страха, чтобъ не пропали его *кербели*, взялся провезти меня до Дзѣганова, гдѣ я буду все равно, что дома... нѣкоторое

время, разумѣется. Какъ вы дрожите, Елена!

Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ блѣдный лобъ.

— Холодно, прошептала она.

— Вы такъ дрожите, что и я сталъ дрожать! сказалъ Михольскій.

И когда они проходили мимо чернаго остава водяной мельницы, давно заброшенной и поросшей зеленымъ мохомъ, Леночка вдругъ прижалась къ Михольскому, и онъ не выдержалъ — расцѣловалъ ее. Губы ея заалѣли, щеки покрылись неровнымъ румянцемъ.

— Я васъ люблю! проговорила она нѣжно. — Неужели мы больше не увидимся?

— Это зависитъ отъ васъ, сказалъ онъ загадочно, сжимая ея руку.

Они шли. Въ концѣ плотины показались каменныя стѣны пàлаца.

— Вотъ тутъ? спросила Леночка.

— Что »тутъ«?

— Лошади...

— Да, недалеко...

У ней подкосились ноги. Михольскій посадилъ ее на скамейку, возлѣ воротъ.

— Еще рано, сказала она, устремляя на него глаза, полные слезъ.

— Собственно говоря, пора, проговорилъ онъ. — Но минутъ пять куда ни шло.

— Слушайте, Осипъ Антонычъ, стыдливо начала она, сдерживая слезы: — вотъ сто рублей и еще... два золотыхъ... и вотъ (она вынула горсть серебра)... Возьмите, пожалуйста... Вамъ пригодится...

— Не надо, Елена, возразилъ онъ, съ доброй улыбкой, и отстранилъ деньги. — Можетъ быть, и вамъ пригодятся...

— Мнѣ на что же?

— На то же, на что и мнѣ...

Она пытливо взглянула на него. Еще пытливѣе былъ его взглядъ.

— Уѣдемъ со мной, сказалъ Михольскій.

Сердце у Леночки болѣзненно забилось. Она улыбнулась, и эта улыбка застыла на ея лицѣ. Она молчала.

— Отвѣтьте же...

Она молчала — все молчала.

Михольскій поблѣднѣлъ.

— Знаете, началъ онъ: — вы похожи на эту лилію... Это милый, чистый цвѣтокъ, но онъ любитъ свое болото...

У Леночки слезы покатились изъ глазъ. Но она молчала.

Михольскій всталъ. Тогда она схватила его за руку и, глухо рыдая, покрыла ее поцѣлуями.

— Еще рано... шептала она.

Онъ наклонился къ ней, и губы ихъ слились.

Опустившись снова на скамейку, онъ захотѣлъ, чтобъ Леночка сѣла къ нему на колѣни. Она закрыла глаза и тяжело дышала. Онъ чувствовалъ тяжесть ея тѣла. Она отдавалась ему. Но ему казалось, что это бѣлое платье приросло къ ея ногамъ и что, въ самомъ дѣлѣ, она какой-то красивый болотный цвѣтокъ, съ своеобразной душой, которой онъ не понимаетъ. И онъ не смѣлъ ее тронуть.

Время шло. Солнце поднималось, крас-

ное, какъ рубинъ, и дулъ вѣтеръ, разгоняя утреній туманъ.

Михольскій вздохнулъ.

— Встаньте, Елена. И такъ — вы не ѣдете? Встаньте... Рѣшайте скорѣй.

Онъ держалъ ее за руку.

— Нѣтъ, сказала она чутъ слышно.

Онъ обнялъ ее. Онъ долго цѣловалъ ее. Наконецъ, Лейба вышелъ изъ-за ограды, встревоженный и испуганный — надо было разстаться. Леночка плакала навзрыдъ.

— Не думайте обо мнѣ дурно, Осипъ Антонычъ...

Михольскій, стиснувъ зубы, сѣлъ въ таратайку, и еврей погналъ лошадей, привставъ на козлахъ. Михольскій обернулся. Онъ видѣлъ, что Леночка стоитъ на одномъ мѣстѣ, закрывъ обѣими руками лицо. Розовые лучи туманнаго солнца слабо освѣщали ее. Но скоро они потухли. И въ печальной мглѣ сѣраго дня мало-помалу навсегда исчезъ для него милый образъ »болотнаго цвѣтка«.

Дождь сталъ накрапывать. Леночка пошла домой. Ей казалось, что она возвра-

*

щается съ похоронъ. Слезы мѣшали ей видѣть. Старыя вербы шумѣли надъ головой, и болото, зеленѣвшее мѣстами, какъ лугъ, опять покрывалось туманомъ.

Леночка думала о своемъ одиночествѣ. Ей было ненавистно это болото! Оно зіяло, какъ могила, отвратительная, но неизбѣжная. Леночка остановилась и смотрѣла на клубы тумана, медлительно ползущаго по его дремлющей поверхности, цѣпляющагося за кочки, за камыши. Руки у ней были холодны, она ломала ихъ; сердце ныло отъ тоски.

— Барышня, зонтикъ нате!

Леночка обернулась и увидѣла Марисю.

— Ты подсматривала за мной? сказала она сердито.

— А чтобъ же меня разорвало! начала Марися и перекрестилась. — А чтобъ же...

— Хорошо, хорошо... Дай зонтикъ. Пани Юскевичъ спитъ?

— Уже встали...

Леночка торопливо зашагала по плотинѣ. Марися бѣжала за ней. Она что-

то говорила, но Леночкѣ было не до нея.

Въ саду Леночку встрѣтила капитанша. Пани была встревожена и дрожа обняла дѣвушку.

— Папочка пріѣхалъ.

Леночка не поблѣднѣла. Она и безъ того была блѣдна. Но она крѣпко оперлась на руку пани.

— Ему извѣстно, Леночка, про Михольскаго. Это штуки Прасковьи Ивановны. Ревнивая! Она, знаете, безъименнымъ письмомъ ему все донесла.

— Ахъ, Леночка, что-жь это съ нами будетъ!

Она слезливо смотрѣла на дѣвушку.

— Леночка, я векселя подамъ на него — вотъ онъ и смирится, придумала капитанша. — Не бойтесь, вѣрьте мнѣ! Было бы дружить со мной — я-бъ вамъ все устроила, шито-крыто... Богъ съ вами!

Она участливо пожала дѣвушкѣ руку и, качая головой, съ какой-то странной радостью сказала:

— Леночка, Леночка! Какъ же это

вы — съ женатымъ человѣкомъ на свиданіе бѣгали?

Леночка съ недоумѣніемъ и тоской взглянула на нее.

— Въ бѣду попадетесь... Смотрите, чтобъ и васъ не взяли... Нѣтъ, Леночка, не ждала я отъ васъ этого. На меня, бывало, точно принцесса какая смотрите... а сами-то... Ахъ-ха-ха!

— Да что́ вы — на какое свиданіе... начала Леночка смущенно. И затѣмъ прибавила, горячимъ шопотомъ: — развѣ *онъ* женатъ?

Она остановилась и растерянно смотрѣла на торжествующее лицо Юскевичъ.

— Женатъ, милочка, женатъ... отвѣчала та: — на Діаконовой женатъ... Діаконова— не сестра ему, а жена!!

Леночка оттолкнула руку Юскевичъ. Искра надежды, теплившаяся въ ея сердцѣ, вдругъ погасла. Она стремительно вбѣжала на терасу.

Дождь пошелъ сильнѣе. Онъ хлесталъ по листвѣ сада, по окнамъ, но мѣрно, безъ порывовъ и, должно быть, зарядилъ надолго.

Въ спальнѣ Леночка застала отца. Онъ сидѣлъ въ ея креслѣ, мрачный, съ землистымъ лицомъ.

— Такъ вотъ отчего я не могъ д'ждаться адр'са? сказалъ онъ, вставая и подходя къ ней.

Она глядѣла на отца. Лицо у него было какое-то неровное, и правый глазъ сверкалъ страшнымъ блескомъ. Леночка опустила вѣки и слышала, какъ пересохшія губы ея сказали, силясь улыбнуться:

— Папочка...

Потомъ она почувствовала боль въ плечѣ; майоръ трясъ ее, изступленно кричалъ, хрипѣлъ. Но что онъ говорилъ, она не могла разобрать. »Папочка все знаетъ«, въ ужасѣ думала она и просила:

— Не убивайте меня...

— Развр'тн... тв'рь... кричалъ отецъ, и голосъ его то возвышался до рева, то падалъ до шопота. Казалось, онъ выкрикивалъ только по одной начальной буквѣ каждаго слова. И половина лица его была красная и смѣялась ужаснымъ беззвучнымъ смѣхомъ, а половина мертвенно

блѣдная. Пѣна выступила на посинѣвшихъ губахъ.

Тогда Леночка испугалася за отца. Ей показалось, что онъ умираетъ. Отъ него вдругъ повѣяло, точно отъ трупа, холодомъ. Она стала звать на помощь. »Марися! Сюда! Олимпія Михайловна! Кто тамъ!.. Ради Бога!« Пока прибѣжали, майоръ упалъ на полъ.

Леночка голосила, цѣловала отца.

Но когда пришелъ Діаконовъ и сказалъ ей: »онъ будетъ жить«, Леночка встрепенулась и чуть не разсмѣялась отъ радости.

Діаконовъ, дѣйствительно, спасъ майору жизнь, но старикъ не могъ совершенно поправиться и едва черезъ мѣсяцъ сдѣлалъ по комнатѣ нѣсколько смѣшныхъ шаговъ, опираясь на руку дочери. Леночка все время не отходила отъ него, цѣловала у него руки, просила прощенія. Онъ молчалъ, гнѣвно устремляя на нее живой глазъ.

Слѣдствіе по дѣлу его затянулось. Мужиковъ таскали изъ деревень, держали въ городѣ по недѣлямъ въ самый разгаръ

полевыхъ работъ, и Леночкѣ опять пришлось услышать ихъ жалобные возгласы подъ окнами: »Христа радзи!«

Всплыло еще одно дѣло...

Когда майоръ принужденъ былъ выйти въ отставку, мадамъ Юскевичъ наложила запрещеніе на его домъ. Терюхановъ купилъ у ней »претензію«. Имѣніе, раньше пожалованное майору за »отлично-усердную« службу, онъ уступилъ обратно казнѣ за пятнадцать тысячъ, и эти деньги быстро теперь таяли, потому что надо было жить и поддерживать пріязненныя отношенія со слѣдственными чиновниками и судьями.

Онъ къ осени почти выздоровѣлъ. Только лѣвая нога его описывала полукругъ, прежде чѣмъ ступить, и искривленный ротъ не произносилъ ясно словъ.

Мало-по-малу опять сталъ бывать Терюхановъ. Онъ просиживалъ съ больнымъ вечера и игралъ съ нимъ въ шахматы, былъ вѣжливъ съ Леночкой, но она чувствовала, что онъ чего-то ждетъ, и не даромъ ликуетъ его взглядъ, свер-

кая изъ-подъ упрямыхъ полукружныхъ бровей.

Леночка стала набожна. Передъ маленькими иконами, въ позолоченныхъ ризахъ, горѣла всегда лампадка въ ея комнатѣ, и когда настали темныя осеннія ночи и дождь шелъ безпрерывно, сырой и пронизывающій, или когда гудѣлъ снѣжный вихрь въ грозную зимнюю полночь и выли волки въ камышахъ Крулевскаго болота, Леночка молилась о *немъ*. *Онъ* представлялся ей безпріютнымъ, гонимымъ, блуждающимъ среди снѣжныхъ степей, одинокимъ, какъ она сама. И слезы катились по ея лицу.

XV

Прошло лѣтъ четырнадцать. Весною, въ туманный теплый день, по новенькимъ рельсамъ недавно открытой — ской дороги шелъ почтовый поѣздъ. Пассажировъ было

немного, и вагоны летѣли стрѣлой по ровной мѣстности, однообразной до унынія. Горъ не было, ни холмовъ, ни пригорковъ. Но попадались высокія насыпи, и тогда машинистъ замедлялъ ходъ. За недѣлю передъ этимъ, поѣздъ съ рабочими упалъ съ такой насыпи, размытой дождями, и исчезъ въ трясинѣ. Пассажиры читаютъ объ этомъ происшествіи въ газетахъ и посматриваютъ изъ оконъ на море жидкой грязи съ замираніемъ сердца.

По обѣимъ сторонамъ бѣгутъ лѣса. Все сосна, да сосна. Мѣстами, стоятъ въ бѣлыхъ *свитахъ* мужики, и нельзя разобрать, мужчины это или женщины. Они кланяются поѣзду, какъ привыкли кланяться становому, попу, пану. Мелькаютъ избы безъ трубъ, широкія рѣки съ низменными берегами, всюду клубится туманъ. И дымъ паровоза стелется по землѣ, разрывается на клочки, бурыми завитками вертится въ сизомъ воздухѣ, пронизываемый красными искрами.

Пассажиры, проѣхавъ опасное мѣсто и оживившись на время сообщеніемъ другъ

другу извѣстныхъ уже, впрочемъ, каждому подробностей о томъ, какъ погибъ несчастный поѣздъ, снова начинаютъ скучать, дремать, и только повременамъ тишина въ вагонахъ нарушается хлопаньемъ дверецъ и появленіемъ кондуктора или контролера въ серебряныхъ жгутахъ и аломъ поясѣ.

Михольскій одиноко сидѣлъ въ купэ и не могъ оторвать глазъ отъ печальныхъ картинъ, въ какихъ развертывалась передъ нимъ родная природа. Сердце его учащенно билось, онъ смотрѣлъ въ туманную даль и думалъ о Несвенцянахъ.

Онъ постарѣлъ, щеки ввалились. Но бѣлокурые волосы его все также хороши. На немъ бархатная куртка, свѣтлыя перчатки. Онъ ѣдетъ въ К. на гастроли. Онъ извѣстенъ теперь подъ фамиліей Громовскаго и имѣетъ успѣхъ на провинціальныхъ сценахъ.

Когда поѣздъ остановился на станціи »Несвенцяны«, пассажиры вышли на платформу. Сталъ моросить мелкій дождикъ, но онъ не мѣшалъ нѣкоторымъ

юнымъ франтамъ — въ каждомъ поѣздѣ есть они — ходить взадъ и впередъ, въ модныхъ шапкахъ съ двумя козырьками, на подобіе шлема, и съ красивыми сакъ-вояжами черезъ плечо, и говорить молоденькимъ дамамъ разный вздоръ. По крайней мѣрѣ, Михольскому показалось, что говорятъ они вздоръ. Ему ужь было сорокъ лѣтъ, и его раздражала эта молодежь, вносившая что-то безпечное и нахально-веселое въ приниженную жизнь полумертваго края, съ косматыми соснами и курными хатами на первомъ планѣ, съ безплодной почвой, съ скучной, сердце надрывающей далью.

Встрѣчный поѣздъ опоздалъ, и его пришлось ждать нѣсколько минутъ. Поѣздъ, въ которомъ ѣхалъ Михольскій, перевели на запасный путь. Раздался хриплый свистокъ, и подошелъ опоздавшій поѣздъ. Онъ выпустилъ пассажировъ и помѣнялся мѣстами съ почтовымъ поѣздомъ, стоявшимъ на запасномъ пути. Билъ звонокъ, франты въ шлемахъ усаживали въ вагоны дамъ, и оберъ-кондукторъ вы-

дѣлывалъ трель. Поѣздъ тихо громыхнулъ и тронулся.

Платформа, мокрая отъ дождя, уходила назадъ съ ящиками, обитыми рогожей, съ десятичными вѣсами. Михольскій машинально глядѣлъ въ окно и курилъ.

Вдругъ онъ увидѣлъ, на платформѣ, въ кучкѣ другихъ пассажировъ, Петра Алибеича Терюханова въ черномъ обширномъ пальто съ бѣлыми траурными полосками на отворотахъ. Терюхановъ держалъ за руку дѣвочку лѣтъ двѣнадцати, въ непромокаемомъ плащѣ, собранномъ въ складки на таліи. Эта дѣвочка была похожа на Леночку. Тѣ же большіе, тревожные глаза, тотъ же складъ лица, та же застѣнчивость позы.

Поѣздъ пошелъ скорѣе. Терюхановъ и дѣвочка скрылись. Михольскій высунулся изъ окна, но за дождевой дымкой могъ различить только чьи-то неопредѣленные силуэты. Колеса вагоновъ завертѣлись съ мѣрнымъ стукомъ и опять понеслись навстрѣчу печальные виды — поля, залитыя водой, убогія деревушки, выруб-

ленные на-половину лѣса, съ уцѣлѣвшими кое-гдѣ исполинскими соснами, хмурившимися въ туманѣ.

Михольскій нервно курилъ папиросу за папиросой. Сердце его ныло. И онъ жалѣлъ, что не взялъ счастья, которое само нѣкогда давалось въ руки. Леночки нѣтъ. Или, можетъ быть, она жива?

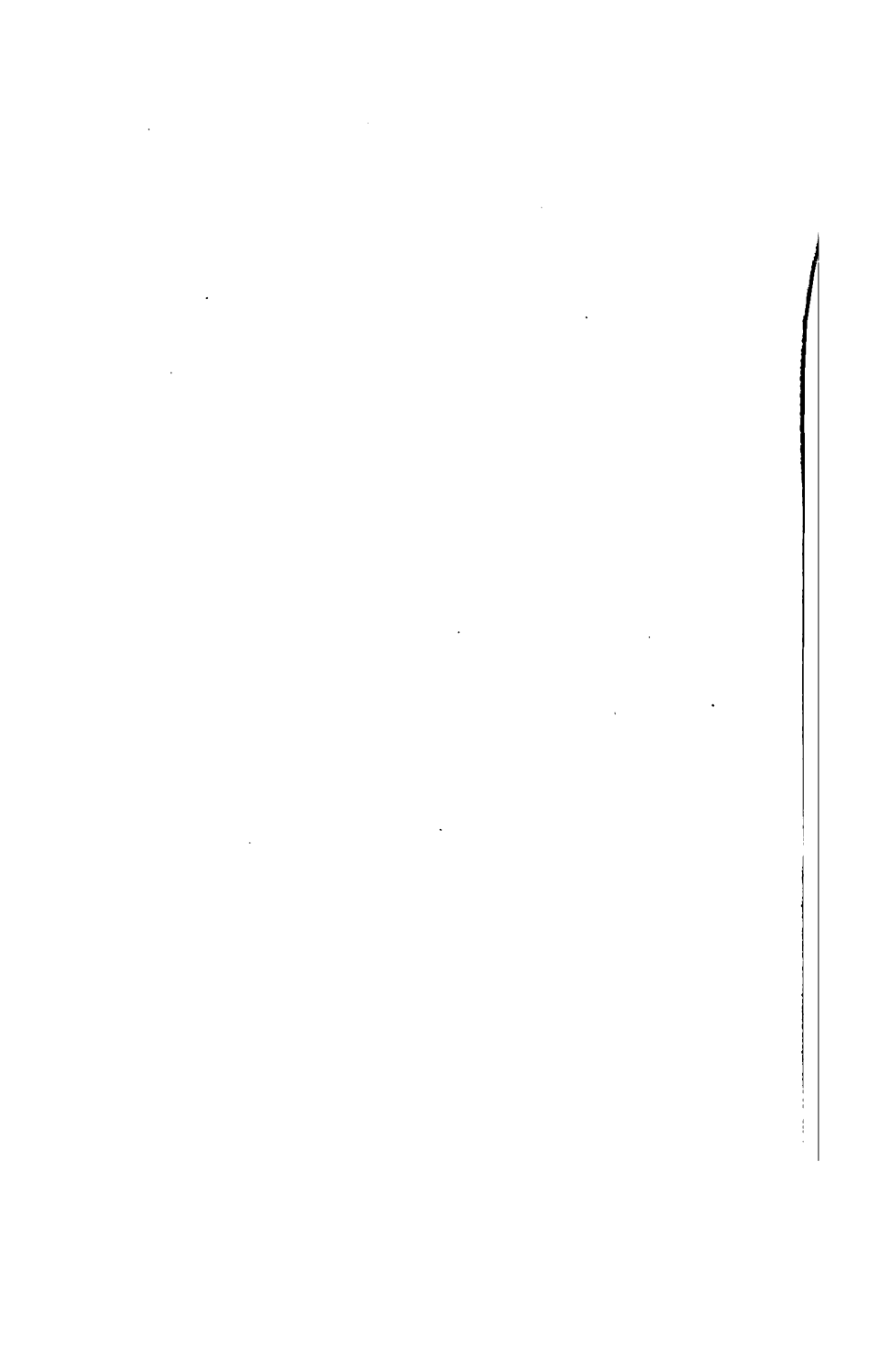
Жива или нѣтъ Леночка — все равно, для него она давно умерла.

На другой день ночью, поѣздъ пришелъ благополучно въ К., и Михольскій-Громовскій въ хлопотливыхъ приготовленіяхъ къ предстоящему дебюту забылъ вскорѣ объ этой встрѣчѣ и этихъ позднихъ сожалѣніяхъ.

1883

СОДЕРЖАНІЕ

	стр.
Всходы	1
Родина	176
Старый садъ	190
Болотный цвѣтокъ	274



Stanford University Libraries
3 6105 022 624 816

PG
3467
I3
1888
v. 2

CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6063
(650) 723-1493
greencirc@stanford.edu

All books are subject to recall.

DATE DUE

MAY 16 2006
MAY 16 2006